

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КЫРГЫЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

На правах рукописи
УДК 343.34:343.9 (575.2) (043.3)

МУРЗАХМАТОВ АЗАМАТ АПТАНДИЛОВИЧ

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАХВАТУ ЗАЛОЖНИКОВ
(по материалам Кыргызской Республики)**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
заслуженный деятель науки КР,
доктор юридических наук, профессор
Курманов Карпек Шамсединович

Бишкек – 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. УГОЛОВНО - ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ.....	11
1.1 Развитие законодательства в сфере противодействия захвату заложников.....	11
1.2 Объективные и субъективные признаки состава захвата заложников.....	29
1.3 Квалификация захвата заложников по ч.2, ч.3 ст.227 УК КР.....	56
1.4 Вопросы отграничения захвата заложников от смежных составов преступлений.....	85
ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ.....	91
2.1 Анализ состояния и тенденции захвата заложников, а также смежных составов преступлений.....	91
2.2 Криминогенные детерминанты, способствующие совершению захвата заложников.....	99
2.3 Криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложников.....	108
ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАХВАТУ ЗАЛОЖНИКОВ.....	116
3.1 Меры по совершенствованию уголовного законодательства КР, об ответственности за захват заложников.....	116
3.2 Специально-профилактические меры противодействия захвату заложников.....	123
ВЫВОДЫ.....	140
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	144
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Нынешняя криминологическая ситуация в Кыргызской Республики обусловлена высоким ростом преступлений против общественной безопасности. Нужно отметить, что в условиях изменения социально-политического и экономического устройства страны, которые были вызваны очередной сменой власти, усилились и детерминировали различные противоречия в обществе. Об этом свидетельствуют трагические события июня 2010 года, произошедшие на юге страны. Тогда беспорядочные массовые беспорядки вылились в межэтнические конфликты, которые закончились кровопролитием. Произошедшие события не могли не сказаться на состоянии преступности и общественной безопасности в Кыргызской Республике. Из тени вышли сепаратисты, их религиозная деятельность сопровождалась экстремизмом, что в свою очередь, привело к росту ряда тяжких преступлений, в том числе, захвата заложников наряду с терроризмом и похищением людей. Так, за 2011 год зарегистрированных случаев терроризма – 4, захвата заложников – 3, похищение человека – 56, а также было выявлено 47 фактов религиозного экстремизма [1, с. 19].

По данным Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (ГКНБ КР), 8 октября 2011 года сотрудники ведомства провели спецоперацию по выявлению лиц, причастных к религиозно-экстремистским организациям на юге Республики. Во время задержания один из подозреваемых, в попытке скрыться от преследования, захватил в городе Кара-Суу маршрутный микроавтобус с 13 пассажирами и, угрожая водителю пистолетом, велел следовать в город Ош. Однако на подъезде к городу террорист был обезврежен при помощи снайперов ГКНБ КР [2, www.24.kg].

В результате этой спецоперации задержанию спецслужбами подверглись десять человек из запрещенной экстремистской организации «Союза исламского джихада». У этих людей были изъяты боеприпасы (гранаты), пистолеты и

материалы экстремистского толка. Как сообщают спецслужбы, члены «Союза исламского джихада» были переброшены из учебно-тренировочных лагерей международных террористических организаций Афганистана и Пакистана для проведения терактов и дестабилизации ситуации в республике накануне президентских выборов [3, www.K-News.kg].

Сегодня все мировое сообщество активизировалось на борьбу с международным терроризмом в связи с чем, проблема захвата заложников стала еще острее. И это несмотря на то, что количество захвата заложников невелико, поскольку данный вид преступления характеризуется высокой степенью общественной опасности и характером деяния. Захват заложников наряду с терроризмом является важнейшим индикатором состояния общественной безопасности и правопорядка в государстве, а также защиты прав конкретной личности.

Характерной особенностью захвата заложников в Кыргызской Республике является то, что данное преступление зачастую сопряжено с терроризмом, бандитизмом, организацией и участием в незаконных вооруженных формированиях, массовыми беспорядками, незаконным оборотом оружия и боеприпасов, а также с проявлением религиозного экстремизма и сепаратизма, что существенно повышает общественную опасность этого преступления. Для эффективного противодействия захвату заложников, необходимо проведение комплексных исследований теоретических аспектов и разработок на монографическом уровне.

В Кыргызской Республике доселе не было исследований, посвященных проблемам совершенствования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия захвату заложников. Вышеуказанные обстоятельства предопределили выбор и актуальность темы исследования.

Цель и задачи исследования. Целью данного диссертационного исследования является научная разработка предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование уголовно-правовых и профилактических

мер противодействия захвату заложников. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- глубоко проанализировать процесс развития законодательства, в частности, в сфере противодействия захвату заложников;
- провести анализ объективных и субъективных признаков состава захвата заложников;
- рассмотреть квалифицирующие и особоквалифицирующие признаки состава захвата заложников;
- выявить проблемные ситуации при квалификации и отграничении захвата заложников от смежных составов преступлений;
- провести криминологический анализ состояния и тенденции, а также факторов, детерминирующих захват заложников в Кыргызской Республике;
- выявить особенности личностной характеристики лиц, совершающих захват заложников;
- разработать научно-обоснованные предложения, направленные на совершенствование норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за захват заложников;
- разработать предложения и рекомендации, направленные на повышение эффективности профилактических мер противодействия захвату заложников.

Суть научной новизны исследования заключается в том, что данная работа представляет собой одну из первоначальных попыток комплексного, криминологического и уголовно-правового исследования захвата заложников в современных социально-правовых условиях в Кыргызской Республике. Автором впервые подвергнуты предметному анализу элементы состава преступления, предусмотренные ст.227 УК КР и исследована практика ее применения. В работах на основе современных мировых тенденций удалось раскрыть главные криминогенные факторы захвата заложников, проведен глубокий анализ международных актов и норм национального законодательства по противодействию захвату заложников. По итогам

научного исследования автор внес соответствующие предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм за захват заложников.

Практическая значимость полученных результатов исследования выводов и предложений заключена в том, что сформулированные рекомендации могут вполне эффективно использоваться в законотворчестве, направленном на совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за захват заложников, а также в деятельности правоохранительных органов по профилактике захвата заложников. Материалы данной диссертации могут быть также использованы в учебном процессе по курсам особенной части уголовного права и криминологии.

Основные положения, выносимые автором на защиту:

1. Анализируя права и порядки, доселе существовавшие у кыргызов, автор пришел к выводу о том, что в нормах адата существовал специфический институт восстановления нарушенных прав – барымта, который подразумевал не только насильственный захват имущества должника, но и взятие его в заложники за невыполнение каких-либо обязательств либо нанесенные ранее обиды и оскорбления. Все это происходило между враждующими родами и, что удивительно, вполне легально, что уже являлось захватом заложников.

2. На основе анализа нормы ст. 227 УК КР об ответственности за захват заложников, обоснованным можно считать положение о том, что непосредственным объектом при захвате заложников является безопасность общества, как система общественных отношений по поводу создания и поддержки безопасных условий жизнедеятельности общества. Также это касается функционирования и развития всех государственных, общественных институтов и состояние защищенности личности от различных по содержанию угроз. Дополнительными непосредственными объектами захвата заложников являются общественные отношения, обеспечивающие физическую свободу личности, а при квалифицирующих признаках жизнь и здоровье человека, а также право собственности.

3. В целях точной квалификации захвата заложников предлагается изменить диспозицию ст.227 УК КР и дать ее развернуто, изложив в следующей редакции: *«Захват или удержание лица в качестве заложника, то есть насильственное завладение человеком с последующим ограничением свободы и удержанием путем насильственного воспрепятствования оставления им определенного места нахождения, совершенные в целях принуждения государства, организации или физического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника...».*

4. В дополнение квалифицирующих признаков, характеризующих повышенную общественную опасность, террористическую направленность и наиболее распространенные способы и средства совершения захвата заложников, предлагается:

- дополнение п.4 ч.2 ст.227 УК КР словами *«огнестрельного, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств...»* и изложение его в следующей редакции: *«с применением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, либо других предметов, используемых в качестве оружия»;*
- дополнение перечня возможных потерпевших при захвате заложников в п.6 ч.2 ст.227 УК КР с указанием беспомощного состояния потерпевшего либо малолетнего возраста, изложив в следующей редакции: *«в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, малолетнего или несовершеннолетнего»;*
- предусмотреть в законе возможность назначения дополнительного вида наказания – *конфискации имущества* за совершение захвата заложников из корыстных побуждений.

5. Аргументирован тезис о том, что основными критериями отграничения захвата заложников от смежных составов преступлений являются: а) объект посягательства; б) объективная сторона захвата заложников, характеризующаяся обязательными признаками: публичностью и

демонстративностью, необходимыми для преднамеренного создания соответствующей обстановки; в) субъективная сторона, характеризующаяся специальной целью, выражающейся в предъявлении требований третьим лицам.

6. Путем изучения особенностей личности преступника, совершившего захват заложников, установлен его среднестатистический социальный портрет: мужчина, возраст от 20 до 45 лет, образование среднее, не располагающий постоянным источником дохода, ранее судимый, чаще всего, имеющий психические патологии, не исключающие вменяемость.

7. В ходе исследования также выявились основные криминогенные детерминанты захвата заложников: системный кризис власти, отсутствие политического согласия и стабильности в стране, проявления религиозного экстремизма и сепаратизма, межнациональные конфликты, высокий уровень незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, нерешенность вопросов демаркации и делимитации государственной границы (в особенности на юге страны).

8. Диссертантом предлагаются следующие меры уголовно-правового и криминологического характера, направленные на противодействие захвату заложников:

- в целях эффективного противодействия захвату заложников предлагается реализация потенциала норм с «двойной» превенцией, предусматривающих ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также за создание или участие в незаконных вооруженных формированиях, организованных преступных группах и сообществах;
- использование резерва поощрительной нормы освобождающей от уголовной ответственности за захват заложников, предусмотренной в примечании к ст.227 УК КР, в случаях позитивного постпреступного поведения виновного, а также предлагается введение в уголовный закон отдельной нормы,

- предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием;
- пропаганда уголовного законодательства и его институтов, в целях стимулирования граждан к активному противодействию захвату заложников путем применения уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния: необходимую оборону, крайнюю необходимость и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
  - повышение контроля над деятельностью политических, религиозных, общественных и иных организаций и объединений республики, а также выявление и ликвидация источников финансирования организаций сепаратистской, экстремистской и террористической направленности;
  - расширение международного сотрудничества между правоохранительными органами и специальными службами Кыргызской Республики и иностранных государств в области изучения позитивного практического опыта в сфере противодействия захвату заложников и использования новейших научно-технических средств и технологий.

Личный вклад соискателя заключается в том, что научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Положения, выносимые на защиту, разработаны диссертантом самостоятельно.

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования, и основанные на них выводы и рекомендации прошли апробацию в процессе обсуждения на кафедрах уголовного и уголовно-исполнительного права и криминологии Кыргызской государственной юридической академии (КГЮА), опубликованы в одиннадцати научных статьях, а также апробированы на научно-практических конференциях: «Предупреждение, раскрытие и расследование преступлений: вопросы теории и практики» (Академия МВД КР, 18 мая 2006); «Научно-правовое обеспечение социально-экономического развития Кыргызской Республики на современном этапе» (КГЮА, 23 ноября 2006); «Наука и образование: проблемы и

перспективы» (КНУ им. Ж. Баласагына, 24 апреля 2007); «Проблемы совершенствования деятельности следственных подразделений и экспертно-криминалистических служб по раскрытию и расследованию преступлений» (Академия МВД КР, 22 декабря 2009).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Научные результаты, полученные в процессе диссертационного исследования, полностью отражены в одиннадцати научных публикациях автора.

Структура и объем диссертации. Диссертация выполнена в соответствии с требованиями, предъявляемыми ВАК Кыргызской Республики. Структура работы определяется целями и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих в себя 9 разделов, заключения и списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

1.1 Развитие законодательства в сфере противодействия захвату заложников

Весомый вклад в разработку теоретических и методологических подходов к изучению преступлений против общественной безопасности составили научные труды следующих ученых: Ю.М. Антоняна, Н.В. Беляевой, Л.Д. Гаухмана, В.П. Емельянова, И.И. Карпеца, М.П. Киреева, В.С. Комиссарова, В.В. Лунеева, Е.Г. Ляхова, Л.А. Моджорян, А.С. Михлина, М.В. Назаркина, О.Ю. Резепкина. Общим проблемам состава преступления и его квалификации посвящены труды: С.В. Бородина, И.Ш. Борчашвили, В.Н. Кудрявцева, Н.И. Коржанского, К.Ш. Курманова, Ю.И. Ляпунова, А.В. Наумова, И.А. Рарога, Л.Ч. Сыдыковой. Анализу общих принципов и направления профилактики преступности посвящены исследования: И.А. Алексеева, Г.А. Аванесова, В.Н. Бурлакова, Я.И. Гилинского, А.И. Долговой, К.И. Джаянбаева, А.М. Джоробековой, К.А. Исаевой, Н.Ф. Кузнецовой, Е.И. Каиржанова, О.Д. Кима, Г.Р. Рустемовой, Г.М. Миньковского, А.Х. Миндагулова, К.М. Осмоналиева, Б.Г. Тугельбаевой, В.Ш. Табалдиевой, А.Ш. Шаршеналиева и других.

Ценные исследования, посвященные изучению уголовно-правовых и криминологических аспектов захвата заложников, нашли свое отражение в научных работах российских ученых таких как: К.П. Анциферова, М.Ю. Гущина, С.Д. Гринько, И.А. Журавлева, Н.Н. Козловой, А.А. Казарьянца, О.Н. Коршуновой, А.Г. Лоскутова, Г.В. Овчинниковой, В.А. Осипова, М.Ю. Павлика. Вопросы изучения уголовно-правовой регламентации обстоятельств исключающих преступность деяния при освобождении заложников анализируются в исследованиях А.Н. Хоменко и Э.Р. Гафуровой.

В Центрально-азиатском регионе следует отметить исследования, посвященные противодействию захвату заложников Р.Х. Рахимова («Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры

противодействия захвату заложника по материалам Республики Таджикистан»), и А.А. Алиева («Ответственность за похищение человека и захват заложника по Уголовному кодексу Республики Таджикистан»), сравнительный анализ. Также необходимо отметить работу С.Т. Абдрахманова, посвященную проблемам уголовной ответственности и противодействия терроризму («Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Казахстан»).

Среди отечественных ученых необходимо отметить научную работу Т.И. Сайфутдинова, которая затрагивает проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом и террористическими преступлениями («Уголовно-правовая борьба с терроризмом и пути повышения ее эффективности»), а также А.Ж. Каримбекова, исследование которого посвящено противодействию бандитизму («Уголовно-правовые и специально-профилактические меры борьбы с бандитизмом»). Подчеркивая положительный вклад названных и многих других авторов в разработку указанной проблемы, следует отметить то, что труды ученых не исчерпали всей проблематики рассматриваемой темы. Дискуссионными до сих пор остаются вопросы, касающиеся конструкции состава уголовно-правовой нормы за захват заложников, возраста субъекта преступления, а также необходимости специального примечания освобождающего от уголовной ответственности в случае позитивного постпреступного поведения виновного, и момента окончания указанного деяния.

Захват заложников как социальное явление имеет многовековую историю. Этот вид преступных действий не является чем-то новым и необычным, в истории давно известны случаи взятия заложников. Уже в древние века данное социально негативное явление широко использовалось как способ решения каких-либо конфликтных ситуаций, а также материального обогащения [4, с. 11, 37-47, 86, 73, 128, 147].

Заложничество как один из эффективных методов достижения целей воздействия на внешнюю и внутреннюю политику государства, обеспечения выполнения договоров и обязательств, удержания от агрессивных или ответных

действий, обеспечения безопасности имущества, объектов и населенных пунктов, незаконного получения имущества (выкуп), освобождения из под стражи или мест заключения, обмен пленными, широко применялось практически во всем древнем мире [31, с. 10, 22, 23, 84].

Из многочисленных публикаций в прессе [5, с. 35] можно было бы сделать вывод о том, что захват заложника – порождение XX века. Однако это не так. Институт заложничества уходит корнями далеко в прошлое, древние обычаи, бытовавшие в племенах, укоренились на многие века. [38, с. 12, 13, 27]. Примером этому является протекторат как метод правления, введенный римлянами в период античности. Этот метод контроля над далекими районами заключался в захвате заложников – коренных местных правителей и жителей этих провинций.

Согласно историческим данным, в древние и средние века исполнение переговоров и заключение перемирия и мира обеспечивалось тем, что в качестве залога оставались знатные люди, либо их дети или близкие родственники [62, с. 18, 52, 55, 68, 75, 84, 130]. В этих случаях заложники могли добровольно предоставляться побежденной стороной, либо они захватывались путем насилия и удерживались победителями до исполнения договора. В случае неисполнения договора заложники подвергались казни или тяжкому наказанию. Позднее заложники использовались как средство борьбы с выступлениями местного населения в оккупированных местностях.

Случаи захвата заложников происходили и во время военных действий, когда войска насильственно удерживали жителей оккупированной территории в целях своей безопасности. Некоторые правители оккупированных территорий добровольно передавались в заложники либо насильно захватывались в целях обеспечения исполнения договоров или безопасности войск на оккупированной территории. Одним из древнейших способов захвата заложников считается морское пиратство. Несмотря на то, что основной целью пиратов являлись захват людей и обращение их в рабство для дальнейшей продажи, людей также пленили для получения выкупа либо обмена пленными. Первая волна

аналогичных преступлений прокатились по Средиземному морю после разрушения Карфагена (146 г. до н.э.), в результате третьей Пунической войны, когда господство на море закрепилось за Римом, против которого выступали греческие и малоазиатские пираты [6, с. 8].

Особенно широко распространилось пиратство в годы раннего феодализма. Морские разбойники расширили спектр своей преступной деятельности – они завоевывали слабо защищенные земли, нападали на монастыри, поместья, захватывали пленных, которых затем продавали в рабство на рынках различных европейских и азиатских городов. Нередки были случаи требований пиратами огромных выкупов за заложников. «Первопроходцами» в этом промысле в древнем мире были греки. Так, к примеру, знаменитый Ахиллес был пиратом, так же как и Одиссей, писание о котором содержится в «Одиссее». Одиссей и его друзья высадились в городе Исмаре и цитируем: «разорили город, убивая мужчин, забирая в плен их жен и похищая добро...» [7, с. 123-140].

Пиратство, по сути, было самым настоящим бедствием для Римской империи. Как известно из исторических источников, корабль, на котором находился еще юный Гай Юлий Цезарь, был подвержен нападению киликийских пиратов, которые удерживали Цезаря в плену 38 дней, и отпустили только тогда, когда получили за него выкуп в 50 талантов. Этот факт был подробно описан биографами Цезарем Плутархом и Светонием. Позже, когда над Римом нависла реальная угроза массового пиратства, Гней Помпей был вынужден собрать многотысячную армию и разбить пиратов. В этой нелегкой схватке было уничтожено 10 тысяч пиратов, 20 тысяч человек взято в плен. Тем самым, Гней Помпей очистил бассейн Средиземного моря от преступников. Особенный всплеск пиратства пришелся на 1492 год, в период открытия Америки Колумбом, когда испанцы вытеснили арабов на их исконные земли, после чего те занялись морским разбоем. Используя в большом количестве быстроходные легкие суда, эти люди заполонили Средиземное море, при этом грабежам и насилию подвергались как морские

торговые суда, так и прибрежные поселения. Пираты предпочитали захват знатных людей портовых городов, потому что за низ можно было требовать хороший выкуп. Так, французский флибустьер Граммон при осаде города Кампече захватил более двадцати жителей и потребовал за них выкуп у городских властей, а когда те отказались выполнить их требования, приказал отрубить головы пяти заложникам [14, с. 80, 179].

Ассирийский царь Синаххериб в 7 в. до н.э. безуспешно осаждал Иерусалим, тем не менее, получил у иудейского царя огромную дань и заложников [8, с. 36]. Александр Македонский, разбивший при Иссе в 333 г. до н. э. войска персидского царя Дария 3-го, захватил в качестве заложниц жену и двух дочерей своего противника. Хотя Дарий неоднократно обращался к Александру с предложением выкупа в сумме 10 тысяч талантов за свободу своей семьи, тот был непреклонен. [9, с. 43]. Реже всего целью захвата заложников было обеспечение личной безопасности. Так, Юлий Цезарь, высадившись в 48 г. до н.э. с небольшим отрядом в Александрии, некоторое время фактически находился в положении осажденного во дворце, и если бы не нахождение при нем в качестве заложника младшего брата Клеопатры – Птолемея 13-го, он мог бы погибнуть [10, с. 96, 102].

Захват заложников был использован даже на высоком государственном уровне, при решении важных политических задач. В Риме, в эпицентре Средиземноморья, пребывали заложники из разных отдаленных провинциальных городков, где был протекторат империи. К слову, Арсиноя, младшая сестра Клеопатры, царицы египетской, была отправлена в Рим в качестве пленницы, иным словом, как заложница. Сам же Юлий Цезарь во время Галльской кампании, после победы над племенем гельветов потребовал от них, в первую очередь, заложников и оружия [11, с. 123, 149].

Некоторых вождей галльских общин, в принципиальности которых сомневался Цезарь, он брал с собой в военные походы в качестве заложников. В случаях заключения мира или перемирия в целях соблюдения договоренности в качестве заложников брались знатные люди противоположной стороны.

Юлий Цезарь в своих «Записках о галльской войне» указывал на то, что различные племена, жившие на территории Галлии, в случае победы в междоусобной войне также брали в качестве заложников детей князей побежденных племен [12, с. 45].

По законам войн, зародившихся еще в древности, в соответствии с принципами необходимости и гуманности запрещалось убивать мирных жителей в качестве ответной меры, брать их в заложники, морить голодом. Из сочинений Геродота известно, что эти законы признавались в древнем мире греками и персами. Персидский царь Ксеркс после убийства спартанцами его послов отказался ответить им тем же, заявив, что он не будет нарушать принятый во всем мире обычай [13, с. 136].

В истории нередки случаи захвата в качестве заложников государственных и политических деятелей. К примеру, в 1389 г. войсками королевы Дании, Маргариты Датской, был пленен свергнутый с престола шведский король Альбрехт Макленбургский. Последний был освобожден королевой только в 1395 году, причем одним из главных условий длительного содержания короля в качестве заложника было обеспечение безопасности на море датских кораблей, которым угрожали каперы (пираты, действующие от имени короля Швеции).

Захват заложников нередко носил государственный характер, иным словом, он не только поощрялся отдельными государствами, но и проводился под их началом. Во Франции во времена Парижской коммуны 5 апреля 1871 г. был принят «Декрет о заложниках», на основании которого разрешалось задерживать в качестве заложников всех лиц, уличенных в сообщничестве с версальским правительством, и что самое дикое, за казнь сторонника парижской коммуны должна была следовать казнь тройного числа заложников, назначенных по жребию [15, с.360].

На случаи захвата и удержания людей в качестве заложников богата и история России. Аналогичный прием воздействия на захваченных территориях использовали, в большей степени, правители Золотой орды. После

захватнического похода Батые в 1237-1243 гг. было установлено Ордынское иго над Русью, продолжавшееся до 1480 года. Русские города были вынуждены платить дань, в противном случае людей попросту забирали в неволю. В Золотой орде долгие годы русские князья и княжичи находились в плену, при этом многие из них так и погибали в неволе. Иван Грозный, таким образом, практиковал своеобразное удержание в качестве заложников тех поданных, которые находились в опале. Человек годами проживал в своем поместье, никуда при этом не мог уехать и дожидался либо конца опалы, либо казни, либо конца жизни [16, с. 87-88].

Захват заложников особенно широко применялся Российской империей в XIX-XX веках как метод воздействия на народы Кавказа и Центральной Азии. В заложники люди вербовались от ханств, городов, селений и просто знатных фамилий. Подчиняя какое-либо горское общество и принимая его в российское подданство, с людей брались клятвы не нападать и не похищать как российских поданных, так и представителей других горских народов, уже находившихся в российском подданстве. Также практиковалась выдача присягавшими заложников – «аманатов» [17, с. 30] выходцев из наиболее знатных и известных семей. В подтверждение цитируем коменданта крепости на реке Сулак генерал-лейтенанта Г. Дугласа, который возглавил карательную экспедицию против горцев «И застающие притом владельцы: Хазбулат и Аделсар в верности присягали, и аманат от того Хазбулата здесь имеется» [18, с. 45, 52].

Покорение Чечни и Горного Дагестана проводилось суровыми военно-колониальными методами под руководством не менее сурового генерала А.П. Ермолова. Селения, которые не покорялись Ермолову, сжигались дотла, сады вырубались, а скот угонялся. Людей, которых удавалось привести к присяге на верность российскому императору, облагались данью. У несчастных людей забирали в заложники их «аманаты», писал в предисловии к запискам генерала их составитель доктор исторических наук В.А. Федоров [19, с. 12, 303, 304]. Как отмечал тот же Федоров, самым главным кавказским «аманатом» был 3-й имам Дагестана и Чечни, Шамиль, он же руководитель освободительной

борьбы кавказских горцев против царской колонизации, плененный русскими войсками в 1849 году и высланный впоследствии в Калугу. Народы Кавказа тоже не отставали от русских в плане захвата заложников. Ими широко использовалась практика захвата в заложники русских офицеров, о чем А.П. Ермолов изложил следующее: «Старшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что... должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у них пленных». Генералом А.П. Ермоловым была начата упорная борьба с захватами людей на Кавказе. При этом важно отметить, генерал использовал далеко не безупречные методы. Допустим, после захвата майора Швецова были арестованы кумыкские князья, через чьи земли перевезли пленника, а также влиятельные чеченцы, находившиеся в дружбе с похитителями.

До присоединения к России Кыргызстана в системе кыргызского обычного права (адат) существовал определенный специфический институт – «барымта» [20, с. 209]. О барымте Ч. Валиханов, знающий реальную причину возникновения барымты, современник и очевидец барымтового грабежа и войны кыргызов в середине XIX века писал следующее: «Барымтой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг» [21, с. 515].

Как свидетельствуют факты, в начале второй половины XIX века между кыргызскими племенами Сарыбагыш и Бугу велась война, возникшая на основе барымты, в результате которой были пленены и убиты тысячи людей, уничтожено много имущества. П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал по данному поводу: «Война между обоими каракиргизскими племенами, владельцами бассейна Иссык-Куля была еще в полном разгаре» [22, с. 54].

Нечто подобное барымте можно встретить у любого народа, не имевшего возможности организовать государственную защиту потерпевшего. Например, в древнеримском праве данная процедура именовалась «манус – инъекцию пер пигнорис капилело». Истец «накладывал руку» на имущество ответчика.

Барымта производилась, по сути, легально, открыто, поскольку кыргызы признавали барымту в качестве законного способа решения спора [23, с. 93, 94]. Анализируя барымту, как легальную форму захвата чужого имущества, и как способ взыскания, целью которого является защита своего права, нужно иметь в виду, что термин «барымта» каждый кыргыз понимал ее по-своему. В некоторых случаях он употреблялся для обозначения почти всякой насильственной формы завладения чужим имуществом, независимо от цели захвата. К.Н. Нурбеков в своих исследованиях указывал на то, что объектом барымты, чаще всего, был скот, а также вещи и деньги. А вот захват людей с целью наживы либо, о чем часто упоминается в исторических материалах, с барымтой, мнению К.Н. Нурбекова, путать нельзя.

Однако если принять во внимание более поздние исследования обычного права кыргызов, проведенные С.К. Кожоналиевым, то в них автор указывает на то, что при осуществлении барымты случались убийства, захват в плен мужчин, женщин и детей, угон скота, истребление имущества т.д. [24, с. 167]. Таким образом, мы можем предположить, что объектом данного специфического института восстановления нарушенных прав по обычному праву кыргызов мог быть не только захват имущества, скота или денег, но и людей. По сути это был захват заложников, осуществляемый с целью принудить этих людей к выполнению определенных условий или требований.

История доказывает, что захваты заложников происходили, как в мирное время, так и в военное. К слову, удержание людей в качестве заложников практиковалось и в советское время, причем на высшем государственном уровне. Н.Н. Козлова в своем диссертационном исследовании на эту проблемную тему, приводит официальные данные о практике захвата заложников со стороны советского государства. В соответствии с Приказом НКВД «О заложниках», убийством М.С. Урицкого и покушением на В.И. Ленина официально мотивировался так называемый «красный террор» [25, с. 43].

Крестьян захватывали в заложники для продразверстки, интеллигенции была уготована другая работа – заготовка дров и расчистка железных дорог. Не обошли эти злодеяния и жен и детей матросов и офицеров, участвовавших в Кронштадтском мятеже, а в период Тамбовского мятежа – жен и детей повстанцев. На жителей сел и деревень, проживавших на расстоянии до 10 верст от железной дороги по обе стороны, была возложена обязанность «железку». [26, с. 10, 42, 45, 54, 154-161, 162-163]. В начальные годы советской власти, согласно указанию В.И. Ленина, заложники состояли из числа кулаков, буржуазии, этим обеспечивался сбор продовольствия и повиновение. Что примечательно, заложник не имел каких-либо шансов на освобождение, в то время как человек, обвиненный в конкретных преступлениях, мог походатайствовать за свое освобождение.

30 ноября 1920 года в газете «Правда» вышла публикация с правительственным сообщением, в котором указывалось, что в случае покушения на вождей Советов решено «беспощадно истреблять заложников» [27, с. 17, 18, 59-63, 61, 78, 82, 86].

История помнит и немецко-фашистских захватчиков, которые также часто практиковали захват заложников во время Второй мировой войны. В качестве заложников в целях подавления сопротивления оккупантам, Гитлеровцы и их союзники занимались массовым захватом местного населения. При этом заложничество использовалось оккупантами в качестве инструмента террористической политики на захваченных ими территориях. Апогеем стал жуткий приказ немецкой канцелярии, вышедший 16 октября 1941 года, согласно которому за жизнь одного немецкого солдата расстреливали 100, а за убийство полицейского - 50 заложников из местных жителей. Особенно массовый характер приняло уничтожение заложников в районах базирования и боевых действий партизан [28, с. 23].

В 60-х и 70-х годах захваты приняли угрожающий характер. Таким образом, в эти же годы были похищены послы США и ФРГ в Гватемале и Бразилии, бывший президент Аргентины – в Гаити, швейцарский посол – в

Бразилии, британский посол – в Уругвае. Большой общественный резонанс и осуждение людей в Европе вызвал захват в 1975 году в Вене почти всех делегатов-министров стран ОПЕК, захват спортсменов Израиля на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году. Стоит вспомнить и другие резонансные случаи, когда захваты заложников были произведены с целью их последующего обмена на пленных. Во время внутреннего конфликта на территории бывшей Югославии сербы организовывали лагеря, в которых содержались боснийские мусульмане, часть из которых была выкуплена их родственниками [29, с. 112].

Апрель 1975 года ознаменовался захватом посольства ФРГ в Стокгольме западногерманскими террористами. Требование - освобождение арестованных ранее террористов [30, с. 397]. В октябре 1985 года произошел наиболее крупный захват людей. Четверо палестинских террористов из террористической организации «Палестинский фронт освобождения Палестины» взяли в плен итальянское круизное судно «Акилле-Лауро» с 349 пассажирами, ставшими заложниками [31, с. 10, 22, 23, 84]. На этот раз террористы потребовали от Израиля 50 палестинцев, членов организации «Force-17», содержащихся в израильских тюрьмах, а также ливанского террориста Самира Кунтара. Нередко захват заложников, как и похищение людей, используется как вид преступной деятельности различными организованными преступными формированиями. Эту ситуацию и по сей день можно наблюдать близ берегов Сомали в особенности в Аденском заливе, где деструктивные криминальные элементы практически постоянно захватывают различные морские суда и членов их команд. Еще не забыт случай захвата сомалийскими пиратами Российского танкера «Московский университет» вместе с экипажем, который произошел два года назад - 23 апреля 2010 года. Однако члены команды судна сумели среагировать оперативно - им удалось укрыться в рубке танкера и вызвать помощь. Чуть позже все заложники были освобождены при проведении специальной операции Российским военно-морским кораблем «Михаил Шапошников» [32, www.vesti.ru].

Сомалийские пираты проявили себя и при захвате теплохода «Норт спирит» (North Spirit), принадлежавшего греческой компании Balthellas Chartering S.A. Теплоход, который был захвачен недалеко от побережья Камеруна, выполнял рейс под флагом государства Сент-Винсент и Гренадины. Бандиты ограбили в основном граждан России и Украины, которые находились на судне, а в качестве заложников захватили с собой капитана, старшего механика [33, www.marinetraffic.com]. В результате переговоров с Российским профессиональным союзом моряков, похитители довольствовались предложенным россиянами выкуп и освободили заложников.

Как следует из данных Международного морского бюро, в 2010 году пиратами был установлен своеобразный рекорд по части захвата заложников. Таким образом, в 2010 года было зафиксировано 445 пиратских атак, что на 10% выше показателей 2009 года [34]. В результате этих нападений захвачены 53 судна, в заложники попал 1181 моряк. К сожалению, восемь моряков в том злополучном году были убиты. По состоянию на 1 января 2011 года в плену у пиратов находились 28 судов и 638 заложников из числа членов экипажей. К слову, именно в водах Сомали произошло подавляющее большинство (92%) случаев захвата заложников. Тем не менее, благодаря тому, что в Аденском заливе присутствует корабли ВМС различных стран, число пиратских атак в этой зоне значительно сократилось – до 53 против 117 в 2009 году. Однако очень быстро стала увеличиваться зона действий сомалийских пиратов в Индийском океане: сегодня она простирается на юге до Мозамбика. Согласно оценкам экспертов, ежегодно экономический ущерб от преступной деятельности пиратов составляет 7-12 миллиардов долларов.

Захват заложников имел место и в локальных конфликтах, в так называемых «горячих точках», которые возникали на почве культурных, религиозных или межнациональных разногласий и конфликтов на территории бывшего СССР. В России источником эскалации и террористического насилия является регион Северного Кавказа. Крупный захват заложников произошел в городе Буденовск в 1995 году. Незаконные бандформирования удерживали в

плону 1820 человек, при освобождении которых 147 человек погибли. В г. Кизляр и г. Первомайском в 1996 году было захвачено более 2000 человек, впоследствии 50 человек погибли 50 [35, с. 2].

Шокируют своей циничностью и бесчеловечностью террористические акты, произошедшие в 2002 году в театральном центре на Дубровке города Москвы. В результате преступных действий захватчиков погибли и получили вред здоровью несколько сотен ни в чем неповинных людей.

Самым трагичным в истории захватов заложников явился 2004 год. В североосетинском городе Беслан захвачена школа с детьми, в общей сложности, в общей сложности, две тысячи человек. Печальным был исход спецоперации по освобождению детей: погибли 331 человек, из них 186 детей. Все выше приведенные многочисленные примеры еще раз доказывают то, что заложничество как явление приобрело массовый и весьма распространенный характер во всем современном мировом сообществе.

Коснулась эта проблема и нашу страну. В 1999 год на территорию Кыргызской Республики вторглись международные террористические бандформирования. Вторжение сопровождалось захватом заложников. При этом, основной целью террористов являлся беспрепятственный переход через государственную границу Кыргызской Республики на территорию Республики Узбекистан для последующего ведения террористической деятельности и свержения существующего конституционного строя.

Франция, Италия, ФРГ, США и Великобритании получили это явление еще в середине XX века, в связи, с чем ученые различных отраслей знаний этих стран занялись усиленным изучением заложничества. В работе были психологи, криминалисты, криминологи и журналистами [36, с. 145-148]. О распространенности в указанных странах этого явления доказывает тот факт, что уже в 1971 году во Франции был принят закон о взятии заложников. В подготовительных документах к этому закону говорится, в частности: «Закон заботиться о пресечении взятия заложников, используемых в качестве обменной монеты, чтобы заставить противника... дать обменный эквивалент,

чаще всего выкуп, либо действовать тем или иным образом, либо допустить то или иное действие» [37, с. 3].

Захват заложников, который представляет особую опасность и носит транснациональный характер, признан преступлением международного характера. Вот почему современные проблемы захвата заложников, как и терроризма, глубоко отражаются на содержании международных правовых актов по борьбе с этим явлением. Это, в первую очередь, «Женевская конвенция о предупреждении и наказании терроризма» 1937 года, первый международный нормативно-правовой документ, согласно которому захват заложников впервые официально назван преступлением. Конвенция в достаточно полном объеме определяет объект действия и содержит множество положений. В данном документе дается толкование термина «международный террористический акта», кроме этого, в нем разработан механизм борьбы с терроризмом и установлена процедура введения конвенции в действие и порядок применения ее на национальном уровне.

В конвенции захват заложников назван одним из видов терроризма, он приравнен по степени тяжести к захвату воздушных судов, актам насилия в отношении лиц, пользующихся международной защитой или дипломатическим иммунитетом. Далее в 1963 году, с целью пресечь рост преступлений, совершаемых на борту воздушных гражданских судов, государствами была заключена «Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна». Согласно положениям данной конвенции, государство, на территории которого находится предполагаемый захватчик, должно немедленно провести расследование фактов, а также предпринять необходимые уголовно-процессуальные действия по выдаче преступника.

«Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов», положения которой предусматривают применение государством-участником соглашения в отношении лица, совершившего «незаконный захват воздушного судна» суровых мер наказания, была принята в 1970 году (ст.2). Данное

соглашение устанавливает осуществление любой уголовной юрисдикции за захват воздушных судов в соответствии с национальным законодательством (п.3 ст.4).

1978 год был ознаменован вступлением в силу Европейской конвенции по борьбе с терроризмом. Основной целью конвенции является определение широкого круга деяний, относящихся к террористическим преступлениям. В данной конвенции особое внимание уделяется выдаче преступников и подчеркивается, что экстрадиция – это особое эффективное средство, не позволяющее террористами избежать преследования и наказания.

Стоит отметить события 5 сентября 1972 года, когда во время проведения 20-х Олимпийских игр в г. Мюнхене членами экстремистской организации «Черный сентябрь» были захвачены израильские спортсмены. Террористы потребовали предоставить им самолет для вылета вместе с заложниками в одну из арабских стран. Договоренность между террористами и властями ФРГ достигла своей цели, а террористы и заложники были доставлены на двух вертолетах на аэродром, где их ждал предоставленный им самолет. Но итог спецоперации по освобождению заложников из 16 человек был печальным - 11 спортсменов погибло. Этот факт доказал, что разработка и принятие на международном уровне мер, направленных на борьбу с захватом заложников, именно как самостоятельного вида преступления, могут быть переломными.

В связи со случившимся инцидентом, ФРГ как член ООН выступила с инициативой разработки Конвенции о борьбе с захватом заложников. Организация объединенных наций поддержала данную инициативу и 15 декабря 1976 года Генеральная Ассамблея ООН создала специальный комитет по разработке международной конвенции о борьбе с захватом заложников.

17 декабря 1979 года Генеральная Ассамблея ООН на 34-ой сессии приняла резолюцию 34/146, которая открыла для подписания и ратификации Международной конвенции по борьбе с захватом заложников [39, раздел 4].

В данной резолюции указывается, что государства-участники настоящей Конвенции признают, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу,

безопасность, как это предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах. Согласно этой декларации, захват заложников является преступлением, вызывающим серьезное беспокойство у международного сообщества. Любое лицо, совершающее акт захвата заложников, подлежит либо судебному преследованию, либо выдаче. Государства-участницы также убеждены в том, что существует острая необходимость в развитии международного сотрудничества, разработке и принятии эффективных мер для предупреждения, преследования и наказания всех случаев захвата заложников как преступления международного терроризма.

Также следует принять во внимание, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников имеет важное юридическое значение, прежде всего, потому, что Конвенция впервые определила захват заложников самостоятельным составом преступления. В Советское уголовное законодательство захват заложников пришел из международного права, на протяжении нескольких лет его рассматривали наряду с пиратством, незаконным захватом и использованием ядерных материалов, как разновидность международного терроризма, признанного преступлением Конвенций 1937 года о «Предупреждении и наказании терроризма».

Первым зарегистрированным случаем захвата заложников в Советском союзе был угон пассажирского самолета АН-24 отцом и сыном Бразинскасами в Турцию в 1979 г. [31, с. 10, 22, 23, 84]. Затем последовала волна захвата заложников, прокатившаяся в СССР в конце 80-х годов в местах лишения свободы. Этот факт вызвал особую тревогу и беспокойство среди населения. По данным А.Г. Лоскутова, в промежуток между 1986 и 1990 годами в ИУ и СИЗО было захвачено 347 человек из числа персонала этих учреждений [40, с. 17, 37]. Начало же 90-х годов омрачилось серией захватов заложников на воздушном транспорте. В их числе случай, произошедший в 1989 году, когда группа преступников во главе с неким Яшкиянцом на Северном Кавказе захватила автобус с детьми и потребовала в качестве выкупа предоставить самолет для

вылета за границу. Однако попытки Яшкиянца и его сообщников осесть в другой стране потерпели фиаско - самолет с заложниками все-таки вылетел в Израиль, но там преступники были задержаны [177, с.34, 48-85, 169].

Рост числа случаев захватов заложников вынудил Советский Союз 10 июля 1987 года присоединиться к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников. Президиумом Верховного Совета СССР был ратифицирован Указ «Об уголовной ответственности за захват заложников» и поручено Президиумам Верховных Советов союзных республик привести их законодательство в соответствие с настоящим Указом [41, № 28, 30]. Во исполнение этого Указа Президиум Верховного Совета РСФСР 17 июля 1987 года постановил дополнить УК РСФСР ст. 126¹, предусматривающей уголовную ответственность за захват заложников. Таким же приказом был дополнен Уголовный Кодекс Киргизской ССР. Однако данная статья долгое время не работала, так как сопровождалась одним маленьким примечанием, в котором было указано, что «действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватывающее или удерживающее заложника, находится на территории СССР, и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР».

Наличие такого примечания приводило к тому, что в случаях, когда совершался захват заложников, квалификация данного преступления ставилась в зависимости от места захвата или удержания, гражданства личности и возраста заложников, количества лиц, участвовавших в преступлении, характера выдвигаемых требований. Таким образом, данное примечание сужало действие данной нормы по отношению граждан СССР, в итоге такой редакции практически оставалась не действующей до принятия нового уголовного закона.

Статья 126¹ [42, №1981-11] захват заложников УК РСФСР 1960, была помещена в главу «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», что было обусловлено недостаточно правильной квалификацией. После развала СССР и обретения суверенитета и независимости всеми

бывшими союзными республиками, в том числе Кыргызстаном, кардинальные перемены произошли практически во всех сферах жизни общества и государства. Нашей страной была принята Конституция КР и другие нормативно-правовые акты независимого государства.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики введен в действие 1 января 1998 года. Преступные действия, связанные с захватом заложников, законодатели определили в главу 24 раздел IX ст.227 УК КР «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», устранив, тем самым, неточность объекта и степени общественной опасности данного преступления.

Кыргызская Республика, будучи субъектом международного права, присоединилась к «Международной конвенции по борьбе с захватом заложников» 15 апреля 2003 года. Этим жестом страна четко обозначила твердую позицию в отношении действий, связанных с захватом заложников, даже если они совершались в каких-то высоких, идеологических целях.

10 ноября 2006 года на пленарном заседании 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН третий комитет по инициативе Российской Федерации принял и одобрил резолюцию «Захват заложников», в число соавторов, которой вошли, в общей сложности, 20 государств из всех регионов мира - Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина и т.д. [43]. Генеральная Ассамблея в последний раз рассматривала этот вопрос в 2002 году.

За прошедшее время проблема захвата заложников стала еще более актуальной, поскольку число криминальных случаев не убавилось. Что огорчает, жертвами данного вида террористических актов становятся ни в чем неповинные люди. При этом преступники зачастую пытаются оправдаться перед обществом, ссылаясь на «гуманность» своих деяний, якобы они «заботятся о правах человека» и стремятся «положить конец правонарушениям». Тем временем, страны-участники убеждены в том, что принятая Генеральной Ассамблеей резолюция, даст террористам четкий сигнал

с осуждением захвата заложников, подтвердит недопустимость использования правозащитной риторики для оправдания данной практики.

Кроме того, авторы данной резолюции опираются на то, что одобрение этого документа будет способствовать активизации международных усилий по противодействию терроризму, включая акты захвата заложников. Несмотря на многочисленные международные соглашения, направленные на борьбу с захватом заложников, число указанных преступлений не уменьшается, как об этом свидетельствует практика, значит, предпринимаемых усилий недостаточно.

Кыргызстан на сегодняшний день является участником многих международных соглашений, как на региональном, так и международном уровнях. Наша страна также включена в борьбу с терроризмом и террористическими преступлениями, одним из которых является захват заложников. Это диктует необходимость научно-теоретических разработок для повышения путей эффективности противодействия захвату заложников в современных социально-правовых условиях.

1.2 Объективные и субъективные признаки захвата заложников

В ст.4 УК Кыргызской Республики установлено, что «основанием уголовной ответственности является совершение общественно-опасного деяния, содержащего признаки состава преступления предусмотренного уголовным законом».

В юридической литературе наиболее устоявшееся понятие состава преступления определяется как совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, определяющее данное общественно опасное деяние как преступление [44, с. 45]. Состав преступления состоит из основных четырех элементов: 1) объекта; 2) объективной стороны; 3) субъекта; 4) субъективной стороны.

Учение об объекте преступления является одним из важнейших разделов науки уголовного права, поскольку его правильное определение влияет не только на правоприменительную практику, но и на деятельность законодателя. Общая теория объекта преступления обстоятельно разработана в науке уголовного права. Эта сложная методологическая проблема долгие годы была предметом всестороннего исследования ученых-юристов [45].

Объект преступления – это, прежде всего и главным образом общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда преступлением. Согласно общепризнанному мнению ученых, объектом уголовно-правовой охраны являются общественные отношения [140, с. 59-60, 132, 243-244]. «Установление объекта преступного посягательства, – пишет В.Н. Кудрявцев, – служит как бы предварительной программой для выбора той группы смежных составов, среди которых нужно будет уже более тщательно искать необходимую норму» [47, с. 59].

Общественные отношения, будучи объектом преступления, получили свое нормативное закрепление, ст.2 УК КР содержит цели и задачи, в которых дается перечень наиболее важных и охраняемых уголовным законом общественных отношений. Тем не менее, не все общественные отношения, которые складываются в обществе, взяты под охрану уголовного закона, а именно наиболее важные и значимые на данном этапе развития общества.

Общественные отношения – это совокупность отношений между людьми и система отношений человека к природе [48, с. 92, 93, 96, 109, 111, 113, 115]. Круг общественных отношений, охраняемых законом, динамичен и может измениться в зависимости от того, какие новые отношения складываются в обществе. Тем временем, изменения в политической, экономической и социальной жизни общества становятся причиной рождения новых, ранее не известных отношений. На данном этапе изменяются также содержание и значение существующих отношений, и этим обуславливается процесс криминализации и декриминализации деяний [49, с. 19, 103, 104, 106, 110, 114].

Объект преступления неосязаем, он совсем не доступен для непосредственного воздействия. При этом вред ему можно причинить не путем нарушения общественного отношения, а путем повреждения или уничтожения его элементов. Объект преступления имеет многоплановость по своему содержанию. Если рассмотреть детально, то, являясь одним из элементов состава преступления, объект входит в основание уголовной ответственности. Во-вторых, его отсутствие можно считать как отсутствие состава преступления. В-третьих, по объекту определяется социальная сущность и общественная опасность деяния. И, наконец, в-четвертых, точное определение объекта необходимо для квалификации преступных действий.

Таким образом, объект преступления подразумевает под собой общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым в результате совершения преступления причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда. В связи с этим фактором, объектом уголовно-правовой охраны считаются именно общественные отношения, которые обычно складываются между людьми и их организациями в процессе жизнедеятельности. В теории уголовного права разработаны методологические основы классификации объекта. Объект преступления классифицируется и группируется как по «вертикали», так и «горизонтали».

По вертикали существуют объекты: общий, родовой, видовой и непосредственный. Родовой и видовой объекты преступлений являются основанием для деления Особенной части УК КР на разделы и главы. Что касается классификации по горизонтали, то она проводится на уровне непосредственного объекта. Здесь обычно выделяют три его вида: основной, дополнительный и факультативный непосредственный объект.

Общий объект преступления подразумевает под собой общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона. Общий объект един для всех преступлений, так как любое общественно опасное деяние, причиняя вред той или иной группе общественных отношений, наносит ущерб и всей системе общественных отношений, составляющих предмет уголовно-правовой

охраны. В ст.2 УК КР закреплены наиболее важные общественные отношения, защита которых является задачей уголовного закона.

Родовым объектом преступления служит группа однородных и однотипных, близких по содержанию общественных отношений, на которые посягают преступления. Основное значение родового объекта состоит в том, что он позволяет провести классификацию всех уголовно-правовых норм. Это свойство положено в основу построения Особенной части УК КР.

По родовому объекту в Уголовном кодексе выделены разделы, расположенные по социальной значимости охраняемых общественных отношений. Под видовым объектом понимают часть родового объекта, объединяющую более узкие группы отношений, «отражающих один и тот же интерес участников отношений или же выражающих некоторые тесно взаимосвязанные интересы одного и того же объекта» [50, с. 203-204]. Он соотносится с родовым объектом как часть с целым или, как вид с родом. В разделах Особенной части по видовому объекту выделены главы. Так, например, в 7 разделе УК КР «Преступления против личности» объединены несколько видовых объектов, охватывающих несколько групп преступлений: против жизни и здоровья, против свободы чести и достоинства личности и т.д.

Дальнейшая конкретика по объекту достигается за счет выделения непосредственного объекта, в связи, с чем в теории уголовного права выделяется несколько видов непосредственного объекта: основной, дополнительный и факультативный.

Под основным непосредственным объектом преступления нужно понимать конкретное общественное отношение, на которое непосредственно посягает преступление. Непосредственный объект берется за основу при квалификации преступлений. В некоторых случаях одно и то же преступление одновременно посягает на несколько общественных отношений. Например, при разбое непосредственным объектом посягательства являются не только общественные отношения, обеспечивающие право собственности, но и жизнь, и здоровье личности. Как указывалось выше, существуют, так называемые,

двухобъектные и многообъектные преступления, т.е. со сложным составом в них, наряду с основным непосредственным объектом, присутствуют дополнительный и факультативный объект преступления.

Дополнительным непосредственным объектом выступают общественные отношения, которым, наряду с основным непосредственным объектом, причиняется или создается угроза причинения вреда [49, с. 19, 103, 104, 106, 110, 114]. Дополнительный объект всегда указывается в уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за преступные посягательства.

Он является обязательным в сложных составах преступлений, т.е. наличие двух и более объектов посягательства является обстоятельством, которое в значительной степени усиливают характер и степень общественной опасности деяния. Однако нужно иметь в виду то, что дополнительный объект не находится в одной плоскости с родовым, он не является сущностью преступления, но ему наряду с основными объектом преступления в обязательном порядке причиняется ущерб [51, с. 100]. Таким образом, основной, дополнительный и непосредственные объекты выделяются не по важности защищаемых отношений, а в зависимости от его принадлежности к родовому объекту. Факультативным объектом признаются общественные отношения, которые, находясь под уголовно-правовой защитой, терпят урон не во всех случаях совершения преступления данного вида [113, с.6, 112]. Факультативный объект не входит в конструкцию состава преступления, но это не означает, что он вообще не имеет никакого уголовно-правового значения. Причинение вреда факультативному объекту говорит о более высокой общественной опасности преступления. Еще одним факультативным признаком объекта является предмет преступления. Под предметом преступления понимаются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые, преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Традиционно в уголовно-правовом смысле потерпевшим понимается лицо, пострадавшее от преступления [52, с. 44]. По этому вопросу среди

ученых характерны различные дискуссии, при этом одни авторы считают, что «человек как живое биологическое существо, в своем природном предметном существе» может выступать в качестве предмета преступления [53, с. 133]. Другие придерживаются мнения, что «неправильно и нельзя отождествлять человека с вещью», т.е. с предметом преступления. Мы же полагаем, что человек как носитель общественных отношений, не может быть предметом преступления и его нельзя сравнивать с вещью из материального мира. Исходя из вышеизложенного, далее мы рассмотрим, что является объектом захвата заложников.

Захват заложников отечественным законодателем помещен в раздел IX, главу 24, ст. 227 УК КР «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», что соответствует родовому объекту захвата заложников, так как данное преступление посягает на основы, обеспечивающие общественную безопасность. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года ст. 126¹ «Захват заложников» была помещена в главу 3 «Преступления против личности» Особенной части УК РСФСР. Это было обусловлено тем, что на тот период времени родовым объектом захвата заложников нужно было считать общественные отношения, обеспечивающие свободу личности. В своем диссертационном исследовании, посвященном захвату заложников, Н.Н. Козлова подмечает, что объектом данного преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают свободу личности. Свою позицию Н. Козлова обосновала тем, что при захвате заложников, т.е. человека как носителя общественных отношений, иным объектам уголовно-правовой охраны ущерб может быть причинен, а может и не причинен, но человеку вред причиняется всегда.

В дальнейшем ученые, занимающиеся исследованием данной проблемы, нередко говорили о том, что родовым объектом захвата заложников являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность [54, с.45]. В качестве обоснования данной позиции является то, что при захвате заложников требования и воздействия преступников обращены не к самим

заложникам, а в отношении третьих лиц, которым адресуются условия и требования выполнения определенных действий, необходимых для освобождения.

Родовым объектом захвата заложников являются общественные отношения, обеспечивающие отношения в сфере общественной безопасности. Мы считаем, что для полного и всестороннего понимания и конкретизации, необходимо понять значение общественной безопасности.

Общественная безопасность – это сложная социально-правовая категория, о которой до настоящего времени в среде ученых-юристов нет единого мнения. Пояснение понятия «общественной безопасности», его соотношения с понятием «общественный порядок» является достаточно сложной проблемой. В.И. Тихий выделяет четыре уровня общественной безопасности: а) самый широкий; б) широкий; в) в узком смысле; г) как родовой объект преступления [54, с. 18].

Некоторые авторы [55, с. 76] выделяют виды общественной безопасности по объектам и источникам опасности. По источникам опасности для человека выделяются следующие: а) социальные (целенаправленная общественно-опасная деятельность одного или некоторого множества лиц); б) физические, химические и физико-химические вещества (тепловая, электрическая энергия, взрывные и отравляющие вещества, атомные установки и т.д.); биологические (поведение диких животных, микроорганизмов).

Общественная безопасность в качестве объекта уголовно-правовой охраны в широком смысле представляет собой определенную совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества. Общественная безопасность в этом смысле является общим благом и общей ценностью, в сохранении и развитии которой заинтересовано государство.

Особенностью общественной безопасности как непосредственного объекта захвата заложников является то, что безопасные условия существования общества слагаются из безопасности и неприкосновенности

каждого его члена, а также нормальной и безопасной деятельности и государственных и общественных институтов. Объектами безопасности выступают личность, социальная группа, общественные организации и учреждения, государство и общество в целом. Как правило, захват заложников всегда связан с совершением различных преступных деяний, которые посягают на свободу, жизнь и здоровье заложников.

Таким образом, под основным непосредственным объектом при захвате заложников следует понимать общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия существования общества и его граждан, а также нормальная и безопасная деятельность государственных и общественных институтов. Захват заложников относится к так называемым сложным составным многообъектным преступлениям, где наряду с основным непосредственным объектом имеются дополнительные и факультативные объекты.

Обязательным, дополнительным непосредственным объектом при совершении захвата заложников являются общественные отношения, составляющие личную свободу, под которой понимается не только физическая свобода перемещения человека, но и свобода поведения, исключающая физическое принуждение определенного поведения. Дополнительными, факультативными непосредственными объектами захвата заложников являются жизнь и здоровье заложника, а также отношения собственности. Так, в случае совершения захвата заложников с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, повлекшего по неосторожности смерть человека, или причинен тяжкий вред, либо иные тяжкие последствия, то жизнь и здоровье потерпевшего из категории факультативного переходят в разряд дополнительного, обязательного объекта преступления.

Объективная сторона преступления является одним из элементов состава преступления. Объективная сторона преступления – это внешняя, видимая сторона общественно-опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения. «Процесс общественно-опасного и

противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемые с его внешней стороны и с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются с наступлением преступного результата» [56, с. 9].

Общественная опасность проявляется, прежде всего, в поведении человека, в его поступках в форме действия или бездействия. Мысли и убеждения лица, какими бы они не были аморальными и предосудительными, не могут рассматриваться как преступление, «как бы ни было опасно для общества или порочно известное лицо, как бы ни были вероятны предложения преступных поползновений, судья не может назначить ему наказание, пока не признает, что он совершил деяние, запрещенное законом» [57, с. 30]. Объективная сторона, являясь элементом состава преступления, представляет собой совокупность внешних признаков преступного поведения человека [58, с. 151].

В теории уголовного права среди признаков, характеризующих объективную сторону преступления, выделяются: 1) обязательные и 2) факультативные. К обязательным относятся те признаки, которые встречаются лишь в составах отдельных преступлений и для которых они являются обязательными. В науке уголовного права одни авторы считают, что к обязательным признакам объективной стороны преступления относятся: 1) общественно-опасное действие (бездействие); 2) вредные последствия; 3) причинная связь [59, с. 71]. Другие относят только общественно-опасное действие, а причинную связь и вредные последствия относят к факультативным признакам [60, с. 123]. Однако здесь мы должны отметить, что такие признаки, как общественно-опасные последствия и причинная связь не всегда включаются в диспозицию норм особенной части уголовного закона. В соответствии с этим мы предполагаем, что обоснованной является точка зрения авторов, которые придерживаются той позиции, что к обязательным признакам относятся только общественно-опасное деяние (действие и бездействие), а к

факультативным – время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления.

Обязательным признаком, характеризующим объективную сторону любого состава преступления, является общественно-опасное деяние. Поведение человека может характеризоваться как активное (действие), либо пассивное (бездействие). Исходя из действующего законодательства, поведение человека приобретает уголовно-правовой характер, если оно является противоправным, общественно опасным, осознанным и волевым. Только при наличии указанных особенностей, деяние выступает в качестве обязательного признака такого элемента состава преступления, как объективная сторона.

Согласно Уголовному закону установлены две формы общественно-опасного деяния, соответствующие активному и пассивному поведению человека, а именно действие и бездействие. Исходя из диспозиции ст. 227 УК КР, захват заложников с объективной стороны выражается в двух активных действиях: 1) захватом 2) удержанием лица в качестве заложника.

Для более детального и углубленного изучения определения «захвата заложников» необходимо раскрыть сущность и значение данных понятий.

Термин «захват» означает «взять, забрать, схватить, силой овладеть кем-либо чем-нибудь», а удержание «сдерживать, остановить или заставить остаться» [61, с. 85, 194]. В диссертационных исследованиях, посвященных захвату заложников, захват лица определяется рядом ученых как «противоправное насильственное завладение человеком, сопровождаемое ограничением свободы передвижения» [62, с. 18, 52; 55, 68, 75, 84, 130].

Так, по А.А. Тер-Акопову «захват заложника - противоправное ограничение физической свободы человека (заложника) помимо его воли с предложением к другим лицам об освобождении захваченного под определенным условием». При этом под другими лицами автор подразумевает государство, государственную или негосударственную организацию или отдельных граждан [63, с. 114].

В.С. Комиссаров считает захват незаконным насильственным ограничением свободы передвижения человека [64, с. 148]. Большинство ученых [65, с. 47] при определении захвата и удержания лица в качестве заложника характеризуют его именно как насильственное деяние. Однако среди ученых бытует мнение о том, что захват не всегда может быть совершен путем активных насильственных действий.

Так, В.А. Осипов [66, с. 30-34, 64, 69, 102, 106, 111, 116, 142, 159] в своем исследовании обосновывает положение о том, что захват заложников может быть осуществлен без применения насилия и активных действий. Вышеуказанный автор утверждает, что при удержании лица в каком-либо помещении к нему может и не применяться насилие, как в случае, например удержания человека, находящегося в беспомощном коматозном состоянии. Либо когда человек попадает в какое-то место с ограниченным пространством (например: в шахту, глубокую яму или пещеру) из которой он сам самостоятельно выбраться не может, а другой человек, обнаруживший его, не оказывает ему помощи, а также скрывает информацию о месте нахождения данного лица, попавшего в такое положение. И решает воспользоваться сложившейся ситуацией с целью принудить выполнить его требование как условие освобождения заложника.

Мы бы согласились с положением данного ученого, так как теоретически данная ситуация вполне может иметь место. Но в большинстве случаев, как показывает практика, данное преступное деяние сопровождается применением активных насильственных действий. Исходя из этого, под захватом лица следует понимать любые незаконные насильственные действия, связанные с завладением человека с последующим ограничением свободы его передвижения, а под удержанием понимается незаконное насильственное воспрепятствование оставления лицом определенного местонахождения.

Что касается удержания лица в качестве заложника, то оно, как правило, совершается путем активных действий, направленных на воспрепятствование человеком покидание какого-либо места (помещение, транспортное средство,

воздушное или водное судно и т.д.). Чаще всего подобные действия связаны с воспрепятствованием выходу человека, закрытием дверей, связыванием и постоянным надзором за заложником, высказыванием угроз. Удержание, как правило, представляет собой продолжение процесса захвата.

Таким образом, под захватом заложников следует понимать насильственное завладение человеком с последующим ограничением свободы и удержанием его путем насильственного воспрепятствования оставления им определенного места нахождения, совершенные в целях принуждения государства, организации, физического или юридического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия прямого или косвенного освобождения заложника.

В п.3 ч.2 ст.227 УК КР указан один из квалифицирующих признаков, а именно «с применением насилия опасного для жизни и здоровья либо с угрозой убийством». В нашем исследовании под насилием мы понимаем как физическое, так и психическое насилие, то есть реальная угроза применения физического насилия. Таким образом, захват и удержание заложника, сопряженные с насилием, но не опасным для жизни или здоровья, является признаком основного состава данного преступления.

Под физическим насилием, не опасным для жизни или здоровья человека, на основании анализа действующего законодательства следует понимать совершение насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий в виде кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, причем и по способу действия, не создающие опасности для здоровья личности. Захват и удержание лица в качестве заложника могут быть совершены также с применением психического насилия.

Единственной формой совершения психического насилия является угроза [67, с. 6], которая «есть умышленное устрашение человека с причинением ему какого-нибудь противозаконного зла» [68, с. 90]. В словаре С.И. Ожегова угроза определяется как «запугивание, обещание причинить зло».

Под психическим насилием В.И. Симонов понимает «противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного путем запугивания применением физической силы» [69, с. 53].

Как правило, от заложников требуется соблюдение правил пассивного поведения, которые заключаются в не покидании определенного места и не совершении каких-либо действий (например, призывы о помощи или вскрикиваний). Содержание психического насилия, т.е. угрозы применения физического насилия, может включать в себя запугивание заложника причинением его здоровью различной степени вреда, лишением жизни, уничтожением или повреждением имущества, продолжением удерживать его, а также такими же неблагоприятными последствиями для близких захваченного или удерживаемого лица.

Данные действия в обязательном порядке сопровождаются предъявлением определенных требований, являющихся условием освобождения заложника. Эти требования могут быть выдвинуты как государству, общественным или иным организациям, так и отдельным гражданам. Требования могут быть различного характера – политические, национально-освободительные, социальные, сепаратистские и общеуголовные. Например, прекратить военные действия, подписать различные международные соглашения, выпустить из-под стражи осужденных, отбывающих наказание, предоставить оружие, наркотики, крупную сумму денег в валюте, самолет или транспортное средство для выезда за рубеж.

Что примечательно, захватчиками могут быть выдвинуты и самые неожиданные требования, но они могут быть вполне законными. Сюда можно отнести требования о выплате пенсии, заработной платы, возвращении денег по вкладу из банка, восстановление в должности, привод любовника жены и др.

В соответствии с действующим законом требования могут быть адресованы: государству в лице его специально уполномоченных правоохранительных органов; органам местного самоуправления; различным

международным, государственным, общественным, коммерческим организациям; отдельно физическим лицам или группе лиц, общине, клану, семье.

Захват заложников является преступлением с формальным составом, т.е., моментом окончания преступления будет совершение уголовно-наказуемых действий вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. Однако некоторые авторы берутся утверждать, что для окончания данного преступления в обязательном порядке необходимо выдвижение определенных требований, в свою очередь другие исследователи [132, с. 16, 29, 142] считают, что для окончания захвата заложников выдвижение каких-либо требований не требуется.

Так, по мнению Н.Н. Козловой, для признания преступления окончанным не имеет значение, были ли выдвинуты требования к организациям, гражданам или государству, так как захват задуман и совершается с определенной целью. Н.Э. Мартыненко, исследовав похищение человека, пришел к выводу, что моментом окончания данного преступления является завладение человеком, лишаящее его свободы выбора по своему усмотрению места пребывания (например, из дома, улицы и т.д.) для последующего его перемещения в место, предназначенное для сокрытия и насильственного удержания [71, с. 75]. Установление момента окончания захвата заложников имеет большое практическое и теоретическое значение. Основная проблема заключается в том, что захват заложника продлен во времени, в связи, с чем данное деяние является длящимся преступлением, т.е. юридический и фактический моменты окончания данного преступления не совпадают.

Под длящимся преступлением, как правило, понимают деяния, выражающиеся в длительном невыполнении каких-либо требований или обязанностей, например, уклонении от службы в армии. Примером может послужить проступок солдат срочной службы воинской части № 93546 в г. Балыкчи Мамбетаипова А. и Осмоналиева. 18 января 2003 года, эти двое, завладев автоматом АК-74 и самовольно оставив часть, захватили в заложники

работника АЗС Жээнчороева П. [72, УД-№03-1314]). Под длящимся преступлением также следует понимать незаконное хранение предметов или веществ, запрещенных для общего оборота, в частности наркотических средств или оружия, боевых припасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. В связи с этим захват заложников можно считать длящимся преступлением, что не противоречит позиции К.А. Бодобаева, определяющего время совершения длящегося преступления как момент исполнения общественно опасного деяния независимо от того, когда будет прекращено данное деяние.

Таким образом, моментом окончания захвата заложников является время фактического захвата либо фактического удержания, т.е. лишения лица или группы лиц реальной возможности передвигаться по своему усмотрению. А для определения момента окончания преступления не имеет значения, выдвигались ли требования или нет.

Субъективные признаки состава преступления, в соответствии с общепризнанной точкой зрения, включают в себя субъективную сторону и субъект преступления. Субъективная сторона и субъект преступления являются обязательными элементами любого состава преступления. Отсутствие одного из них, а равно любого из признаков состава преступления свидетельствует об отсутствии конкретного состава преступления и, соответственно, основания привлечения к уголовной ответственности.

Под субъективной стороной преступления понимается психическая деятельность виновного лица во время совершения преступления, содержанием которой является единство интеллектуальных и волевых процессов [88, с. 45, 47, 63, 64, 79, 80]. Она представляет собой психическую сознательную деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления [96, с. 127]. Психическое содержание преступного деяния составляет субъективную внутреннюю сторону преступления. Являясь внутренней сферой преступления, субъективная сторона «внешне проявляется именно в объективной стороне, т.е. в конкретных действиях или бездействии преступника, за которые он несет уголовную ответственность» [74, с. 10].

Исходя из общего учения о составе преступления, субъективная сторона состава преступления представляет собой «совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическое отношение лица к совершаемому деянию, содержащему данный состав» [75, с. 7]. Субъективную сторону преступления образуют такие его признаки, как вина, мотив и цель совершения преступления.

Субъективная сторона захвата заложника является наиболее трудно устанавливаемым элементом рассматриваемого состава преступления. Это объясняется, прежде всего, тем, что проникнуть во внутренний мир человека, его мысли, намерения, желания, чувства, эмоции гораздо труднее, чем установить объективную сторону преступления. В юридической литературе форма и вид вины при захвате заложников определялись учеными [76, с. 33] как прямой умысел. С субъективной стороны, захват заложников совершается с прямым умыслом. Виновный осознает, что захватывает или удерживает человека в качестве заложника, общественную опасность своего деяния и желает наступления общественно опасных последствий. Здесь законодатель определяет вид умысла через понятия осознания, предвидения и желания, из которых первые два относятся к интеллектуальному моменту умысла, а третий – к волевому. Исходя из этого, следует признать, что рассматриваемое преступление может быть совершено только умышленно.

При этом следует отметить, что при захвате заложника, повлекшем по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируемым по ч.3 ст. 227 УК КР, в данном случае преступление считается совершенное со сложной формой вины, но в целом оно признается как умышленное.

Обязательным признаком субъективной стороны основного состава захвата заложника, квалифицируемого по ч.1 ст.227 УК, выступают вина и специальная цель. В действующем уголовном законодательстве КР в закрепленной норме о захвате заложника прямо указывается специальная цель: «принуждение государства, международной организации, юридического или

физического лица совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия».

При захвате или удержании лица в качестве заложника, у преступника имеется определенная цель, которую он доводит до адресата – государства, организации и лиц – в виде требования или угроз, которые захватчик может осуществить, если они не будут выполнены. Если у преступника конечной целью является незаконный выезд за границу, то он выбирает для этого соответствующий способ захвата и удержания заложников (это, как правило, пассажиры воздушного, водного судна или транспортного средства). Если же преступник намеревается совершить побег из мест лишения свободы, то в качестве залога он выбирает сотрудников (в основном женщин), работающих на территории исправительных учреждений, из числа медперсонала, работников бухгалтерии, контролеров.

К слову, некие Деяев и Деменченко – осужденные исправительной колонии №16 строгого режима в с. Петровка Московского района Чуйской области, напали, будучи нетрезвыми на контролера колонии Афларова.

Против сотрудника колонии последнего была применена физическая сила, его связали по рукам и ногам и оставили в комнате контролеров. По тревоге прибыл оперативный дежурный отряд сотрудников. Осужденные огласили свои требования - перевод в другое учреждение, после чего Афларов Д. был избит трубой и молотком. В это время они были задержаны [77, № 02-1372]. Как следует из практики, при совершении захвата заложников обязательно присутствует специальная цель, которая является обязательным признаком субъективной стороны данного преступления. Следовательно, захват заложников совершается только с прямым умыслом. Захват заложников, как уже было отмечено выше, предполагает только прямой умысел, как и другие преступления с формальным составом [78, с. 110]. При этом интеллектуальный момент умысла будет выражаться в осознании виновным общественно опасного характера своего действия или бездействия, а именно захвата и (или) удержания лица в качестве заложника. Осознание общественно

опасного характера совершаемого деяния означает, что виновное лицо понимает, на какие интересы посягает, сознает опасность своих действий или бездействия.

Осознание виновного включает в себя представление о характере тех благ, на которые совершается посягательство, о содержании совершаемого действия (или бездействия), а также о других объективных признаках, влияющих на определение общественно опасного характера деяния, имеющих уголовно-правовое значение и при которых происходит преступление [79, с.106-107]. В связи с этим интеллектуальный момент умысла в основном составе захвата заложника выражается в осознании виновным того, что он незаконно получает контроль над поведением человека, сопровождающийся ограничением его свободы, а при удержании лица то, что он незаконно не допускает оставление лицом определенного местонахождения.

Волевой момент прямого умысла характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий. Желание совершить захват и (или) удержание в качестве заложника составляет волевой момент основного состава захвата заложника. Желание представляет собой волю, мобилизованную на достижение определенной цели. При этом следует учитывать, что волевой момент органически связан с интеллектуальным и зависит от него, поскольку виновный осознавал, что он совершает захват и (или) удержание лица в качестве заложника и желает это сделать. Сущность волевого момента признака захвата заложника состоит в активном стремлении добиться поставленной цели. Однако следует отметить, что захват или удержание заложника выступает не целью, а средством (инструментом) достижения конечной цели преступника.

Захват заложников может быть совершен и с заранее обдуманном умыслом, и внезапно возникшим. Заранее обдуманный умысел характеризуется тем, что «намерение совершить преступление осуществляется через более или менее значительный промежуток времени после его возникновения».

Захват заложников, который совершается с заранее обдуманном умыслом, характеризуется, как показывает практика, в большинстве случаев

особо тщательной продуманностью и спланированностью, подбором соответствующих средств и орудий совершения преступления, распределением ролей между соучастниками, выбором конкретных лиц в качестве заложников или более определенного круга лиц (например, женщин и детей), созданием благоприятных условий для совершения преступления.

Внезапно возникший умысел представляет собой такой вид умысла, который «реализуется в преступлении сразу же или через незначительный промежуток времени после его возникновения». Н.И. Ветров также определяет внезапно возникший умысел как такой вид умысла, который возникает внезапно и реализуется сразу же, или через незначительный промежуток времени после возникновения [80, с. 161].

Чаще всего умысел захвата заложников возникает в случае угрозы задержания при неудавшейся попытке совершения побега из мест заключения. Иногда внезапно возникший умысел может быть неожиданными даже для самого лица совершившего преступление. К примеру, при разбое захват заложников служит для преступников гарантом безопасности от задержания сотрудниками правоохранительных органов. Таким образом, разновидностью внезапно возникшего умысла является аффективный умысел, когда преступление совершается под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения.

При этом в качестве заложников выступают совершенно «случайные», ни в чем не повинные люди, которые оказались в непосредственной близости к преступнику, а требования виновного связаны с возможностью беспрепятственного оставления им какого-либо места, предоставлением для этого транспортного средства и отказом его преследования. Как правило, совершение рассматриваемого преступления с заранее обдуманым умыслом повышает общественную опасность деяния и личности виновного.

Период времени возникновения умысла совершить захват заложников и моментом его реализации может быть различным, в зависимости от подготовки и целей, например, от нескольких часов до нескольких месяцев и более. За это

время виновный тщательно обдумывает план захвата заложников, место, время, способы совершения, подбираются соучастники, а также пути отхода и способы сокрытия доказательств.

По общему правилу, заранее обдуманый умысел совершения захвата свидетельствует о стойкости антисоциальных установок, настойчивости и упорства преступника, изошренности достижения целей, и все это в совокупности свидетельствует о повышенной общественной опасности лица, совершившего данное деяние. Что касается внезапно возникшего умысла, то он имеет криминологическое значение в связи с профилактикой захвата заложников, так как определяет наиболее возможные и вероятные места совершения захвата заложников. Данный вид умысла для этого состава преступления значения не имеет, так как не влияет на квалификацию деяния.

В теории уголовного права выделяют также специальный умысел, который представляет собой вид умысла, характеризующийся «наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в состав преступления в качестве конструктивного элемента или квалифицирующего обстоятельства» [81, с. 76]. Поскольку в диспозиции ст.227 УК КР законодатель закрепил специальную цель захвата заложников, то все общественные опасные деяния, связанные с захватом заложника, будут совершаться со специальным умыслом.

Обязательным признаком захвата заложников является наличие специальной цели. В уголовно-правовой доктрине целью совершения преступления признается представление лица о желаемом результате, к которому он стремится [82, с. 117]. При конструировании состава захвата заложников законодатель прямо указывает на цель как обстоятельство, установление которого необходимо для квалификации содеянного лицом именно, как захват заложников. Когда виновный совершает рассматриваемое преступление, он преследует определенную цель, а именно «совершения в целях принуждения государства, международной организации или юридического и физического лица (группы лиц) совершить какое-либо

действие или воздержаться от такого как прямого или косвенного условия освобождения заложника». Конечный результат при захвате заложника состоит в принуждении третьих лиц, т.е. преступник стремится заставить их выполнить предъявленные требования, а средством достижения специальной цели является сам захват. При этом следует учитывать, что характер предъявляемых к государству, организации или отдельным лицам требований и форма их предъявления на квалификацию деяния не влияют.

Мы полагаем, что не противоречит позиции Н.Н. Козловой, что специальная цель, предусмотренная законодателем в качестве обязательного признака субъективной стороны захвата заложников, выступает в качестве промежуточного этапа для достижения более отдаленной – конечной цели.

Захват заложников в зависимости от целей преступников может быть классифицирован как политический, социальный, национально-освободительный, экстремистский, религиозный, сепаратистский, межнациональный, мировоззренческий, а также общеуголовный. При этом цели могут быть как преступными, так и правомерными. К числу правомерных целей можно отнести освобождение лидеров и членов оппозиционных сил, побуждение к проведению различных реформ, восстановление на работу в случае незаконного увольнения, требование выплаты вкладов в банке, улучшение содержания заключенных.

Одним из таких примеров является случай, произошедший, 23 августа 2010 года на Филиппинах в г. Манила. Тогда уволенный офицер полиции Роландо Мендоза, вооружившись винтовкой М-16, захватил автобус с 30 пассажирами, требуя восстановления его на службе [83, с. 13]. В ходе спецоперации при освобождении заложников погибло 8 человек, а сам преступник был застрелен. Однако даже наличие каких-либо правомерных целей не оправдывает совершение захвата заложников, так как в любом случае данные действия будут квалифицироваться как преступление независимо от правомерности или неправомерности целей совершения.

Иногда цели захвата могут носить нейтральный характер, допустим, предоставление возможности проживать на территории определенной страны, требование остановки разработки полезных ископаемых. К слову, 8 января 1996 году в Индонезии были захвачены 26 человек из Всемирного фонда природы, за освобождение которых бойцами движения Свободного Папуа был потребован вывод индонезийских войск из области Ириан-Джайа и остановка разработки полезных ископаемых [84, с. 59, 151].

Требование не допустить работы иностранных компаний на определенной территории тоже быть целью захвата. Пример тому события 8 февраля 1997 года в Анголе, когда сепаратистами Фронта Кабинда были захвачены в плен малазийские и филиппинские лесные инженеры. Сепаратисты потребовали остановить проникновение на территорию анклава иностранных компаний. Случается, что заложников удерживают с целью получить продовольствие и проведения медосмотра, необходимости строительства различных объектов, инвестиций в здравоохранение и образование. В Судане, 1 ноября 1996 года группой террористов захватили сотрудников Международного комитета Красного Креста, которые затем были освобождены в обмен на продовольствие и проведение врачами медосмотра боевиков.

Примером, так называемых, нейтральных целей может служить совершение захвата заложников в Йемене 15 октября 1997 года. Тогда местное племя захватило британского бизнесмена и двух йеменцев, а условия были выдвинуты следующие: оказать финансовую помощь и завершить строительство электрических и водопроводных сетей [85, с. 153].

Целями террористов также могут быть требования по незаконному пересечению государственной границы. 22 августа 1999 года на юге Кыргызстана группа террористов, пересекшая границу со стороны Таджикистана, захватила Генерал-майора внутренних войск и солдата Внутренних войск КР, четырех японских геологов и переводчика, а также местных жителей. В результате этих дерзких преступных деяний, более 24

человек погубило, в том числе, шесть военных [86]. Впоследствии они были освобождены путем непрерывных переговоров с представителями государства.

При рассмотрении мотивов захвата заложников можно выдвинуть несколько вариантов: корысть, зависть, месть, стремление уйти от заслуженного наказания, религиозные, политические, национальные, национально-освободительные, корыстные с целью получения выкупа или по найму. Однако мотив при захвате заложников на квалификацию не влияет, разве что корысть, которая квалифицируется как одно из отягчающих обстоятельств захвата заложников в соответствии с п.8 ч. ст.227 УК КР.

Все вышеописанное еще раз свидетельствует о том, что субъективная сторона захвата заложников характеризуется только прямым умыслом и реализацией специальной цели. Таким образом, состав захвата заложника будет иметь место только в том случае, когда его субъективная сторона будет характеризоваться специальной целью необходимой для его достижения.

Субъект преступления является обязательным признаком и одним из необходимых элементов состава преступления. Наличие субъекта преступления является одним из важных условий уголовной ответственности, т.к. «ответственность возможна только при наличии в первую очередь лица, совершившего преступление» [87, с. 217].

Преступление невозможно без лица, его совершившего. В теории уголовного права под субъектом преступления понимается вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления указанного в уголовном законе возраста, способное нести уголовную ответственность [88, с. 45, 47, 63, 64, 79, 80]. Как элемент состава преступления, субъект характеризуется предусмотренными уголовным законом признаками. Отсутствие любого из них исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности и свидетельствует об отсутствии состава преступления.

Исходя из этого и в соответствии со ст. 17 УК КР к таким признакам следует отнести: 1) лицо должно быть физическим; 2) вменяемым; 3) достигшим возраста уголовной ответственности.

Субъектами захвата заложников могут быть лишь физические лица. В нашем случае это граждане КР, иностранные и лица без гражданства. Ограничение круга возможных субъектов преступления физическими лицами означает, что субъектами преступления захвата заложников не могут быть юридические лица, т.е. предприятия, учреждения, организации, партии.

Однако некоторые авторы [89, с. 35] еще в самом начале 90-х годов всерьез высказывали свои мнения относительно возможности признания юридического лица субъектом преступления. Мы считаем, что данная позиция ученых является несостоятельной, поскольку противоречит одному из главных принципов уголовного права – принципу личной виновной ответственности лица. Этот принцип, бесспорно, является одним из самых важных достижений человечества на пути к прогрессу и построения правового демократического общества.

Вменяемость – это второй необходимый юридический признак субъекта преступления. Вменяемость – это способность лица в момент совершения преступления отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, т.е. совершать осознанные деяния. Без данного признака лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности.

В соответствии со ст.19 УК КР под невменяемым лицом понимается «лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики». Это определение невменяемого лица содержит в себе два критерия невменяемости: медицинский (биологический) и юридический (психологический).

Медицинский критерий невменяемости раскрывает причины этой неспособности. В качестве их законодатель в соответствии со ст.19 УК КР выделяет следующие: хроническое психическое заболевание, временные расстройства психики, слабоумие или иное болезненное состояние психики.

Основными психическими функциями, определяющими поведение человека, являются сознание и воля. Сознание и воля определяют поведение человека и его поступки. «Не потому человек становится невменяемым, что он болен, а потому, что болезнь лишает его свободы суждения и свободы выбора того или другого образа действия» [90, с. 42]. Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову, т.е. он должен чувствовать и сознавать совершаемые им деяния и руководить своими поступками. Таких людей можно назвать вменяемыми, здоровыми, и эти люди должны и могут отвечать за свои поступки и, следовательно, быть субъектами преступления.

В юридический критерий включаются те обстоятельства, которые могут указывать на степень, глубину психологического расстройства, вследствие психического заболевания. Данному признаку присущи два момента – интеллектуальный и волевой:

- интеллектуальный признак невменяемости предполагает неспособность (невозможность) осознания лицом фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия).
- волевой признак определяется тем, что лицо не способно руководить своими действиями, осознавая его общественную опасность, (например клептомания – непреодолимое влечение к краже).

Оба признака обусловлены объективной действительностью, материальными условиями жизни и той общественной средой, в которой происходит формирование личности.

Третий необходимый признак – возраст. Возраст лица к моменту совершения преступления является одним из необходимых условий для привлечения лица к уголовной ответственности. Ст.18 УК КР требует наступления 14 лет. По отдельным 22 видам умышленных преступлений в данный список входит и захват заложников. И с 16 лет по всем остальным преступлениям. В последнее время отмечается резкий рост преступлений, совершенных несовершеннолетними. Причем тяжких и особо тяжких преступлений. В немалой степени этому способствует телевидение, интернет,

радио, различные публикации в газетах и журналах, пропагандирующие культ насилия и достижения целей любыми способами.

Так, установленный законодателем возраст для привлечения к уголовной ответственности за захват заложников – с 14 лет, на наш взгляд, является правильным и обоснованным. Хотя следует отметить, что ученые вовсе неединодушны по этому вопросу. Часть из них, в частности, исследователи захвата заложников считают, что человек в этом возрасте в силу своего психосоциального развития не способен осознавать фактическую сторону своих действий, связанных с захватом заложников, а также общественную опасность данного преступления. По мнению ученых, захват заложников лицами моложе шестнадцатилетнего возраста маловероятен, так как для совершения этих действий необходимы физическая сила и выносливость, конспирация, наличие внутренней дисциплины, использование транспортных средств, оружия, наличие определенного жизненного опыта, а также обладание определенными навыками.

В подтверждение данных доводов Б.А. Гаджименов [91, с. 11] анализируя факты похищения людей, пришел к выводу о том, что снижение возраста за совершение указанного преступления нецелесообразно. Изучив около сотни уголовных дел по фактам похищения людей, он не обнаружил данных по возрасту субъектов преступления младше 20 лет.

Способность осознавать и оценивать общественную опасность своих действий формируется под непосредственным влиянием социальных условий, воспитания, а также от определенных биофизиологических особенностей человека и возникает несколько позже, чем способность осознавать фактическую сторону того или иного явления или действия.

В возрасте 14 лет человек достаточно хорошо понимает смысл и значение тех действий и поступков, которые признаны законом преступными и за совершение которых может последовать уголовное наказание, тем более что объективная сторона захвата заложника представляет собой не одно простое деяние, а целый комплекс действий, имеющих протяженность во времени.

Подросток четырнадцатилетнего возраста, совершая захват и (или) удержание заложников и предъявляя требования третьим лицам, осознает и оценивает не только фактическую сторону, а также социальное содержание и общественную опасность совершаемых им действий.

Установленный законодателем минимальный возрастной предел уголовной ответственности производится с учетом совокупности медико-биологических, социально-психологических, социологических критериев, а также криминологических показателей, принципов уголовного права и уголовной политики [92, с. 68]. Мы считаем установление минимального возраста привлечения к уголовной ответственности за захват заложников с четырнадцати лет основанным и правильным. Уровень физического и психического развития, а также степень развития интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств личности, а также уровень ее социализации свидетельствуют о том, что несовершеннолетний в этом возрасте уже может осознавать и понимать общественную опасность своих деяний и в полной мере руководить своими действиями. Таким образом, субъектом захвата заложников является физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

1.3 Квалификация захвата заложников по ч.2, ч.3 ст. 227 УК КР

Квалифицирующими признаками преступления являются те признаки, которые прямо предусмотрены в статье Особенной части Уголовного кодекса и которые «указывают на повышенную общественную опасность данного преступления» по сравнению с основным видом того же преступления [93, с.173].

Наличие таких признаков (обстоятельств) оказывает влияние на квалификацию преступления в отличие от отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст.55 УК КР, которые не влияют на квалификацию преступления, но учитываются при назначении наказания.

Квалифицирующие признаки состава преступления являются важным средством дифференциации уголовной ответственности, так как они призваны отражать значительные изменения соответствующим обстоятельствам степени общественной опасности содеянного.

Под дифференциацией уголовной ответственности понимается градация ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от уровня общественной опасности преступления и личности виновного. Захват заложников, являясь одним из наиболее сложных составов, содержит ряд квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Эти признаки дополнительно характеризуют данное преступление в зависимости от особенностей потерпевшего, объективной и субъективной сторон, что позволяет наиболее адекватно оценить конкретные преступные действия.

В соответствии с ч.2 ст.227 УК КР законодателем предусмотрено восемь квалифицирующих признаков:

- 1) группой лиц по предварительному сговору;
- 2) организованной преступной группой;
- 3) с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой убийством;

- 4) с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия;
- 5) в отношении двух и более лиц;
- 6) в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- 7) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- 8) из корыстных побуждений или по найму.

Захват заложников, квалифицируемый по п.1 ч.2 ст.227 УК КР, выступает в качестве состава с отягчающими обстоятельствами, который, помимо признаков основного состава захвата заложников, содержит в себе обстоятельства, существенно повышающие его общественную опасность. Захват заложников, совершенный группой лиц по предварительному сговору, является наиболее опасным видом преступления, поскольку выполняется в соучастии и так как здесь объединены преступные замыслы и действия нескольких лиц.

Как справедливо отмечает Ф.Г. Бурчак: «При насильственных преступлениях сам факт объединения усилий нескольких лиц для достижения одного преступного результата существенно повышает как опасность самого нападения, так и вероятность осуществления поставленных участниками перед собой целей» [94, с. 142].

В соответствии с ч.1 ст.30 УК КР: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления». Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору является одной из форм соучастия. Понятия «форма соучастия» в уголовном законе отсутствует, оно используется в науке уголовного права для характеристики различных способов совместного участия нескольких лиц в совершении преступления. Так, И.А. Рарог под формой соучастия понимает: «тип совместной деятельности нескольких лиц в процессе совершения преступления, который характеризуются способом взаимодействия соучастников и наличием сговора» [95, с. 152]. Основными критериями, по

которым можно классифицировать все случаи совместного совершения преступлений, являются, во-первых, наличие соглашения между участниками преступления (особенность субъективной связи между соучастниками); во-вторых, способ совместного совершения преступления (особенность объективного взаимодействия соучастников).

Первый из критериев характеризует степень согласованности действий нескольких лиц, совместно совершающих преступление. Согласованность же непосредственно зависит от наличия договоренности (сговора) участников преступления. В основе второго критерия деления, лежит объективный способ взаимодействия соучастников между собой. В зависимости от этого формы соучастия делятся на: а) простое соучастие (соисполнительство) и б) сложное соучастие, в) организованная преступная группа, г) преступное сообщество.

В п.1 ст.227 УК КР закреплено совершение захвата заложников группой лиц по предварительному сговору. Для наличия названного квалифицирующего признака необходимо:

- 1) участие в совершении захвата заложников не менее двух соисполнителей;
- 2) каждый из этих лиц должен обладать всеми признаками субъекта захвата заложников, т.е. являться физически вменяемым лицом, достигшим ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста;
- 3) наличие сговора между этими лицами, состоявшегося до начала совершения захвата заложников.

Необходимо отметить, что данная квалификация содеянного по п.1 ч.2 ст.227 УК КР возможна лишь при условии, что в захвате заложников непосредственно принимали участие не менее двух соисполнителей, действовавших по предварительному сговору, обладавших всеми признаками субъекта захвата заложников. При этом захват заложников, совершенный группой лиц по предварительному сговору, может быть осуществлен в форме:

- 1) простого соучастия [96, с. 232] (соисполнительство), когда каждый участник группы является исполнителем преступления, т.е. непосредственно

совершает преступление либо непосредственно участвует в его совершении совместно с другими лицами. В этом случае каждый участник группы полностью или частично «выполняет» объективную сторону преступления, например, двое преступников захватывают, а третий удерживает лицо в качестве заложника;

2) сложного соучастия (соучастие в собственном, тесном или узком смысле слова) [97, с. 58, 68], когда наряду с исполнителями в преступлении участвуют подстрекатель, пособник или организатор, т.е. объективную сторону непосредственно выполняют не все участники группы.

Здесь, кроме исполнителей, в группу входят множество людей: лицо, которое организовало совершение захвата заложников или руководило его исполнением (организатор); лицо, которое склонило другое лицо к совершению захвата заложников путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (подстрекатель) или лицо, которое содействовало совершению захвата заложников советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, которое заранее обещало скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, которое заранее обещало приобрести или сбыть такие предметы (пособник). При этом соучастники захвата заложников (кроме исполнителей) непосредственно не осуществляют действий, образующих объективную сторону этого преступления, но они создают реальные условия для совершения этого преступления и реализуют через исполнителей свои преступные намерения. Тем самым они прямо причастны к преступлению, «совместное совершение которого и составляет основание их ответственности» [98, с. 246].

Предварительным сговором при захвате заложников признается соглашение между участниками группы о захвате заложников (о месте, времени, способе, оружии, распределении ролей и т.п.), принятое до начала осуществления захвата и удержания лица в качестве заложника в целях

принуждения государства, международной организации, юридического или физического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как прямого или косвенного условия освобождения заложника.

Сговор на совершение захвата заложников носит предварительный характер и, как правило, может состояться перед самым началом или в процессе захвата заложников, во всяком случае, до его окончания или задолго до начала совершения преступления. В таких ситуациях преступная группа, как правило, на практике тщательно планирует предстоящий захват заложников. Она готовится к совершению преступления, производит предварительную разведку места совершения преступления, определяет место последующего содержания заложников, распределяет роли между соучастниками, подготавливает необходимые средства, транспорт, оружие, взрывные устройства, подготавливает пути отхода, т.е. по всем признакам совершается сговор на совершение преступления. Данные действия должны квалифицироваться как приготовление к преступлению, предусмотренные ч.1 ст. 27 УК КР. Договоренность может состояться в любой форме, например, словами, жестами, взглядами, в письменной форме, с использованием интернета, электронной почты и т.д. Совместность деятельности соучастников группы лиц по предварительному сговору при захвате заложников выражается в том, что захват или удержание лица в качестве заложника совершается взаимосвязанными и взаимообусловленными действиями участников, которые влекут единый для всех участников преступный результат, при этом между действиями каждого соучастника и этим общим результатом имеется причинная связь.

Для квалификации содеянного по п.1 ч.2 ст.227 УК КР необходимо, чтобы захват или удержание лица в качестве заложников осуществлялся умышленно, данное положение следует из ст.31 УК КР. При этом деятельность любого соучастника характеризуется только прямым умыслом. Исходя из общего учения о соучастии, субъективными признаками соучастия при

совершении захвата заложников группой лиц по предварительному сговору являются:

- а) взаимная осведомленность о совершении захвата заложников;
- б) согласованность соучастников захвата заложников.

Взаимная осведомленность соответствует интеллектуальному моменту умысла соучастников, это говорит о том, что каждый из членов группы осознает общественную опасность не только своего деяния, но и деяния других соучастников. Об этом свидетельствует и факт совместного завершения преступления.

Согласованность соответствует волевому моменту умысла соучастников, она характеризуется взаимным выражением намерения и желания лица участвовать в совершении захвата заложников вместе с другим (другими) лицом и состоит в предварительном сговоре группы на совершение захвата заложников. Для квалификации содеянного по п.1 ч.2 ст.227 УК КР необходимо учитывать, что мотивы и цели соучастников захвата заложников согласованы и едины. То есть, принуждение государства, международной организации, юридического или физического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия, как прямого или косвенного условия освобождения заложников.

Таким образом, для квалификации содеянного по п.1 ч.2 ст.227 УК КР необходимо, чтобы в захвате заложников участвовали в качестве соисполнителей не менее двух лиц, каждое из которых обладает всеми признаками субъекта данного преступления, а также имел место сговор между этими лицами, состоявшийся до начала совершения захвата заложников.

Захват заложников, совершенный организованной преступной группой

В соответствии с п.4 ст.31 УК КР «организованной преступной группой признается устойчивая группа из двух и более лиц, предварительно организовавшихся для совершения преступлений». В приведенном законодательном определении понятия организованной группы, по существу, указаны следующие признаки, характеризующие данную форму соучастия; во-

первых, устойчивая группа лиц; во-вторых, заранее организовавшихся и объединившихся; в-третьих, для совершения преступлений. Организованная преступная группа характеризуется, как правило, высоким уровнем организованности, планированием и тщательной подготовкой преступления, распределением ролей между соучастниками. Устойчивость – неотъемлемый признак организованной группы. Длительное время признак устойчивости в теории и практике связывали в основном с количеством задуманных и совершенных преступлений» [99, с. 128].

Уголовный закон не содержит понятия устойчивости, для определения этого признака организованной группы следует исходить из обстоятельств конкретного преступления. Так, Т.Д. Устинова под устойчивостью применительно к банде как виду организованной группы понимает постоянную или временную преступную деятельность, рассчитанную на неоднократность совершения преступных действий, относительную непрерывность в совершении преступных деяний [100, с. 26].

Л.Д. Гаухман указывает на то, что устойчивость в организованной группе можно распознать наличием организатора, так как именно он создает группу, этот же человек осуществляет подбор соучастников, распределяет роли между ними, а также обеспечивает целенаправленную, спланированную и слаженную деятельность, как всей группы, так и каждого ее участника [101, с.59]. Устойчивость, кроме того, может характеризоваться и постоянством участников группы, а также продолжительностью ее существования.

Так, В.С. Комиссаров указывает на то, что «длительность существования и количество эпизодов могут свидетельствовать об устойчивости организованной группы только в совокупности с такими обстоятельствами, как высокая степень организованности, стабильность состава и ее организованной структуры, сплоченность, наличие своеобразных, индивидуальных по характеру форм и методов деятельности и т.д.» [102, с. 99, 157]. Как правило, такая группа тщательно готовит и планирует преступление, распределяет роли между соучастниками. Также одним из других специфических признаков

организованности, закрепленных в законодательстве, является предварительная объединенность лиц. В этой объединенности отражена наиболее высокая степень организованной анализируемой формы соучастия.

Своеобразие организованной группы состоит в наличии признака устойчивости, иным словом, участников (членов) организованной группы объединяет цель совместного совершения, как правило, многочисленных преступлений (как тождественных, так и однородных) в течение продолжительного времени [103, с. 141]. Нужно отметить, что организованная группа может характеризоваться не только сговором ее участников (членов), но и более тесным их объединением, свидетельствующим о высоком профессионализме соучастников. Участники организованной группы могут являться исполнителями совершаемых ею преступлений или же не принимать непосредственного участия в них, но при этом выступать в качестве организаторов или пособников. Однако даже такое техническое распределение ролей не может повлиять на юридическую оценку их действий.

Все участники организованной группы, в соответствии с ч.2 ст.33 УК КР, признаются исполнителями и несут ответственность за совершенное преступление по статье Особенной части УК без ссылки на ст.31 УК КР. Для организованной группы, в отличие от группы по предварительному сговору, характерно то, что организованная группа после совершения преступления не распадается, а действует как криминальная структура, осуществляющая преступную деятельность.

Устойчивость, как законодательно определенный признак организованной группы, имеет свое самостоятельное содержание. Оно включает в себя длительность существования преступной деятельности и определенное постоянство состава участников группы. Таким образом, устойчивость, присущая организованной группе, представляет собой оценочный признак и является основным критерием для отличия такой группы от группы лиц по предварительному сговору.

В теории уголовного права предложен более широкий объем признаков организованной группы. Так, В. Быков [104, с. 11] относит к ним:

- устойчивость состава группы;
- постоянное систематическое совершение преступлений – цель объединения;
- подготовка группы к совершению преступлений;
- предварительное распределение ролей при совершении преступлений;
- выработка группой единой ценностно-нормативной ориентации;
- поддержание строгой иерархии и дисциплины в группе;
- распределение преступных доходов в соответствии с положением каждого члена в иерархии группы в ее структуре.

Таким образом, признак устойчивости группы связываются, прежде всего, с длительностью ее существования, прочностью преступных связей и определенным постоянством входящих в него членов, объединенных одной целью преступной деятельности.

Для организованной преступной группы, совершившей захват заложников, характерно:

- наличие единого умысла на совершение захвата заложников;
- планирование захвата заложников (время, место совершения, оружие, транспорт, средства связи и пути отхода);
- распределение ролей между участниками с определением круга и этапов выполнения преступных действий;
- определение предъявляемых требований;
- круг лиц, которые будут выступать в качестве заложников;
- характер поведения каждого преступника в случае изменения, каких-либо планируемых обстоятельств, в том числе, на случай неудавшегося захвата, сопротивления заложников, либо силового освобождения заложников (штурм) специальными службами, а также задержания.

Захват заложников, совершаемый организованными группами, характерен тем, что в такие группы обычно входят лица с общим прошлым и одной профессиональной деятельностью или родом занятий (например,

военнослужащие или лица, отбывшие наказание). Как правило, преступники при планировании захвата заложников прибегают к составлению определенных тактических схем, необходимых для успешного захвата и удержания.

Захват заложников, квалифицируемый по п.2 ч.2 ст.227 УК КР по признаку совершения его организованной группой, может быть осуществлен как в форме простого соучастия, так и в форме сложного. При простом соучастии (соисполнительстве) все участники организованной группы должны «выполнять» объективную сторону захвата заложников, а при сложном соучастии – участвовать в захвате лишь одним или некоторыми участниками, но в обоих случаях обязательно должно быть предварительное соглашение лиц [105, с. 80].

Законодатель устанавливает конкретное число участников организованной группы – двух и более лиц, но практика еще раз доказывает то, что, как правило, участников организованной группы намного больше двух лиц. В качестве членов организованной группы при захвате заложников могут выступать любые соучастники преступления – как сами непосредственные исполнители, так и организаторы, подстрекатели, пособники.

Анализ уголовных дел, связанных с захватом заложников, показывает, что при данном преступлении, совершаемом организованной группой, почти всегда все члены организованной группы полностью осуществляют действия, составляющие объективную сторону. В ч.1 ст.33 УК КР указывается: «Лицо, создавшее организованную преступную группу или руководившее ею, подлежит уголовной ответственности за ее организацию и руководство ею в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК КР, а также за все совершенные этой группой преступления, которые охватывались его умыслом».

Часть 2 ст.33 УК КР гласит: «Другие участники организованной преступной группы несут ответственность за участие в ней в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК КР, а также за совершение преступлений, которые охватывались их умыслом,

независимо от выполняемой ими в составе группы преступной деятельности». Исходя из этой нормы, необходимо выделить тот момент, на который следует обратить внимание при квалификации преступных действий членов организованной группы, совершивший захват заложников. Действия всех участников организованной группы независимо от их роли в совершении захвата заложников (организатор, исполнитель, подстрекатель или пособник) надлежит квалифицировать по п.2 ч.2 ст.227 УК КР без ссылки на ст.33 УК КР как соисполнительство.

Создание организованной группы для совершения захвата заложников, по смыслу ч.2 ст.27 УК КР, влечет уголовную ответственность за приготовление к захвату заложников, а в случае покушения организованной группы подлежит квалификации по ст.28 и п.2. ч.2 ст.227 УК КР.

Таким образом, исходя из анализа п.2. ч.2 ст.227 УК КР, а также норм Общей части УК КР, можно сделать вывод, что захват заложников, совершенный организованной преступной группой, может быть сопряжен со всеми квалифицирующими признаками данного преступления, кроме «группой по предварительному сговору», и повлечь различные последствия, предусмотренные уголовным законом.

Захват заложников, совершенный с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой убийством

В соответствии с п.3 ч.2 ст. 227 УК КР, в качестве квалифицирующего признака установлен способ совершения рассматриваемого преступления, наличие которого свидетельствует о повышенной общественной опасности захвата заложников: «с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой убийством».

Для определения понятия насилия, опасного для жизни или здоровья, необходимо обратиться к разделу 7 гл.16 УК КР «Преступления против жизни и здоровья». Так, в ст.104 УК КР предусматривается ответственность за причинение умышленного тяжкого вреда здоровью человека, опасного для

жизни, что по смыслу закона относится и к последствиям насилия, опасного для жизни или здоровья, указанного в п.3. ч.2. ст.227 УК КР.

Опасным для жизни является вред здоровью, угроза жизни в момент нанесения или при обычном его течении, заканчивающийся смертью [106, с. 194, 213, 228, 313, 447]. Если даже смертельный исход пострадавшего был предотвращен в результате оказания медицинской помощи, это не изменяет оценку вреда здоровью как опасного для жизни, говорится в п.13 «Правил судебно-медицинского определения тяжести вреда здоровью», утвержденным приказом Министерства здравоохранения КР [107].

Насилием, опасным для жизни, является насилие, вызывающее состояние, угрожающее жизни, которое может закончиться смертью, поскольку именно такое насилие может причинить опасный для жизни вред здоровью. Данное насилие по своему характеру создает «объективную возможность наступления смерти потерпевшего» [108, с. 48].

По мнению Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова, под применением насилия, опасного для жизни и здоровья, следует понимать такое фактическое насилие, которое повлекло причинение потерпевшему тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную утрату общей трудоспособности, создавало реальную опасность для жизни или причинение указанного вреда [109, с. 299].

При оценке насилия, опасного для жизни или здоровья, необходимо учитывать не только последствия его применения, но и способ действий [110, с.8]. Способ совершения преступления представляет собой прием, метод или совокупность средств, используемых для совершения общественно опасного деяния [111, с. 166]. В наиболее общем виде его можно определить как образ поведения лица, совершающего определенный вид уголовно-противоправного общественно опасного деяния. К слову, всегда является опасным для жизни или здоровья потерпевшего насилие с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Применение насилия при захвате заложников предполагает применение физического насилия. Физическим насилием является «общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли» [112, с. 3]. Поэтому захват или удержание заложников, совершенные с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья, будут квалифицироваться по п.3 ч.2. ст.227 УК КР не только в случаях наступления предусмотренного законом вреда заложнику, но и в зависимости от способа действий, например, сильным сдавливанием шеи заложника, нанесения ударов колюще-режущим предметом в жизненно-важные органы.

Для наличия рассматриваемого квалифицирующего признака захвата заложника не обязательно фактическое причинение физического вреда заложнику. Так, если преступник, владеющий приемами рукопашного боя, для прекращения сопротивления захватываемого лица, наносит ему сильный удар по руке, желая при этом сломать ее, но в силу каких-либо обстоятельств не причиняет вреда здоровью заложника, подлежит уголовной ответственности по п.3 ч.2 ст.227 УК КР. Здесь необходимо подчеркнуть, что применение насилия создавало реальную угрозу для жизни или здоровья заложника. Таким образом, под насилием, опасным для жизни или здоровья, применение которого предусмотрено в качестве квалифицирующего признака в п.3 ч.2 ст.227 УК КР, следует понимать такое насилие, которое в силу интенсивности, обстановки и характера создавало реальную опасность для жизни и здоровья в момент причинения такого насилия.

В случае, если виновный при захвате заложников умышленно причиняет смерть заложнику, то содеянное подлежит квалификации по не совокупности статей ст.227 УК КР, и п.11 ч.2 ст.97 УК КР, как указывают на это исследователи, а только по п.11 ч.2 ст.97 УК как (убийство, сопряженное с похищением человека или захватом заложников). Такой должна быть квалификация как при учтенной законодателем идеальной совокупности преступлений (например, виновный с целью подавления сопротивления жертвы при захвате заложника умышленно убивает ее) так и при учтенной законода-

телем реальной совокупности преступлений (например, виновный после получения выкупа или выполнения иных требований убивает жертву). В обоих случаях квалификация должна производиться лишь по п.11 ч.2 ст.97 УК КР. На что указывают, ученые [113, с. 6] это является одним из основных правил квалификации преступлений.

Также в п.3 ч.2 ст.227 УК КР в качестве квалифицирующего признака установлен захват заложников, совершенный с применением насилия опасного для жизни или здоровья либо с угрозой убийством. В соответствии со ст.113 УК КР устанавливает специальную ответственность за «угрозу убийством, при наличии достаточных оснований опасаться осуществления этой угрозы». Под угрозой убийством понимается явное намерение виновного лишить жизни потерпевшего. Угроза может быть выражена устно, письменно, по телефону, но в любом случае она должна носить реальный характер.

Угроза должна считаться таковой, если имелись достаточные основания опасаться осуществления этой угрозы. При любых обстоятельствах она должна носить реальный характер. Необходимо также учесть характеристику личности виновного – степень агрессивности, в частности нахождение в состоянии опьянения, наличие судимости за насильственные преступления и другие обстоятельства дела. Реальность угрозы решается в каждом конкретном случае в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В случаях, когда захват заложников совершается с применением оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ, это создает реальную возможность преступникам осуществить свою угрозу убийством или причинения тяжкого вреда здоровью, которое может привести к гибели заложников. Таким образом, для квалификации по п.3 ч.2 ст.227 УК КР необходимо наличие достаточных и реальных оснований, а также возможности для реализации угрозы убийством или причинения вреда, жизни и здоровью заложников.

Захват заложников, совершенный с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия

В п.4 ч.2 ст.227 УК КР предусмотрено совершение захвата заложников с

применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при совершении захвата заложников повышает общественную опасность рассматриваемого преступления, поскольку создает реальную возможность нанесения тяжкого вреда для жизни либо здоровью потерпевшего, усиливает агрессивность и дерзость виновного, придает ему уверенность в его неуязвимости, а также в достижении намеченных целей [114, с. 38].

Под применением оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, в теории уголовного права понимают: во-первых, фактическое использование их поражающих свойств оружия для причинения физического вреда потерпевшим и разрушение различных объектов; во-вторых, как средство психологического давления, устрашения потерпевших, когда создается реальная угроза наступления тяжких последствий [115, с. 105-118].

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать фактическое их использование в процессе совершения данного преступления для причинения вреда здоровью человека либо для угрозы. В соответствии со ст.1 Закона КР «Об оружии» от 9 июня 1999 г. № 49 под оружием «понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для нападения, либо активной обороны и поражения живой или иной цели» [116, ст. 1].

Под предметами, используемыми в качестве оружия, подразумеваются предметы хозяйственно-бытового назначения: кухонный нож, топор, бритва и т.д. Под этот перечень также подходят любые иные предметы, применяемые для причинения физического вреда человеку (например, штыковая лопата, дубинка, палка, камень и т.д.) [117, с. 75, 165]. По сути дела, это любые предметы, которыми может быть причинен тяжкий вред здоровью человека, вплоть до лишения его жизни.

Таким образом, под предметами, используемые в качестве оружия, следует понимать любые предметы, которые виновный применил при захвате или удержании заложников для умышленного причинения вреда, опасного для

жизни или здоровья, или создания реальной возможности наступления смерти, либо для угрозы с тем, чтобы осуществить захват и удержание. Квалификация содеянного производится в соответствии с п.4 ч.2 ст.227 УК КР вне зависимости от того, были ли предметы приготовлены и приспособлены заранее или подобраны на месте преступления виновным [118, с. 60-61, 108, 224, 226].

Необходимо подчеркнуть, что в п.4 ч.2 ст.227 УК КР не указываются взрывчатые вещества и взрывные устройства, в то время, как показывает практика, что более 71,5% случаев захвата заложников совершается с применением специальных взрывных устройств, боевых припасов и взрывчатых веществ. Данное обстоятельство является пробелом в законе, так как взрывчатые вещества и взрывные устройства не уступают по своим поражающим свойствам, а даже превосходят некоторые виды оружия. Отсутствие в законе данного признака вынуждает правоприменителей давать этому понятию более широкое толкование, включая в него не только оружие, но и взрывчатые вещества, взрывные устройства и боеприпасы.

Под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространению, химическому превращению и высвобождению значительного количества поражающей энергии. К ним относятся: тротил, аммониты, пластиты, эластины, дымный и бездымный порох, твердое ракетное топливо и т.п.

Взрывные устройства представляют собой комбинацию взрывчатого вещества и специального приспособления, предназначенного для производства взрыва. Под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной метательный или вышибной заряды, либо их сочетание. Таким образом, совершение захвата заложников с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, квалифицируемое по п.4 ч.2 ст.227 УК КР, дополнительной квалификации по ст.241 УК КР не требуется.

Захват заложников, совершенный в отношении двух и более лиц

В п.5 ч.2 ст.227 УК КР предусмотрено совершение захвата заложников в отношении двух и более лиц. Для захвата заложников, совершенного в отношении двух и более лиц, характерна более высокая степень общественной опасности по сравнению с основным составом рассматриваемого преступления. При этом виновный осознает, что совершает тяжкое преступление в отношении множества лиц, тем самым, это указывает на то, что у преступника стойкая, выраженная и сформированная антиобщественная установка. При квалификации по п.5 ч.2 ст.227 УК КР есть необходимость, чтобы одновременно были захвачены и удержаны в качестве заложников двое и более лиц, но данный захват должен охватываться единым умыслом. Например, когда все пассажиры автобуса или самолета объявлены заложниками, либо в процессе одного захвата удерживается один заложник, затем другой, по одному преступному мотиву, с выдвиганием одних и тех же требований к одному лицу или организации.

Таким образом, обязательным условием для квалификации по п.5 ч.2 ст.227 УК КР является наличие у виновного единого умысла на совершение захвата или удержание в качестве заложников двух и более лиц.

Захват заложников, совершенный в отношении несовершеннолетнего

Отечественное уголовное законодательство к несовершеннолетним относит лиц, которым ко времени совершения преступления не исполнилось 18 лет (ч.1 ст.77 УК КР). Эти возрастные границы имеют уголовно-правовое значение для ответственности данной возрастной категории. Захват заложников в отношении несовершеннолетнего предполагает повышенную степень общественной опасности, как самого преступления, так и лиц его совершившего.

Законодатель в п.6 ч.2 ст.227 УК КР устанавливает, совершение захвата заложников в отношении несовершеннолетнего лица, заведомо для виновного. Это обусловлено тем, что в качестве заложника оказываются лица, которые

физически и психологически слабее взрослого человека. Также это обуславливается тем, что сложная напряженная ситуация, возникающая в процессе захвата, способна нанести серьезный психологический вред молодому и неокрепшему организму. Заведомость предполагает наличие достоверных, несомненных, хорошо известных данных, т.е. осведомленность [119, с. 141], осознание виновным того, что он совершает захват или удержание несовершеннолетнего лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста. Преступник может получить данную информацию различными методами. Чаще всего о несовершеннолетии виновный судит по внешним признакам человека, а именно по его антропологическим параметрам – росту, телосложению, а также по тембру голоса, плачу и речи заложника. Кроме того, о несовершеннолетнем возрасте заложника виновному может быть известно из каких-либо документов, сведений других лиц, либо когда преступник целенаправленно захватывает какое-либо общественное или государственное учреждение, например школу или детский сад.

Если же виновный ошибается в возрасте лица, захватываемого или удерживаемого в качестве заложника, считая жертву несовершеннолетним, содеянное подлежит квалификации как покушение на захват заложника в отношении заведомо несовершеннолетнего. В квалификации содеянного по п.6 ч.2 ст.227 УК КР необходимо, чтобы в качестве заложника выступал несовершеннолетний, а также виновному заведомо было известно о несовершеннолетнем возрасте заложника.

Захват заложников в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности

Совершение захвата заложников по п.7 ч.2 ст.227 УК КР, в отношении заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, характеризуется высокой общественной опасностью, так как виновный может причинить вред не только женщине, оказавшейся заложницей, но и еще не родившемуся ребенку. В данном случае фактически потерпевшими являются два человека – женщина и ее будущий, не родившийся ребенок. Учитывая

состояние женщины и ее организма и влияние сложившейся ситуации, а также физическую и психологическую нагрузку при захвате заложников, возникает реальная опасность для жизни и здоровья женщины и ее еще внутриутробному плоду. Обстоятельство, что женщина находится в состоянии беременности, для виновного является благоприятным фактором для достижения преступной цели, потому что женщина в таком положении окажет наименьшее сопротивление.

В качестве обязательного условия для квалификации по п.7 ч.2 ст.227 УК законодатель выдвигает обязательную осведомленность и заведомость виновного о состоянии беременности потерпевшей. В этом случае виновный должен располагать информацией о состоянии женщины, либо предполагать, что захватываемая и удерживаемая женщина находится в состоянии беременности. Об этом могут свидетельствовать наличие внешних признаков беременности и другие фактические данные. Если захвачена в заложницы женщина, которая, по мнению преступника, находится в состоянии беременности, но на самом деле она в таком состоянии не находится, данное деяние необходимо квалифицировать как покушение на совершение захвата в отношении беременной женщины. Таким образом, для квалификации содеянного по п.7 ч.2 ст.227 УК КР необходимо, чтобы виновный знал и был заведомо осведомлен о том, что захватываемая женщина находится в состоянии беременности.

Захват заложников, совершенный из корыстных побуждений или по найму

В соответствии с п.8 ч.2 ст.227 УК КР захват заложников, совершенный из корыстных побуждений или по найму, рассматриваемый квалифицирующий признак носит альтернативный характер, поскольку для его наличия достаточно, чтобы захват или удержание было совершено из корыстных побуждений или по найму. Корыстные побуждения являются обстоятельством, которое отягчает уголовную ответственность за совершение преступного деяния. Корыстный мотив преступления как элемент субъективной стороны

свидетельствует о повышенной общественной опасности, большой степени эгоизма и нравственно-психологической деформации сознания и стойкой выраженной антиобщественной установки личности преступника. Корыстная доминанта в мотиве преступления, по мнению Б.С. Волкова, «это не только самый распространенный способ, но и один из самых сильных побуждений, толкающих людей на совершение преступлений. По силе своего казуального воздействия на личность, по динамической способности вызывать активность, он не имеет себе равных и может уступать разве что половому инстинкту» [120, с. 42].

Корыстная мотивация, в комплексе с эгоистическим, материально-потребительским отношением, в своих крайних проявлениях часто приводит к совершению насильственных преступлений. Деньги, имущество и другие материальные блага и выгоды, преступник с корыстными побуждениями ставит выше всех человеческих ценностей и даже человеческой жизни [121, с. 13-14].

Применительно к захвату заложников – корыстные побуждения оказываются важны и значимы для преступника настолько, что он выбирает заведомо опасный как для себя, так и для общества способ их воплощения.

Захват заложников, совершенный из корыстных побуждений, предполагает совершение захвата или удержание лица в качестве заложника в целях: 1) получения выкупа в виде денег, имущества или прав на его получение, принадлежащее государству, юридическим лицам, предприятиям организациям, а также гражданам; 2) либо в целях избежать возврата долга или иных платежей. На практике также нередки случаи захвата заложников, а также похищение людей в целях получения долга, выплаты заработной платы труда, возврата вклада из банка. В данных случаях, данные действия необходимо квалифицировать ч.1 ст.227 УК КР.

Корыстный мотив является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного п.8 ч.2 ст.227 УК КР, поэтому его установление является необходимым условием для привлечения лица к уголовной ответственности за захват заложников, совершенного из корыстных

побуждений. При этом на квалификацию не будет влиять то, к кому виновный предъявляет требования – к собственнику имущества либо к тому, у кого оно находится, главное, чтобы в качестве адресата выступали государство, организация или гражданин.

Законодательная дефиниция квалифицированного захвата заложников, совершенного из корыстных побуждений, сформулирована таким образом, что для признания этого преступления оконченным не требуется фактического получения материальных благ, достаточно наличие такой цели, которую ставит перед собой преступник, захватывая заложников, и которая озвучена в его требованиях, предъявляемых к третьим лицам.

Разновидностью совершения преступления из корыстных побуждений, является наем лица для совершения преступных действий за материальное вознаграждение. Выделения найма в качестве самостоятельной мотивации захвата заложников не случайно, поскольку такие действия отличаются как фактическим, так и юридическим своеобразием. Особенностью данного квалифицирующего признака является то, что материальный интерес виновного удовлетворяется не за счет потерпевшего, а в результате получения вознаграждения от третьих лиц – организаторов захвата заложников. В данной ситуации важно, чтобы преступник исполнял чью-то «волю», «желание».

При этом лица, организовавшие совершение захвата заложников за вознаграждение, а также подстрекавшие и оказавшие пособничество в совершении такого преступления, подлежат квалификации по соответствующей части ст.30 и п.8 ч.2 ст.227 УК КР. При этом было ли получено вознаграждение до или после совершения преступления, либо в процессе, и получено ли оно вообще – значения для квалификации не имеет, важно только, чтобы мотивом преступления была корысть, и лицо руководствовалось этими побуждениями. Не имеет значения также и то обстоятельство, по чей именно инициативе совершается захват заложников.

Таким образом, захват заложников квалифицируется по п.8 ч.2 ст.227 УК КР, как захват, совершенный из корыстных побуждений или по найму в целях

получения материальной выгоды для виновного (других лиц) или избавление от материальных затрат, а также обусловленного получением исполнителем материального или иного вознаграждения.

Особоквалифицирующие признаки захвата заложников

Часть 3 ст.227 УК КР устанавливает особо квалифицирующие признаки захвата заложников. К ним относятся деяния, предусмотренные чч.1, 2 ст.227 УК КР совершенные преступным сообществом и повлекшие по неосторожности смерть человека или причинили тяжкий вред его здоровью, либо иные тяжкие последствия. Наличие особоквалифицирующих признаков свидетельствует об особой степени общественной опасности лица (группы лиц), совершающих преступление. При этом особоквалифицируемый состав преступления характеризуется более высокой степенью общественной опасности по сравнению не только с основным составом, но и квалифицированными видами данного преступления.

В соответствии с ч.5 ст.31 УК КР, «Под преступным сообществом признается устойчивое, сплоченное объединение двух и более лиц или групп, предварительно организовавшихся для систематического совершения тяжких и особо тяжких преступлений». Из законодательного определения преступного сообщества (преступной организации) вытекают две относительно самостоятельные разновидности преступной организации:

- 1) сплоченная, организованная группа (организация), которая создана для совершения тяжких и особо тяжких преступлений;
- 2) объединение нескольких организованных групп, созданных в тех же в целях.

Каких-либо критериев сплоченности закон не указывает. Данная форма соучастия является наиболее сложной (и опасной) формой преступной организации. Необходимыми признаками, которой являются сплоченность, цель создания группы – совершение тяжких и особо тяжких преступлений [122, с. 43].

Одним из важнейших признаков, характеризующих преступное сообщество, является его сплоченность. «Именно сплоченность отличает преступное сообщество от смежных форм соучастия», – считает А.П. Козлов [123, с. 29]. Как отмечает П.Ф. Тельнов [124, с. 133], виновные образуют сплоченное сообщество, связанное взаимными обязательствами и имеющими определенное руководство, складывается объединение, организационная форма, которая специально приспособлена для преступной деятельности. Организация становится своеобразным орудием для совершения преступления. Сплоченность выступает в качестве оценочного признака.

В теории уголовного права к признакам, характеризующим сплоченность, относят: «круговую поруку», строжайшую конспирацию, многомиллионную общую кассу, специальные технические средства, оружие, транспорт, сложные организационно-иерархические связи, связи с правоохранительными органами и систему защитных мер [125, с. 10]. Сплоченность преступного сообщества проявляется также в постоянстве состава его членов. Как признак преступного сообщества сплоченность проявляется в том, что между соучастниками существует договоренность о совместном занятии преступной деятельностью. Сообщество создается для совершения не одного преступления, а для занятия такой деятельностью систематически и на профессиональной основе.

На это обстоятельство обращал внимания, в частности, С.В. Афиногенов [126, с. 19], назвавший в числе признаков преступного сообщества (он именуется его преступной организацией) множественность преступлений – создание его для многократного совершения преступления. В рамках преступного сообщества вырабатываются, как правило, стойкие организационные связи. Преступное сообщество планирует заниматься преступной деятельностью, не ограничиваясь совершением одного, хотя бы даже дерзкого, требующего длительной подготовки посягательства. С учетом опасности преступного сообщества (преступной организации), создание такого рода объединения, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий

для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, равно как руководство ими, признается в соответствии со ст.231 УК КР самостоятельным оконченным преступлением.

Целевое предназначение в характеристике преступного сообщества (преступной организации) является наиболее важным отличительным признаком, позволяющим достаточно четко отграничить данное преступное образование от других разновидностей преступных деяний.

Устойчивость как характеристика преступной организации означает длительный характер преступных связей между ее участниками. Этот признак свидетельствует о том, что соучастники сорганизовались для занятия преступной деятельностью как своего рода промыслом. В случае совершения захвата заложников преступным сообществом данные преступные деяния должны охватываться единым умыслом организатора или руководителем сообщества и его членов, поэтому они могут быть вменены каждому из них. Все участники преступного сообщества несут ответственность как соисполнители независимо от фактически выполняемой роли, без ссылки на ст.30 УК КР. Таким образом, захват заложников, совершенный сплоченным преступным сообществом (преступной организацией), необходимо квалифицировать по соответствующей части ст.231 УК КР, и по ч.3 ст.227 УК КР без ссылки на ст.30 УК КР.

Захват заложников повлекший, по неосторожности смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью, либо иные тяжкие последствия

В ч.3 ст.227 УК КР предусмотрена ответственность за захват заложников, повлекший по неосторожности смерть человека или причинения тяжкого вреда здоровью, либо иные тяжкие последствия. В качестве обязательного признака захвата заложников, квалифицируемого по ч.3 ст.227 УК КР, законодателем предусмотрено наступление тяжких последствий.

Включение в законодательную конструкцию состава захвата заложников вышеуказанных последствий свидетельствует о том, что захват заложников, повлекший по неосторожности смерть человека, или причинения тяжкого вреда

здоровью либо иные тяжкие последствия, является материальным составом и для его наличия необходимо наступление именно этих последствий. В описанном случае речь идет о так называемом сложном составном преступлении, фактически состоящем из двух самостоятельных преступлений, которые в совокупности образуют качественно новое, более опасное преступление. Так, Н.А. Стручков подчеркивает, что юридическая природа таких преступлений заключается в том, что они объединяют действия, имеющие разные объекты посягательства и направленность [127, с. 36].

При наступлении тяжких последствий человеку может быть причинен различный вред здоровью, вплоть до причинения смерти по неосторожности. Соответственно, здесь дополнительным обязательным непосредственным объектом данного преступления, наряду с физической свободой, является жизнь и здоровье человека.

Таким образом, опираясь на действующее законодательство и существующую практику, к тяжким последствиям при захвате заложников, помимо смерти человека, можно отнести: причинение двум или более лицам смерти или тяжкого вреда здоровью; причинение менее тяжкого вреда здоровью многим лицам; возникновение международных конфликтов, массовых беспорядков, массового неповиновения в местах лишения свободы; остановку на продолжительное время работы предприятий, учреждений, транспорта; радиоактивное, химическое или бактериологическое заражение; причинение крупного материального ущерба. При этом обязательным условием для квалификации по ч.3 ст.227 УК КР является установление наличия причинной связи между захватом заложников и произошедшими тяжкими последствиями, такие тяжкие последствия должны быть причинены именно по неосторожности.

Для уточнения квалификации захвата заложников, повлекшим по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, в первую очередь, необходимо установить, что виновный располагал достаточно ясным умыслом как по отношению к захвату и удержанию лица в качестве заложника,

так и к наступившим тяжким последствиям. Так, при захвате заложников содеянное должно выражаться в прямом умысле, а к тяжким последствиям по неосторожности. Однако при захвате заложников, как показывает практика, зачастую в качестве последствий можно встретить умышленное причинение смерти одному или нескольким лицам. Причем, чаще всего, умысел на убийство созревает у потенциальных преступников еще до начала выполнения объективной стороны захвата заложников. В подобных случаях данное преступное деяние будет квалифицировано по п.11 ч.2 ст.97 УК КР как убийство, сопряженное с похищением человека, либо с захватом заложников и дополнительной квалификации по ст.227 УК КР не требуется.

В свое время Н.И. Загородников подметил: «Умышленное убийство настолько специфическое, тяжкое и юридическое определенное деяние, что при квалификации оно обязательно должно быть отражено применительно к правилам совокупности преступлений» [128, с. 132].

При захвате заложников, причинение смерти по неосторожности (например, безразличное отношение к смерти заложника) предполагает легкомысленное отношение виновного к этому последствию, либо небрежность, когда преступник не предвидит, но должен и мог предвидеть что из-за его действий может наступить смерть заложника. При захвате заложников виновный предвидит возможность наступления смерти человека или иных тяжких последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение наступления последствий. Лицу, совершающему захват заложников, квалифицируемый по ч.3 ст.227 УК КР, характерно то, что его умыслом не охватывается причинение смерти и тяжких последствий заложнику. Психическое отношение лица к причинению смерти или тяжкого вреда здоровью, либо иным тяжким последствиям при захвате заложников выражается в двух видах неосторожности – это в виде легкомыслия либо небрежности.

Так, по мнению М.И. Ковалева, иными последствиями захвата заложника являются причинение тяжкого вреда здоровью, значительный ущерб, грубое

нарушение общественного движения транспорта, создавшего опасность аварий, авиационных катастроф, панику среди населения [129, с. 376].

Как считает Г.В. Овчинникова, тяжкие последствия «должны соответствовать содержанию объекта терроризма, т.е. нарушать общественную безопасность, ...они по тяжести должны быть адекватными гибели людей» [130, с. 27]. Например, по предположению В.С. Комиссарова, телесные повреждения средней тяжести следует считать тяжкими последствиями захвата заложников, терроризма и т.д. В свою очередь А.Е. Беляева к тяжким последствиям относит лишь тяжкий вред потерпевших [131, с. 335].

Иные тяжкие последствия являются оценочным признаком захвата заложников, поэтому признание каких-либо последствий при захвате заложников тяжкими, осуществляется судом индивидуально, в каждом конкретном случае. При этом необходимо, чтобы между наступившими последствиями и совершенным захватом заложников была установлена причинная связь.

В данном случае речь должна в первую очередь идти о жизни и здоровье человека, а также причинении значительного материального ущерба. Так, Ю.М.Гущин относит к тяжким последствиям: самоубийство лица, захваченного или удерживаемого в качестве заложника, отчаявшегося быть освобожденным или не выдержавшего условий его содержания, либо когда заложник смертельно ранен или травмирован при неудачной попытке бегства. По мнению выше указанного автора, практика идет по пути признания тяжкими последствиями также причинение значительного имущественного ущерба как лицу, захваченному или удерживаемому в качестве заложника, так и иным лицам, организациям либо государству.

Причинение умышленного или по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека в процессе захвата или удержания заложников. В данном случае законодатель прямо указывает ч.1 ст.104 УК КР - к таким последствиям относятся: потеря зрения, речи, слуха, или какого-либо органа, либо утрата

органом его функций, психическая болезнь или иное расстройство здоровья, вызванное прерыванием беременности, обезображивание лица, и др.

Проанализировав квалифицирующие признаки захвата заложников, можно сделать следующий вывод: во-первых, данные квалифицированные признаки позволяют более дифференцированно подходить к назначению наказания за совершения данного преступления; во-вторых, способствует более полному соблюдению принципов уголовного права и достижению целей наказания. Таким образом, для квалификации по ч.3 ст.227 УК КР необходимо наличие установления причинной связи между захватом или удержанием заложников и последовавшими тяжкими последствиями и наступлением смерти заложника, все данные последствия должны быть причинены по неосторожности.

В рамках настоящего параграфа мы считаем, целесообразным и необходимым проанализировать примечание к ст.227 УК КР. В соответствии с примечанием: «Лицо, добровольно освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержатся иного состава преступления». Данное примечание содержит в себе поощрительную норму, регламентирующую деятельное раскаяние лица при совершении захвата заложников. В этой норме, содержится специальное основание для освобождения виновного лица от уголовной ответственности, несомненно, это важно для противодействия захвату заложников.

Однако ряд ученых высказывают мнение о недостатках такого примечания. Так, А.А. Казарьянц [132, с. 16, 29, 142] в своем исследовании захвата заложников утверждает, что аналогичное примечание в российском законодательстве необходимо исключить, так как оно является одним из криминогенных факторов, детерминирующих захват заложников. Такого же мнения П. Скобликов [133, с. 53] он, также утверждает, что данное обстоятельство может привести к «специализации» преступника, т.е. он будет неоднократно совершать захват заложников или похищение человека, достигая

своих конечных преступных целей, но будет избегать уголовной ответственности в силу действующего примечания.

В свою очередь В.А. Осипов обосновывает и подчеркивает положительную роль данного примечания тем, что у должностных лиц правоохранительных органов имеются юридическое основание обещать виновным, не осуществлять уголовного преследования в случае освобождения заложников. Этой же позиции придерживается В.С. Комиссаров [134, с. 20], но при этом как он утверждает должны быть выполнены следующие условия; 1) освобождение заложника виновным (при этом законодатель не предусматривает разницы, был ли заложник освобожден добровольно или по требованию властей); 2) отсутствие в действиях лица иного состава преступления. В случае выполнения виновным лицом этих условий по смыслу примечания, оно полностью должно быть освобождено от уголовной ответственности. В тех же случаях, когда в действиях виновного имеются признаки других составов преступлений, сопряженных с захватом заложников, например, убийством, изнасилованием, захватом воздушного или водного судна с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, наркотических средств, лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности, даже если оно освободило заложников.

Мы согласны с позицией некоторых авторов, которые утверждают, что примечание к ст.227 УК КР выступает в качестве законных гарантий, предоставляемых преступнику в том случае, если он освободит заложников. Также закон послужит сдерживающим фактором от применения различных насильственных действий в отношении заложника виновным, что, в конечном счете, должно способствовать сохранению жизни и освобождению заложника.

Однако надо учесть то обстоятельство, что захват заложников является формальным составом преступления, т.е., данное деяние считается оконченным с момента фактического захвата и удержания лица в качестве заложника.

1.4 Вопросы отграничения захвата заложников от смежных составов преступлений

В теории квалификации преступлений принципиально важна правильная и точная квалификация преступления. Имеет она к тому же не только теоретическую, но и практическую значимость. Это необходимо, во-первых, для исключения следственных и судебных ошибок, и, во-вторых, для осуществления справедливого и полного соблюдения принципов уголовного права, а также достижения целей наказания.

В уголовном законе КР содержится ряд составов преступлений, смежных по тем или иным признакам с захватом заложников. Большие трудности на практике возникают при отграничении захвата заложников от похищения человека, незаконного лишения свободы и терроризма. В особенности наибольшее количество совпадающих признаков состава захвата заложников наблюдается с похищением человека.

По данным В.А. Осипова, 30% уголовных дел, возбужденных по признакам захват заложников, в суде переквалифицируются как похищение человека. Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов, С. Сауляк и Н.Э. Мартыненко отмечают, что «составы преступлений похищения людей и захват заложников, а также незаконное лишение свободы практически не поддаются точному отграничению одного от другого, что вызвано недостаточно определенными формулировками признаков этих преступлений в диспозициях составах преступлений» [135, с. 43-46].

Квалификация любого уголовно-правового деяния с юридической точки зрения необходимо разграничивать только по элементам состава преступления, так как именно они в соответствии со ст.4 УК КР отвечают положению о том, что «основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом». Здесь нам необходимо проанализировать данные виды составов преступлений. В соответствии с

диспозицией ст.123 УК КР: «Похищение лица помимо его воли, сопровождаемое перемещением с места его постоянного или временного пребывания с последующим удержанием в месте, отличном от его местопребывания, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст.227 УК КР, настоящего Кодекса совершенное путем захвата, обмана либо иным способом или с применением насилия, не опасного для жизни здоровья».

В юридической литературе под похищением человека понимается «завладение человеком вопреки его воле, вследствие которого он попадает в распоряжение похитителей с последующим перемещением и удержанием его в другом месте» [136, с. 264]. Это преступление может быть совершено тайно, или открыто, путем захвата, обмана, удержания или иным способом.

Объективная сторона похищения человека выражается в трех основных последовательных действиях: 1) захвате потерпевшего, 2) перемещении из микросреды, 3) последующем удержании в определенном месте. В свою очередь, объективная сторона захвата заложников состоит в захвате и удержании лица в качестве заложника, а также выдвижении специальных условий для его освобождения. Таким образом, объективная сторона захвата заложников и похищения человека почти идентичны, что создает определенные трудности при квалификации данных преступлений.

Объективно захват и похищение человека заключаются в насильственном или ненасильственном завладении человеком, изъятием его из микросреды, последующим перемещением, а также лишении или ограничении свободы. Однако при захвате заложников потерпевшие могут удерживаться на том же месте, где они были захвачены, например, (в транспортном средстве, осуществляющим их перевозку), что исключается при похищениях, предусматривающих обязательное перемещение потерпевших для насильственного удержания в ином месте. Фактически, захват заложников является разновидностью похищения человека и незаконного лишения свободы, на что справедливо обращает внимание В.С. Комиссаров. Что же касается незаконного лишения свободы, хотя оно и предполагает

насильственное удержание потерпевшего, но только в месте его постоянного или временного нахождения, например (в его собственном доме, по месту работы, в автомашине). Это имел в виду и законодатель, когда сформулировал диспозицию ст.125 УК КР: «Ограничение свободы перемещения лица с насильственным его удержанием при отсутствии признаков должностного преступления».

С объективной стороны, данное преступление состоит из одного действия – насильственного удержания человека в каком-либо месте, т.е. ограничении его свободы передвижения, к тому же при незаконном лишении свободы, в отличие от похищения человека, «потерпевший не изымается из места его соответствующего нахождения» [137, с. 177].

Незаконное лишение свободы человека, в отличие от похищения, осуществляется без перемещения человека вопреки его воле из одного места в другое. Удержание человека в каком-либо месте и ограничение его свободы может осуществляться различными способами, например, путем водворения потерпевшего в помещение, запираания, связывания. Период времени незаконного лишения свободы потерпевшего не влияет на квалификацию данного деяния. Общим для всех этих составов является ограничение свободы передвижения потерпевшего, иногда даже в пределах помещения, где он содержится, путем связывания, приковывания к неподвижным предметам или иным способом, и лишение его возможности свободно общаться с другими лицами, а если это допускается, то только с разрешения преступников или по их указанию.

В первую очередь, захват заложников отличается от незаконного лишения свободы и похищения человека по объекту преступления. Непосредственным основным объектом похищения человека и незаконного лишения свободы выступает личная (физическая) свобода человека, поэтому при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.123, 125 УК КР, в первую очередь причиняется вред личности, а с ней неизбежно и общественным отношениям, обеспечивающим физическую свободу человека.

Именно по этой причине законодатель поместил данные составы преступлений в раздел 7 «Преступления против личности» и гл.17 УК КР «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», а при захвате заложников основным и непосредственным объектом преступления является общественная безопасность, а дополнительным объектом – общественные отношения, обеспечивающие свободу человека. Законодатель, устанавливая уголовную ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы, стремится защитить свободу отдельных лиц, против которых совершается данные деяния, а при захвате заложников вред причиняется неопределенному кругу лиц, нарушаются нормальные условия жизнедеятельности общества.

Захват заложников имеет ряд идентичных признаков с таким составом преступления, как терроризм. Захват заложников на протяжении ряда лет наряду с такими преступными деяниями, как незаконный захват и использование ядерных материалов, пиратство, рассматривался в международном праве в качестве разновидности международного терроризма [38, с. 32]. В настоящее время не только ученые [139, с. 58], но и законодатель относят захват заложников к криминологической группе террористических преступлений.

В ч.1 ст.226 УК КР закреплено: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно-опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях....»

Исходя из диспозиции указанной статьи, можно сделать вывод, что захват заложников может подпадать под признаки терроризма – совершение иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступление иных общественно опасных

последствий, если эти действия совершены в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти. Поэтому, терроризм является общей нормой по отношению к захвату заложников в качестве специальной нормы.

Следовательно, когда захват заложников подпадает одновременно под признаки терроризма, в соответствии с общим учением о составе преступления следует применять специальную норму [140, с. 59-60, 132, 243-244], а именно захвата заложников. Основным непосредственным объектом терроризма, как и захвата заложников, являются общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности, кроме того, при захвате заложников дополнительным, основным непосредственным объектом является физическая личная свобода человека, а также общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровье человека.

Основные отличия терроризма от захвата заложников определяются по признакам объективной стороны: при захвате заложников объективная сторона состоит в осуществлении захвата, удержании лица в качестве заложников и выдвижении определенных требований, а при терроризме – главным образом в совершении взрыва, поджога и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинении значительного имущественного ущерба, либо наступлении иных общественно-опасных последствий или угрозе совершения этих действий.

Обязательным признаком субъективной стороны, как терроризма, так и захвата заложников является специальная цель. Основная цель терроризма – устрашение, нарушение общественной безопасности, оказание давления и воздействие на принятие решений органами власти. Захват заложников является частным случаем терроризма, и для точной квалификации необходимо исходить из совокупности всех признаков, характеризующих состав преступления. Вышеизложенное позволяет утверждать, что захват заложников по некоторым своим объективным и субъективным признакам сходен с рядом составов преступлений, что создает определенные трудности при квалификации данных деяний.

На основе исследований мы пришли к выводу, что основными критериями отграничения захвата заложников от смежных составов преступлений являются: а) объект посягательства; б) объективная сторона захвата заложников, обязательными признаками которых являются публичность и демонстративность, необходимые для преднамеренного создания обстановки страха, напряжения, неуверенности у населения, необходимого для оказания давления на органы власти, должностных лиц или отдельных граждан; в) субъективная сторона характеризуется специальной целью, выражающейся в предъявлении требований третьей стороне. Мы полагаем, для устранения ошибок при квалификации преступлений, целесообразно будет дать развернутое законодательное определение захвату заложников, которое исключит неточности при квалификации этого деяния.

ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

2.1 Анализ состояния и тенденции захвата заложников, а также смежных составов преступлений

Общественно-политическая нестабильность в Кыргызстане, спровоцированная очередной сменой власти, повлияла на повышение степени криминальной активности у некоторой части населения республики. Вследствие этих факторов в стране сложилась сложная криминальная ситуация. Опираясь на официальные данные уголовной статистики, можно констатировать повышение уровня общей преступности на 6,8% (см. таблицу №1).

Трагические события, произошедшие на юге страны в июне прошлого года, были связаны с эскалацией национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Все это произошло, безусловно, по причине сложной социально-политической обстановки в стране. Массовые беспорядки с участием тысяч людей, вылились в острый межэтнический конфликт, который закончился кровопролитием. Трагедия оказала негативное воздействие на состоянии общественной безопасности, что тем временем ускорило рост таких преступлений; как терроризм, массовые убийства, похищения людей и захватов заложников. Этому свидетельствуют данные официальной уголовной статистики о тенденции роста доли преступлений против общественной безопасности и правопорядка на 2,2% из общей структуры преступности (см. диаграммы №№1.1, и 1.2).

Динамика зарегистрированных случаев терроризма выглядит следующим образом в 2005 г. – 2, 2006 г. – 7, 2007 г. – 3, 2008 г. – 1, 2009 г. – 1, 2010 г. – 8 (см. диаграмму №1.3). А вот динамика захвата заложников выглядит следующим образом: в 1999 г. – 1, 2000 г. – 2, 2001 г. – 2, 2002 г. – 3, 2003 г. – 2, 2004 г. – 1, 2005 г. – 2, и с 2006-2009 гг. ни одного зарегистрированного случая

захвата заложников не было выявлено, и только в 2010 г. – 4, в 2011- 3. (см. диаграмма № 1.4).

Объяснение данных обстоятельств можно считать логичным. После событий 2005 года, когда в стране произошли политические изменения, произошли изменения и в правоохранительных органах. Именно беспрецедентная мобилизация и усиление деятельности правоохранительных органов в целях обеспечения общественной безопасности и порядка, связанными в большей степени с проводившимся на тот период времени митингами оппозиционных сил страны, позволили сократить общий уровень преступности.

В таблице №1.2 представлены данные сравнительного анализа показателей по захвату заложников, а также смежных составов преступлений, таких как терроризм, похищение человека и незаконное лишение свободы. Исследование ряда материалов по уголовным делам, связанных с захватом заложников еще раз продемонстрировали, что целями совершения данных преступлений чаще всего являются следующие мотивы: 65,6% - различные политические требования, с целью получения выкупа – 18,5%, побег из мест лишения свободы – 6,3, с целью скрыться с места совершения преступления – 5,5%, и иные требования – 4,1%.

По итогам исследования судебно-следственной практики установлено, что при захвате заложников преступниками практически всегда причиняется физическое или психическое насилие. Преступники предпочитают использовать различные угрозы в попытках сломить сопротивление заложника, в их корыстные планы также входит убеждение третьей стороны о серьезности своих намерений. Также исследования подтверждают и другую важную цифру: 76% случаев захвата заложников подкрепляются насилием и причинением вреда разной степени тяжести, а иногда и убийством заложника.

Вернемся к кровавым событиям 2010 года в городе Ош. 12 июня 2010 года в г. Ош микрорайоне «Черемушки» были похищены два человека. После долгих переговоров с представителями узбекской диаспоры заложников были

отпущены на свободу. В ходе проведения спецоперации сотрудниками ГКНБ КР, совместно со спецназом «Альфа» был задержан местный лидер преступной группы по кличке «Аваз – каратист» [141]. Задержанный вместе со своими сообщниками занимался захватом заложников с целью получения выкупа или обмена. При обыске этих людей были изъяты 3 гранаты Ф-1 с запалами, 2 автомата АК-74 с двумя магазинами, 73 патрона калибра 5,45 мм, 2 комплекта камуфляжной формы, 2 меча и 4 кинжала [142].

В качестве аналогичного примера можно привести случай, произошедший 9 июля 2002 года. В этот день, ближе к 17 часам по адресу пер. Кенкол – 5/А, кв. №15 некий Никонов Н.В. взял в заложники гражданку Зубкову Е.. Последний, приставив нож к горлу женщины и угрожая убийством, потребовал от сотрудников правоохранительных органов дать ему наркотическое средство (героин) для личного употребления. Усилиями милиционеров заложница была благополучно освобождена, а преступник задержан и обезврежен. Что касается мест совершения захвата заложников, то преступление может быть совершено в любом месте: в квартире, частном доме, на улице, в различных государственных учреждениях, организациях, посольствах, в автобусе и автомобиле, на воздушном или морском судне и т.д.

Преступники предпочитают выбирать замкнутые пространства для последующего более удобного удержания заложников. Диссертантом установлено, что 82,2% захвата заложников совершается в дневное время - с 9 до 17 часов, вероятно, это связано с публичностью и ультимативностью данного деяния, необходимого для предъявления условий и требований для освобождения заложников.

Уровень латентности рассматриваемого преступления крайне низок в отличие от похищения человека и незаконного лишения свободы. Данное положение, прежде всего, обусловлено высокой степенью общественной опасности объектом посягательства и большим общественным резонансом, который вызывается совершением данного преступления. Как гласят данные исследования, в 87,6 случаях захват заложников совершается с применения

оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ или иных предметов, используемых в качестве оружия.

В качестве примера из практики можно рассказать о захвате заложников, произошедшем 29 сентября 2010 года в Аламединском районе Чуйской области. Некий Т. Сураганов в маске, вооружившись револьвером и надев пояс с проводами, имитируя при этом взрывное устройство, приставил оружие водителю Т. Масадыкову маршрутного автобуса №8 с пассажирами в количестве 15 человек. Требованием преступника было следование автобуса к дому правительства в городе Бишкек для предъявления своих требований [143, № 58-10-618]. При задержании органами внутренних дел, Сураганов оказал ярое сопротивление и даже ранил одного сотрудника МВД. Пример еще раз наглядно доказывает, что захват заложника характерен, прежде всего, высокой степенью общественной опасности, так в большинстве случаев сопряжен с применением оружия и физического насилия.

Распознать потенциальную жертву захвата практически невозможно, так как он может быть произведен на конкретную личность, к примеру, в отношении лица, находящегося под международной защитой, так и случайно попавшихся на пути людей, тех же пассажиров воздушного судна. В итоге это сильно затрудняет осуществление и проведение виктимологической профилактики. Однако все-таки существуют так называемые «виктимные места», где есть вероятность совершения кем-либо захвата или удержания заложника. К ним относятся места лишения свободы и заключения под стражу, воздушные или водные суда, и, в-третьих, места массового скопления людей как аэропорт гражданской авиации и т.д.

В связи с этим мы считаем, что есть необходимость осуществлять профилактическую деятельность с использованием оперативно-розыскных мероприятий на стадии готовящихся захватов заложников (например, усиление охраны и досмотра на наличие обнаружения запрещенных к обороту предметов как оружия или взрывчатых веществ в указанных местах).

Как нами было сказано выше, 18,5% из общей доли всех требований

преступников носят политический характер. Так, 8 августа жителями села Аксы Жалал-Абадской области в заложники были захвачены 6 сотрудников районного отделения милиции [144, №82-02-0908]. Основным требованием захватчиков было прекращение политических «репрессий» в отношении оппозиционеров. После поэтапных переговоров между захватчиками и представителями власти заложники были освобождены.

1999 год для нашей суверенной страны ознаменовался вторжением международных незаконных бандформирований религиозно - экстремисткой организации Исламское Движение Узбекистана (ИДУ) на территорию Кыргызстана (Баткенский район) со стороны территории Таджикистана. Боевики пришли с северо-восточных лагерей, в которых они прошли подготовку профессиональных боевиков. Отряды боевиков немалой численностью до 400 (500) человек осуществили захват нескольких высокогорных сел, взяли в заложники командующего внутренними войсками генерал – майора Шамкеева, нескольких сотрудников МВД и 4-х японских геологов. Суть их требования заключалась в освобождении из мест лишения свободы Узбекистана нескольких тысяч своих единомышленников и признания ИДУ официальной оппозицией режиму президенту И.А. Каримова.

В ходе проведения контртеррористической операции сотрудниками Службы национальной безопасности и военными Кыргызской Республики заложники были благополучно освобождены. Также в результате этой операции были задержаны двое граждан Республики Узбекистан, а именно Г.Х. Рисхиев и Х. Раимов, которые являлись членами (ИДУ) и находились в составе вооруженного формирования. В период с августа по ноябрь 1999 года, выполняя роль связистов и имея при себе автомат АК-74 с боевыми патронами, совместно с другими членами незаконного вооруженного формирования захватили заложников в количестве 24 человека на территории Ошской области, Баткенского и Чон-Алайского районов. За освобождение заложников, которые состояли из числа граждан Кыргызской Республики и иностранных граждан, должностных лиц, военнослужащих, террористы потребовали

обеспечить им беспрепятственный проход на территорию Республики Узбекистан с целью свержения существующего конституционного строя [145, №082-03-0033, №3-03-2157, №55-02-1904].

2002 год был омрачен повторным вторжением отрядов боевиков ИДУ численностью до 700 (800) человек на территорию Кыргызстана и Узбекистана. В этот раз в заложники были взяты 4 американских альпиниста [146, www.antiteror.ru. /expabroad/]. После длительных переговоров стороны, наконец, пришли к единодушию, и заложники были освобождены.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод, что высокая доля, а именно 65,6% совершения захватов и похищений людей приходится на корыстные побуждения. Так, например, 16 октября 2001 года было возбуждено уголовное дело по факту похищения неизвестными лицами восьмилетнего Хасана Астамирова.

Тем временем, расследованию удалось установить, что действуя организованной группой и предварительно договорившись, некие Жафаров, Носкова, Козаченко и Токтонаев, разработали план действий и распределили между собой роли. 12 октября 2001 года М. Астамиров, согласно плану преступной четверки, был похищен. Несовершеннолетний находился в плену четыре дня. Все это время от родителей Астамирова преступники требовали выкуп в размере 150000 долларов США, в противном случае в отношении мальчика было обещано применение насилия. [147, № 82-90702, № 82-01-0072].

Суд, вынося приговор по этому судебному делу, переквалифицировал обвинение в части ст. 227 ч.2 п.8 захват заложников из корыстных побуждений или по найму на ст.123 УК КР похищение человека, что подтверждает позицию В.А. Осипова, о том, что 30% уголовных дел, возбужденных по признакам захвата заложников в суде переквалифицируются на похищение человека.

Нередкими бывают случаи совершения захвата с целью скрыться с места преступления. Так, 22 января 2003 года на автостоянке в микрорайоне Асанбай в ходе спецоперации по поимке А. Базакеева, К. Омуркулова и Э. Мамбетова с

целью уйти от задержания и уголовной ответственности, данные лица, угрожая гранатой РГД-5, захватили в качестве заложника охранника стоянки Т. Асанбекова. Последний насильно удерживался преступниками в автомашине, тем самым, это обстоятельство вынудило сотрудников уголовного розыска воздержаться от активных действий по их задержанию. Выехав со стоянки, преступники высадили Т. Асанбекова и, не причинив ему вреда, скрылись в неизвестном направлении.

В ходе изучения материалов уголовных дел, связанных с захватом заложников была выявлена доля совершения данных деяний лицами с психическими патологиями - она составляет около 9%.

В подтверждение этому случай, который произошел 20 сентября 2003 года в городе Бишкек в районе пресечения улиц Кольбаева и Чолпон-Атинская. Некий П.А.Соркин остановил маршрутный микроавтобус и, зайдя в салон, продемонстрировал закройные сапожные ножи и объявил пассажиров заложниками. О водителя Соркин потребовал следовать на площадь Ала-Тоо, сопровождая требования угрозами убить всех и, в том числе себя, если водитель не будет ему подчиняться. Водитель Т.Ш. Мамыралиев отказался выполнить требование и, пригрозив, что вызовет милицию, намеревался выйти из автобуса. В этот момент Соркин нанес ему удар в область спины. Впоследствии заложники были освобождены, а П.А. Сорокина суд признал психически невменяемым.

Тем не менее, захваты заложников совершаются не одними лишь психически больными людьми, но также лицами, проходящими службу в вооруженных силах. Рядовые солдаты срочной службы войсковой части № 76354 Т. Хасанов и Э.Мухамеджанов самовольно оставили часть и захватили в заложницы продавщицу продуктового магазина М. Абылчиеву, применив при этом автомат АК-74 [148, № 81-28567]. Прибывшим сотрудникам милиции военнослужащие предъявили требование о переводе их в другую воинскую часть и встречи с военным прокурором. Предъявленные условия частично были выполнены, заложница освобождена, а солдаты задержаны. Однако в практике нередки

случаи захвата с требованием выплаты долга. Так, например 12 февраля 2000 года житель с. Байгончок Акталинского района Нарынской области А. Оторов, вооружившись кухонным ножом, захватил и удерживал в качестве заложника гражданку К. Татыеву с требованием выплатить его долг [149, №21-00-0212]. В ходе проведения переговоров сотрудниками органов внутренних дел А. Оторов добровольно освободил заложника и сдался.

Хотелось бы отметить следующее: анализируя отдельные уголовные дела, проводя интервьюирование и анкетирование среди сотрудников правоохранительных органов, можно в достаточной степени выявить основные закономерности и внутренние взаимосвязи факторов, а также тенденцию и динамику захвата заложников на ближайшее время. Для получения репрезентативного материала, изучение проводилось с использованием широкого спектра методики криминологических исследований, в частности, таких методов как изучение статистических данных не только захвата заложников, но и смежных составов преступлений, экспертных оценок, моделировании, контент – анализа периодической печати и специальной литературы, а также использование эмпирического материала других авторов исследовавших захват заложников.

При исследовании было установлено, что характерной закономерностью захвата заложников в Кыргызской Республике является совершение данных деяний в совокупности с другими тяжкими преступлениями как: терроризм, бандитизм, создание или участие в незаконных вооруженных формированиях, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также с проявлениями религиозного экстремизма и сепаратизма, что соответственно, повышает степень опасности данного преступления.

Это также вызывает серьезную угрозу общественной безопасности в республике. Решая проблему предотвращения захвата заложников, мы попутно осуществляем двойную превенцию в отношении тех преступлений, которые могут привести к совершению более тяжких деяний.

Таким образом, анализ состояния и динамики преступлений, связанных с захватом заложников позволяет сделать следующий вывод: захват заложников в

Кыргызской Республике имеет широкий круг мотивов и целей совершения данного преступления, они могут быть самыми разнообразными, начиная от выдвижения политических требований до бытовых и общеуголовных преступлений. На динамику данного деяния в большей степени оказывают воздействие политические факторы, межрегиональные и межнациональные конфликты, а также экстремизм и сепаратизм, проявление которых имеет место в республике.

2.2 Криминогенные детерминанты, способствующие совершению захвата заложников

Наиболее общей категорией, которой характеризуется происхождение любых, явлений и процессов, является детерминация. Детерминация – это объективно существующая зависимость явлений, процессов и состояний [150, с. 99, 124, 164, 167].

В криминологической и специальной литературе существуют различные методологические подходы к исследованию и решению проблем криминогенных детерминант преступности [151, с. 72, 73, 156]. Так, В.Н.Кудрявцев под причинностью понимает «объективно существующую связь, зависимость между двумя или несколькими явлениями, при которой одно из них (причина) порождает другие (следствие)» [152, с. 122, 123, 126, 152, 264, 271]. По мнению Е.И. Каиржанова: «Тысячами нитей каждое явление, существующее вокруг нас, связано с огромным миром, образуя в итоге единый процесс всеобщей универсальной связи и взаимозависимости» [153, с.43, 143, 146].

Явления и процессы, порождающие преступления и способствующие их совершению, выступают одной из важнейших составляющих криминологической характеристики преступности [154, с. 24]. Причинность одна из самых сложных и центральных проблем в криминологии [155, с. 157].

Большинство исследователей под причинами преступности понимают явления, порождающие преступность как свое следствие [156, с. 59-69].

Однако причина создает возможность определенного следствия, для наступления которого необходимо еще и условие [157, с. 192, 333-342]. Условие – это «явление или процесс, которые сами не могут породить непосредственно данное следствие, но, сопутствуя причинам в пространстве и во времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия» [158, с. 65]. Под условиями преступности следует понимать, как правило, явления, не порождающие преступность как свое следствие, но способствующие и обуславливающие ее возникновение и существование.

В криминологической литературе предлагаются различные классификации причин и условий преступности. Но большинство ученых сходятся во мнении, что при этом необходимо использование многоуровневого подхода при классификации криминогенных детерминант, в связи, с чем причины и условия дифференцируются на:

- преступности в целом (общий уровень);
- видам преступности или преступлений (отдельный или групповой уровень);
- конкретному преступлению (единичный или индивидуальный уровень).

Можно говорить о многочисленных условиях, движение которых приводит к тому, что определенное условие или совокупность условий, оказывая своеобразное стимулирующее воздействие, порождают новые явления и становятся их причинами, а также причинами преступлений [159, с. 173].

В криминологической литературе и на практике широко применяется термин «фактор преступности». Одни исследователи понимают под данным термином «условия, способствующие совершению преступлений, или обстоятельства, влияющие на преступность» [160, с. 208], другие – отмечают, что понятием «криминогенные факторы» охватываются причины и условия, а третьи - «детерминанты преступности» [161, с. 58].

В нашем исследовании, применительно к захвату заложников, под факторами будут пониматься явления и процессы, порождающие данное преступление или способствующие его совершению. Факторы преступности в связи с их многочисленностью, целесообразно, на наш взгляд, рассматривать не изолированно, а объединив в группы – так называемые факторные комплексы.

В этой связи можно выделить наиболее важные факторные комплексы: политический, экономический, социальный, организационный, правовой, психологический, медицинский и технический, которые тем или иным образом влияют на явления и процессы, происходящие в обществе, а также, соответственно, на преступность в целом и в частности на захват заложников.

Каждый из факторных комплексов оказывает воздействие как на преступность в целом, так и на отдельные виды преступлений, в частности на захват заложников. Исходя из этого, можно выделить три уровня факторных комплексов, негативно воздействующих на захват заложников:

- 1) общий;
- 2) специальный;
- 3) непосредственный.

К общему уровню факторных комплексов относятся явления и процессы, происходящие в целом в обществе, например, экономический фактор (противоречия между экономическими потребностями и возможностями общества, социальных групп индивидуумов, резкое расслоение населения по уровню доходов, безработица, инфляция, ошибки в стратегии и практике проведения экономических реформ). Так как захват заложников является одним из проявлений терроризма, мы полагаем, что целесообразно будет рассмотреть криминогенные детерминанты, способствующие совершению захвата заложников в совокупности с факторами, детерминирующими терроризм.

По мнению М.В. Назаркина, детерминация терроризма носит очень сложный и многоуровневый характер. Факторы детерминации терроризма, по его мнению, делятся на три основные группы: 1) глубинные; 2) базовые; 3) текущие [162, с. 77-79, 166].

Первая группа факторов в свою очередь подразделяется на исторические, этнокультурные, конфессиональные и иные характеристики подобного рода, существенным образом влияющие на терроризм.

Данная группа, как указывает М.В. Назаркин, «довольно стабильная, во всяком случае, действующая на протяжении длительного отрезка времени, как правило, немногочисленная и практически не поддающаяся искусственному воздействию группа фундаментальных, в определенном смысле «вечных» детерминант, включающих в себя ряд криминогенных факторов, непрерывно действующих генераторов экстремизма. Они существуют практически автономно, и при наличии стабильной социально-экономической и политической обстановки в стране, эти причины затушевываются и принимают характер “тлеющих очагов”, готовых, однако, в любой момент вызвать пожар. Как правило, данные детерминанты, проявляются при возникновении каких-либо так называемых “благоприятных условий” (политические кризисы, экономические и социальные потрясения и т.п.), это вторая группа детерминант. В третью группу криминогенных детерминант входят многочисленные причины непосредственной детерминации терроризма, являющихся “текущими”, постоянно меняющимися неразрывно связанными, вытекающими из причин второго уровня, поскольку являются производными от них».

В.В. Устинов указывает на то, что проведенный М.В. Назаркиным анализ так называемых «глубинных причин» не отражает непосредственно природу террористического насилия и представляется неконструктивным. То, что он называет «глубинными причинами терроризма», можно объединить под единым понятием «культура социума», поскольку они выражают генетическую предрасположенность социума к насильственной форме разрешения конфликтов вообще и терроризму как к ее конкретному проявлению в частности [163, с. 59, 64, 486]. Толчком к конкретным действиями аналогичной предрасположенности служат объективные факторы – комплекс социально-политических явлений в жизни общества.

В.В. Устинов, исследуя терроризм с точки зрения причин его возникновения, утверждает, что различные экономические, психологические, политические и социальные факторы обычно в изобилии приводятся в качестве таких причин, однако, выражаясь словами Д. Лодж, они «дают благовидные объяснения или рационализацию террористической деятельности, но они имеют малую предсказательную ценность для определения того, когда случится следующая террористическая атака и на какие цели – людей и институты – она будет направлена в определенном государстве. Так же они мало способствуют борьбе с терроризмом» [164, с. 5-6]. В.В. Устинов, пытаясь определить основные причины терроризма, выделяет три взаимосвязанных фактора:

- наличие определенных (возможных, частично оправданных и обоснованных) властных устремлений у отдельных лиц, группы лиц или организаций, когда данные устремления вступают в конфликт с интересами существования и самосохранения государства;
- экстремистская идеология данного лица, группы лиц или организации в сочетании с отрицанием всяких норм морали и права, препятствующих реализации соответствующих устремлений;
- сознательный выбор террористического насилия для массовой пропаганды своих устремлений и как наиболее эффективного оружия в борьбе за власть с оппонентом – государством.

Ю.М. Антонян к числу причин современного терроризма относит:

- 1) нерешенность социальных, а также национальных и религиозных проблем, но не любых, а только тех, которые имеют для данной социальной, национальной или иной группы бытийное значение, которые связаны с ее самооценкой и представлениями о себе, с ее духовностью, фундаментальными ценностями, традициями и обычаями;
- 2) войны и военные конфликты, в рамках которых террористические акты становятся частью военных действий;

3) наличие стран или социальных групп, отличающихся от ближних и дальних соседей высоким уровнем материального благосостояния и культуры, а также, что еще важнее, в силу своей политической, экономической и военной мощи либо иным возможностями, предоставляющими возможность диктовать свою волю другим странами и социальным группам;

4) существование тайных и полутайных обществ и организаций, которые настаивают на своих магических способностях и мессианском предназначении, вырабатывая единственное, по их мнению, верное учение или используя уже кем-то сформированное учение о спасении человечества и коренного улучшения его жизни и т.д.;

5) нерешенность политических задач, стоящих перед государством (что весьма актуально на данный момент для нашей страны) (*прим. Автора*).

6) нерешенность важных экономических и финансовых вопросов, в том числе на законодательном уровне, а также конфликты, которые возникают при разделе собственности, а также слабая защищенность коммерсантов, финансистов и других деловых людей со стороны правоохранительных органов [165, с. 191].

Совокупность факторов, которые благоприятствуют возникновению и развитию в обществе конфликтной ситуации, разрешаемой, в том числе террористическим способом, можно подразделить следующим образом:

- глубокий политический и экономический кризис;
- общий структурный кризис государства и его институтов;
- разрушение исторических, культурных, нравственных, гуманистических ценностей;
- рост национализма, национальной нетерпимости, религиозного экстремизма и сепаратистских настроений;
- слабость государственного аппарата и прежде всего коррумпированность чиновников;
- низкий профессионализм спецслужб;

- падение авторитета власти, закона, веры в ее способность обеспечить безопасность граждан;
- существование значительного нелегального «рынка» оружия и относительная легкость его приобретения;
- проявление интересов других государств, ряда зарубежных террористических, религиозных, национал-радикалистских и других организаций;
- низкий уровень жизни широких слоев населения, состояние психологического дискомфорта, тревоги и безысходности, обострение чувства социальной неустроенности, незащищенности, испытываемое значительной частью населения, рост социальной агрессивности;
- ожесточенная борьба за власть политических партий либо общественных объединений, преследующих политические цели, либо отдельных групп, лидеры которых преследуют узкоэгоистические цели.

Специальный уровень широко охватывает те явления, которые оказывают негативное влияние на захват заложников как вид преступления, т.е. криминогенные факторы, свойственные всем или большинству преступлений. К числу таких факторов следует отнести:

- недостаточно эффективную профилактику (в том числе идеологического направления в работе с населением) преступлений террористического характера и захватом заложников; например, распространение религиозно-экстремистской организацией «Хизбут-Тахрир» среди населения (в особенности на юге нашей страны) литературы, а также видео и аудио материалов религиозно-экстремистского толка [166];
- отсутствие четкой координации действий между правоохранительными органами, осуществляющих борьбу с преступлениями террористического характера и захватом заложников. Примером этого является события, произошедшие в 2006 году в Баткенской области, когда вооруженные террористы, расстреляв таджикскую пограничную заставу «Ляхкан» и завладев их оружием, незаконно проникли на территорию Кыргызской

Республики. При пересечении государственной границы КР был расстрелян таможенный пост «Ак-Турпак», в итоге погиб один сотрудник таможенной службы [167]. Впоследствии несогласованность наших правоохранительных органов в действиях по блокированию и ликвидации боевиков привели к гибели шестерых наших сотрудников правоохранительных органов и военных.

- отсутствие научно обоснованного прогнозирования и планирования борьбы с захватом заложников;
- недостаточная эффективность системы правовой и социальной защиты как сотрудников, непосредственно участвующих в борьбе с захватом заложников, так и лиц, оказывающих им содействие (в том числе свидетелей и самих заложников);
- отсутствие соответствующего стимулирования граждан, оказывающим помощь правоохранительным органам в борьбе с захватом заложников; например, выдача вознаграждения за предоставление какой-либо информации о заложниках, либо о террористах;
- несовершенство законодательства в области борьбы с захватом заложников.

Непосредственный уровень охватывает явления и процессы, оказывающие негативное воздействие на совершение конкретного преступления. Здесь необходимо рассматривать главным образом причины и условия индивидуального преступного поведения.

Причиной отдельного преступления (индивидуального преступного поведения) «является взаимодействие негативных нравственно-психологических свойств личности, сложившихся под влиянием неблагоприятных условий нравственного формирования индивидуума, с внешними объективными обстоятельствами (конкретной ситуацией), порождающими намерение и решимость совершить данное преступление, либо способствовать этому» [168, с. 4].

Криминогенные факторы, способствующие совершению конкретного преступления, характеризуются, прежде всего, нравственно-психологическим

формированием индивида и конкретной ситуацией совершения преступления. Необходимо отметить, что в каждом случае захвата заложника в качестве одного из непосредственных криминогенных факторов выступает мотив захвата заложника, поскольку совершению «преступлений обязательно предшествуют сформировавшиеся антиобщественные (индивидуалистические) мотивы действий, поскольку эти мотивы и являются непосредственными причинами» [169, с. 45].

К криминогенным детерминантам, также способствующим совершению захвата заложников, следует отнести и те, причины которых свойственны некоторым видам преступности или преступлений. Так, к примеру, рассматриваемое преступление совершается с применением насилия (насильственная преступность) а также с помощью оружия (вооруженная преступность) или организованной группой (организованная преступность).

На основании проведенного исследования нами были сделаны соответствующие выводы о том, что криминогенными детерминантами захвата заложников, как и терроризма, являются следующие факторы: 1) отсутствие политического согласия и стабильности в обществе и стране; 2) отчуждение власти от народа; 3) нерешенность вопросов демаркации и делимитации государственной границы (в особенности на юге страны); 4) высокий уровень незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; 5) проявления религиозного экстремизма и сепаратизма; 6) межнациональные конфликты; 7) тяжелое экономическое положение в обществе; 8) резкое социальное расслоение населения по доходам; 9) высокий рост безработицы; 10) упадок нравственных и ценностных ориентаций большей части населения страны; 11) правовой нигилизм и коррупция государственных органов. Таким образом, совокупность всех вышеуказанных факторных комплексов разного уровня, оказывают детерминирующее воздействие как на преступность в целом, так и на захват заложников.

2.3 Криминологическая характеристика лиц, совершивших захват заложников

Одна из важнейших составляющих криминологической характеристики преступлений - личность преступника. Криминологическое учение о личности преступника исходит из общенаучного понятия личности человека, разрабатываемого на основе положений материалистической, философской концепции человека. Важность изучения личности преступника определяется необходимостью полного познания и предварительной оценки личности подозреваемого лица как субъекта преступления, а также изучения личности обвиняемого и подсудимого для назначения наказания. В рамках настоящего исследования обозначим лишь некоторые основные подходы и положения по изучению теории личности преступника.

В криминологической науке личность изучается не как некий индивид, оторванный от общества, а как член общества, живущий в нем, среди людей, воздействующий на природу, общество и на самих людей и испытывающий обратное воздействие с их стороны.

Как отмечает А.И. Долгова, в понятии «личность» фиксируются только специфически социальные признаки; личность – это «социальное лицо человека», то, кем он стал в процессе социального развития, формирования и деятельности в обществе. При использовании понятия «личность преступника» следует иметь в виду именно социальную характеристику человека, совершившего преступление, и нечего более, утверждает указанный автор [170, с. 375].

Понятие личности преступника исключительно сложное и многогранное, под которой, как отмечает А.Б. Сахаров, понимается «совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон, и в сочетании с этими иными (неличностными) условиями и обстоятельствами, влияющими на его антиобщественное поведение» [171, с. 4]. Б.С. Волков под личностью

понимает «совокупность наиболее характерных свойств и особенностей, которые определяют человека как социальное существо и вместе с тем в наибольшей мере выражают его индивидуальность и неповторимость» [172, с. 7].

Е.И. Каиржанов определяет личность как «сложный сплав природного и социального, материального и духовного». В его понимании, личность – это динамическая система, имеющая свой личный (индивидуальный) и общественный, полученный от общества социальный опыт, который отражается в отношении к среде, в чувствах и поведении индивида. Главное, что определяет усвоение социального опыта, – это степень осознания своего места и роли в обществе, т.е. жизненная позиция личности – система взглядов, установок, стремлений и идеалов. Как подчеркивает вышеуказанный автор, именно личность субъекта преступления являет собой наиболее точное и определенное понятие формулировки человека, совершающего преступление. По его мнению, личность субъекта преступления – это определенная совокупность (система) социально-значимых и индивидуальных признаков, свойств, качеств и иных показателей, характеризующих как самого человека, так и различные стороны и проявления его в жизни и деятельности.

К.И. Джаянбаев отмечает, что личность как целостное образование представляет собой социальное качество человека; оно не привито человеку с самого рождения, а формируется в процессе жизни, в результате общественных отношений, т.е. является продуктом социализации человека. Как утверждает автор, человек не рождается, а становится преступником в результате неблагоприятного нравственно-психологического формирования личности. По его же мнению, человек – это продукт двойной детерминации, поскольку его природа биосоциальна. Соотношение природного и социального в человеке таково, что биологическое находится в подчиненном отношении к социальному и выступает в нем не непосредственно, а в преобразованном, «очеловеченном» виде. Личность преступника, по утверждению С.И. Курганова [173, с. 55], является криминологическим понятием, и оно используется для изучения

причин преступления. Как считает ученый, личность преступника подразумевает не свойства субъекта преступления (определенный возраст и вменяемость), а криминологически значимые свойства, т.е. такие особенности личности, которые в совокупности с иными обстоятельствами послужили условием для совершения преступления. Также данный автор полагает, что изучение личности преступника позволяет выявить свойства личности, которые должны быть объектом профилактического воздействия, а также социальные условия, которые сформировали данные свойства.

Однако в криминологической литературе существуют диаметрально противоположные мнения. Ряд авторов (Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский, И.И. Карпец, А.М. Яковлев и др.) отрицают существование особой «личности преступника». Они считают достаточным использование традиционного и очень точного, по их мнению, по своему содержанию понятия «субъект преступления».

Как считает Я.И. Гилинский, никто и никогда не смог выявить ни одного личностного свойства, признака, качества, присущего только «преступнику» (или же только «непреступнику»). По мнению Гилинского, злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т.д. и т.п. могут быть в той или иной степени присущи каждому человеку. Никогда не привлекавшийся к уголовной ответственности человек тоже может владеть этими приобретенными качествами.

Тем не менее, некоторые ученые рассматривают личность как некую модель с социальным и психологическим портретом, обладающим специфическими чертами. Преступникам, в чем уверены ученые, присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор общественно-опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявленной необходимой активности в предотвращении отрицательного результата. По их мнению, это определение охватывает и тех, кто совершил преступление умышленно, и тех, кто виновен в преступной деятельности.

На наш взгляд, при определении понятия личности преступника необходимо избегать крайних категоричных суждений и подходов. Включение в это понятие каких-то особых, присущих только преступникам личностных, индивидуальных свойств и качеств, характеризующих их вне совершенного противоправного акта и присущих только им до момента его совершения, фактически означает опосредованное признание «ломброзианства», т.е. врожденной, либо приобретенной склонностью лица к морально-психологической готовности совершить преступление.

Ю.М. Антопян справедливо полагает, что понятие личности преступника не должно выступать в качестве ярлыка для обозначения наиболее злостных, опасных правонарушителей [174, с. 40].

Мы считаем, что человек оказывается преступником под влиянием неблагоприятных внешних условий и воздействия (которые порой сам создает или «находит» в силу в своих личностных нравственно-психологических особенностей), воспринятых и преломленных им в соответствии с присущими ему представлениями, интеллектуальными, эмоциональными и волевыми свойствами.

В криминогенных качествах людей оседает все отрицательное, что они накапливает за жизнь - воздействия различных условий, в том числе, неблагоприятных, обстоятельств и ситуаций, в которых они жили и воспитывались. Таким образом, под личностью преступника следует понимать: лицо, совершившее преступление, в антисоциальной направленности которого проявляется совокупность негативных нравственных и психологических свойств личности, влияющих в сочетании с внешними неблагоприятными условиями и обстоятельствами формирования данной личности. Хотелось бы отметить, что о личности преступника можно говорить лишь применительно к субъекту преступления, т.е. лицу, уже совершившему преступление, и к тому, кто был признан в соответствии с законом виновным в совершении преступления.

В структуре личности преступника выделяются различные подсистемы (признаки, компоненты). Так, одни ученые [175, с. 65] предлагают выделять: 1) биофизические; 2) социально-демографические; 3) психологические; 4) нравственные; 5) социально-ролевые; 6) уголовно-правовые и 7) криминологические характеристики; другие [176, с. 25, 34] – 1) социальный статус личности, 2) социальные функции (роли) личности и 3) нравственно-психологическую характеристику. Третьи же исследователи выделяют социально-демографические, социально-нравственные, социально-ролевые (функциональные) и социально-психологические и социально-правовые признаки, определяющие характерные особенности тех или иных свойств и качества преступника.

Мы полагаем что, для характеристики личности преступника, представляется целесообразным выделять следующие основные блоки: демографический, социально-ролевой, психологический, правовой и физиологический. Именно по ним нами рассматривается личность человека, совершившего захват заложника.

В юридической литературе личность преступника, совершившего захват заложников, исследовалась в нескольких работах [177, с. 34, 48-85, 169]. Исследователи данной проблемы выделяют различные типы лиц, совершивших захват заложников, следующим образом: 1) личность с суицидальными наклонностями; 2) лицо, стремящееся отомстить; 3) лицо, страдающее психическими нарушениями; 4) «загнанный в угол» преступник; 5) впавший в отчаяние заключенный; 6) преступник-вымогатель, 7) участник общественного движения протеста; 8) фанатик, являющийся последователем определенной идеологии; 9) террорист-экстремист [178, с. 3-5].

Другие исследователи объединяют их в три группы лиц: 1) психически неуравновешенные или душевно больные; 2) преступники с политической мотивировкой; 3) уголовные преступники [179, с. 10]. Как нам видится, данная классификация лиц совершивших захват заложников является наиболее приемлемой так, как охватывает практически все категории лиц, совершивших

данные деяния. Одной из существенных криминологических характеристик лиц, совершивших захват заложника, являются мотивы совершения преступления.

На основе проведенных исследований нами сделан компетентный вывод о том, что мотивы и цели захвата заложников могут быть самыми разными:

1) получить выкуп (незаконное обогащение), так, по данным периодической печати, 99% заложников захватываются с целью получения выкупа [180, с. 4]. Однако нельзя утверждать, что эти сведения являются точными, поскольку в них авторы не разграничивают понятия «заложника» и «похищенного»;

2) совершить побег из исправительного учреждения;

3) скрыться от преследования после того, как преступление совершено; повлиять на решение судьи, следователя, эксперта;

4) выехать за пределы страны (в особенности это было распространено до распада СССР.);

5) из политических мотивов (террористический акт);

6) из корыстно-политических побуждений (так называемый синтез корыстной и политической направленности преступления, т.е. когда в данном преступлении присутствует такой элемент, как «заказчик – исполнитель»). Особенно ярко это выражается при выдвигании политических требований, когда заказчик не изъявляет желания непосредственного участия в совершении преступления либо категорически против какой-либо ответственности (показывать причастность) за его совершение. Одним из таких примеров, является громкий захват заложников в г. Москве в театральном центре на Дубровке во время показа мюзикла «Норд-Ост», случившийся осенью 2002 году.

Исследования показали, что из общего числа лиц, совершивших захват заложников, практически 98,3% составили мужчины. Такое положение обусловлено, вероятно, тем, что совершение рассматриваемого преступления

требует соответствующих физиологических данных, необходимых для физического подавления сопротивления захватываемого лица.

Таким образом, делаем однозначный вывод - захват заложника присущ преступникам мужского пола. Наибольшее количество рассматриваемых преступлений отмечается в возрастной группе от 20 до 45 года (83%). Средний возраст лиц, совершивших захват заложника, составляет 35 лет. Не имели постоянного источника дохода около 68,7% из числа лиц, совершивших захват заложников, не имели семьи – 43,6%. Около 23% лиц, совершивших захват заложников, ранее были судимы за насильственные преступления против личности.

Образовательный уровень лиц совершивших захват заложников относительно не высокий и распределился следующим образом: лиц со средним образованием – 72,8%, средне специальное – 26,2%, высшее – 1,2%. Доля лиц совершивших захват заложников с психическими аномалиями и психологическими проблемами составляет 20,5%. В ходе изучения уголовных дел связанных с захватом заложников была установлена определенная закономерность.

Данные характеризующие личность преступников, совершивших захват заложников, резко разнятся в зависимости от конкретной категории дел. Так, например захват заложников, совершенный из хулиганских побуждений в основном приходится на лиц, пребывающих в нетрезвом состоянии. В качестве подтверждения рассмотрим случай захвата заложников 17 июня 2001 в городе Ош. Некий И. Мадаминов, будучи в нетрезвом состоянии, захватил заложники свою дочь и жену и взамен их освобождения, потребовал предоставить ему наркотические средства. В противном случае грозился выбросить родным ему людей с окна четвертого этажа. [181, №41-01-0617]. Преступник в данном случае пребывал еще и в наркотическом опьянении. Заложники были освобождены. Что касается захвата, совершенных группой лиц, то при задержании участников подобных деяний не было выявлено ни одного случая алкогольного или наркотического опьянения.

Таким образом, в зависимости от мотивации и антиобщественной направленности, мы можем выделить три типа лиц, совершивших захват заложника:

1. Лица с политической мотивацией поведения, к данному типу необходимо отнести тех, кто совершил захват заложников, руководясь какими-либо политическими, идеологическими и религиозными мотивами. По результатам исследования установлено, что к этой категории лиц принадлежат примерно 63% совершивших захват заложников.

2. Лица с криминальной направленностью мотивации – наиболее многочисленная категория, доля данных лиц составляет 28%. Основную ее часть представляют те, кто совершил захват заложника: а) из корыстных побуждений; б) в момент совершения другого преступления с целью не быть задержанными, в) с целью побега из мест лишения свободы.

3. Лица с неустойчивой психикой – к ним следует отнести лиц, страдающих психическими патологиями, и лиц с психологическими проблемами, доля которых составляет 9%.

Таким образом, характеристика лиц, совершивших захват заложников, выглядит следующим образом: это мужчина в возрасте от 20 до 45 лет, со средним образованием, не имеющий, как правило, постоянного источника дохода, ранее судимый, имеющий психическую патологию, не исключаящую вменяемости.

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАХВАТУ ЗАЛОЖНИКОВ

3.1 Меры по совершенствованию уголовного законодательства КР, об ответственности за захват заложников

Эффективное противодействие преступности возможно только при наличии уголовно-правовых норм, отвечающих современным социально-экономическим реалиям времени. Процесс развития уголовного законодательства – это длительный, во многом обусловленный реальной практикой, поиск и выявление наиболее эффективных путей и средств борьбы с деяниями, представляющими особую общественную опасность. Поэтому, одним из направлений, способствующих успешному противодействию преступности, является совершенствование уголовного законодательства. Исследование любой проблемы, в том числе преступности или отдельного вида преступлений, является важным и необходимым условием, в особенности в том случае, когда результаты исследования могут быть применены на практике. Это является основной функцией научных исследований.

В современных условиях жизнедеятельность общества осложняется появлением новых видов преступных посягательств и угроз, к которым относится захват заложников. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования действующего уголовного закона, особенно в отношении тех преступлений, актуальность которых неуклонно растет. Проведенный нами анализ проблем уголовно-правовой борьбы с захватом заложников позволяет сделать вывод о том, что норма, предусматривающая ответственность за захват заложников обладает довольно высоким законотворческим потенциалом.

В связи с этим, мы можем предложить ряд дополнений и изменений, необходимых для совершенствования ст.227 УК КР;

1. Нам представляется, что диспозиция, определяющая захват заложников в полной мере не раскрыта, в связи с этим в практической деятельности возникают различные проблемы с квалификацией данных деяний.

Предлагается, диспозицию ст. 227 УК КР, предусматривающую уголовную ответственность за захват заложников, дать в развернутом толковании и изложить в новой редакции: «Захват или удержание лица в качестве заложника, то есть насильственное завладение человеком с последующим ограничением свободы и удержанием путем насильственного воспрепятствования оставлению им определенного места нахождения, совершенное в целях принуждения государства, организации или физического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия прямого или косвенного освобождения заложника...».

Мы полагаем, что расширенное законодательное толкование определения захвата и удержания заложников, раскрывающее в полной мере его объективную сторону, будет положительным образом влиять на более точную квалификацию, и отграничение от смежных составов преступлений.

2. Развивающийся быстрыми темпами научно-технический прогресс предоставляет преступникам все более широкие возможности для осуществления своих преступных целей различными способами. Так, оснащенность преступников современным оружием, взрывчатыми веществами, а также техническими средствами облегчает совершение любого преступления [182, с. 12].

Анализ действующего законодательства, судебно-следственной практики и специальной литературы показал, что захват заложников, как правило, сопровождается с применением различных видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также других предметов используемых в качестве оружия (например, заточка, фрагмент стекла). Однако в Законе КР «Об оружии» взрывчатые вещества и взрывные устройства в классификации оружия не указаны, хотя по своим поражающим свойствам взрывчатые вещества и взрывные устройства намного превышают различные виды оружия. В соответствии с п.4 ч.2 ст.227 УК КР и по смыслу выше указанного закона предусматривается, что все они являются оружием и охватываются одним термином «предметы, используемые в качестве оружия».

Данное обстоятельство свидетельствует о неточности закона, которое может быть устранено путем внесения дополнений в УК КР с указанием на взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется обоснованным, внесение в п. 4 ч.2 ст.227 УК КР дополнения, и сформулировать его следующим образом: «с применением огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств либо других предметов, используемых в качестве оружия...».

3. В п.п.6 и 7. ч.2 ст.227 УК КР закреплены в качестве квалифицирующих признаков захвата заложников обстоятельства, характеризующие потерпевшее лицо, как несовершеннолетнего, и нахождение женщины в состоянии беременности. На основе исследований мы пришли к выводу, что захват заложников, в случаях, когда он носит заранее организованный и подготовленный характер совершается целенаправленно в отношении наиболее слабой, незащищенной и уязвимой категории лиц, к которым относятся женщины и малолетние дети и обладает более высокой степенью общественной опасности по отношению к основному составу данного преступления. Однако в норме Уголовного закона КР предусматривающую ответственность за захват заложников, отсутствует указание на то, что потерпевшим может быть малолетнее лицо.

Обоснованность такого дополнения в первую очередь обусловлена тем, что совершение захвата или удержания в отношении малолетнего лица характеризует личность виновного крайне негативно и свидетельствует о стойкой антиобщественной установке и повышенной криминальной зараженности. Нам также, представляется обоснованным и целесообразным внесение в качестве одного из квалифицирующих признаков совершение захвата заложников в отношении лица, находящегося в состоянии беспомощности. Захват или удержание, совершенные в отношении беспомощного лица существенно повышают общественную опасность,

поскольку существенно облегчают совершение преступления в силу невозможности сопротивления потерпевшего.

В этой связи, мы предлагаем дополнить п.6 ч.2 ст.227 УК КР и сформулировать его следующим образом: «в отношении заведомо лица, для виновного находящегося в беспомощном состоянии, малолетнего и несовершеннолетнего». Это дополнение будет соответствовать более высокой степени общественной опасности совершенного преступления в отношении данной категории лиц.

4. В п.8 ч.2 ст.227 УК КР предусмотрено «совершение захвата заложников из корыстных побуждений», в связи с чем, будет целесообразным предусмотреть в законе возможность назначения дополнительного вида наказания, как «конфискация имущества».

Данное предположение обосновано тем, что законодатель закрепляет конфискацию имущества, как дополнительный возможный (альтернативный) вид наказания за ряд преступлений против общественной безопасности, например бандитизм или организация преступного сообщества (преступной организации).

Учитывая, что совершению захвата заложников, как и терроризма, более всего способствуют действия лиц, оказывающих финансовую помощь в осуществлении данных деяний, нам представляется, что введение указанного вида наказания будет способствовать более полному соблюдению основополагающих принципов уголовного права. Это в полной мере касается принципа справедливости в соответствии, с которым «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к виновному лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного», а также достижению целей наказания, восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений, как осужденными, так и другими лицами.

5. Ст.227 УК КР имеет примечание с содержанием своего рода поощрительной нормы, регламентирующей деятельное раскаяние лица при совершении захвата заложников. Эта норма содержит специальное основание для освобождения виновного лица от уголовной ответственности в случае добровольного освобождения заложника и если в его действиях не содержатся иного состава преступления. Несомненно, примечание в данном случае важно для противодействия захвату заложников на стадии пресечения. Так как позитивные, постпреступные действия позволяют надеяться виновным в совершении преступления на смягчение ответственности.

У законодателя при этом существует цель устранения опасности для жизни или здоровья заложников, возмещения вреда, а также экономия силы и средства правоохранительных органов при освобождении заложников. Побуждение к деятельному раскаянию лиц, совершивших захват заложников, осуществляется правоохранительными органами путем информирования о правовых последствиях позитивных, постпреступных действий. Если заложник освобожден лицом добровольно, законодатель предоставляет право органу уголовного преследования и суду смягчить ответственность лицу вплоть до полного освобождения от нее.

Однако данные поощрительные нормы законодателем были закреплены избирательно не во всех составах преступлений особенной части УК КР, где их присутствие целесообразно и необходимо, так, например, в ст.230 УК КР данное примечание отсутствует. К слову, что институт деятельного раскаяния обладает большим предупредительным воздействием, потенциал которого еще не использован в полной мере. Исходя из вышеуказанного, можно сформулировать вывод, что без определенного и гарантированного правового стимула, виновные в преступлении не будут заинтересованы в деятельном раскаянии.

Мы предполагаем, что целесообразно будет внести в нормы общей части УК КР отдельную статью, закрепляющую институт «деятельного раскаяния» по примеру в качестве позитивного опыта отдельной нормы, закрепленной в УК

Российской Федерации (ст.75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием»). Это, по нашему мнению, отзовется положительно на предотвращении вредных последствий совершенного преступления, а также посткриминального поведения.

С учетом вышеуказанных предложений и дополнений, мы считаем возможным предложить следующий вариант ст.227 УК КР:

(1) «Захват или удержание лица в качестве заложника, то есть насильственное завладение человеком с последующим ограничением свободы и удержанием путем насильственного воспрепятствования оставления им определенного места нахождения, совершенный в целях принуждения государства, организации или физического лица (группы лиц) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия прямого или косвенного освобождения заложника...», –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

(2) Те же деяния, совершенные:

1) группой лиц по предварительному сговору;
2) организованной преступной группой;
3) с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой убийством;

4) с применением огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, либо других предметов, используемых в качестве оружия;

5) в отношении двух или более лиц;

6) в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, малолетнего и несовершеннолетнего;

7) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

8) из корыстных побуждений или по найму, –

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества либо без таковой.

(3) Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены преступным сообществом, или повлекли по неосторожности смерть потерпевшего, а также причинили тяжкий вред здоровью, либо иные тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

Примечание. Лицо, добровольно освободившее заложников, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Полагаем, что предложенные рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства за захват заложников позволят более дифференцированно подходить к назначению наказания и будут способствовать наиболее полному соблюдению принципов уголовного права, а также достижению целей наказания.

3.2 Специально-профилактические меры противодействия захвату заложников

Человечеством за время своего исторического развития было использовано два основных способа противодействия преступным посягательствам на права и законные интересы личности, общества и государства: наказание за совершение преступления и предупреждение преступлений.

В криминологической и иной специальной литературе, а также в официальных документах мы встречаем различные понятия – «уголовная политика», «борьба с преступностью», «война с криминалом», «предупреждение», «социальный контроль», «профилактика», «противодействие преступности», «управленческое воздействие на преступность» [183, с. 53] и другие. Каждое из этих понятий до сих пор вызывает споры в научных кругах. Часть авторов пытаются классифицировать указанные термины, связывая их с различными уровнями, этапами, направлениями и видами предупредительной деятельности [184, с. 221].

Одним из первых научных трудов, опубликованных по проблемам предупреждения преступлений, стала монография украинских исследователей И.А. Гельфанда и П.П. Михайленко «Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности» [185, с. 12-13].

Авторы данной работы рассуждают о терминологии, применяемой в области предупреждения преступлений, и берутся утверждать, что не следует делать каких-либо различий в содержании таких понятий «предупреждение», «предотвращение», «профилактика» и «пресечение». Содержание этих терминов едино, и в этом смысле даже являются синонимами, выражающими мысль о необходимости предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и исключили появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу.

По мнению Г.А. Аванесова, автора самого крупного труда по профилактике преступлений, все указанные термины не исключают друг друга и между ними больше сходств, нежели различий, что по существу это смежные понятия. Ученый определяет профилактику преступлений двояким образом.

В глубоком понятии термин «профилактика» – это недопущение конкретных преступлений, предохранение отдельных членов общества от совершения ими правонарушений, виновных противоправных деяний, представляющих собой преступление. И в более узком понятии – это деятельность по выявлению причин преступлений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, выявлению лиц, склонных совершить преступление, и проведение с ними необходимых предупредительных мер.

В свою очередь А.Г. Лекарь и А.Ф. Зеленский, разграничивая между собой термины «предотвращение» и «профилактика», под «предотвращением» понимает воспрепятствование совершению конкретного преступления, а под «профилактикой» – устранение причин и условий, способствующих совершению преступления. Как считают авторы, к профилактике следует отнести процесс выявления, устранения причин и условий преступности, а к предупреждению – недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений [186, с. 4].

Н.Г. Кобец, рассматривая вопросы профилактики правонарушений, справедливо отметил: «Близкими, но не однозначными являются понятия “предупреждение”, “пресечение” правонарушений, поскольку предупредить правонарушение, значит не допустить его возникновения, а пресечь правонарушение, значит прервать его, принять меры к тому, чтобы готовящееся или начавшееся правонарушение не было доведено до конца, чтобы его не удалось осуществить полностью» [187, с. 38].

В криминологической литературе имеется немало суждений о понятии предупреждение преступности, но нет устоявшегося общепризнанного определения этого понятия. Так, одни авторы под «предупреждением преступности» понимают многоуровневую систему государственных и

общественных мер, направленных на устранение ослабления и нейтрализацию причин и условий преступности [188, с. 177], другие – комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными органами и общественностью в целях предупредить преступность и устранить ее причины. [189, с.78], третьи – многообразную, многоаспектную, разноуровневую практическую деятельность многочисленных и различных государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан, направленную на воспрепятствование совершению преступлений, в том числе на устранение причин и условий.

Однако, по мнению некоторых ученых [190, с. 32-53], предупреждение преступности нужно рассматривать не только как комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых субъектами профилактики в целях борьбы с преступностью и устранением причин ее порождающих, но и как особую область социального управления процессами, связанными с реализацией задачи сокращения преступности.

Анализируя различные определения предупреждения преступности можно сделать вывод о том, что, невзирая на различную степень конкретизации данных понятий, они сходны, по сути. В данном случае можно сделать вывод, что в обобщенном виде предупреждение преступности представляет собой системную деятельность (комплекс мер), направленную на нейтрализацию, ослабление и устранение причин и условий преступности. Мы считаем, что именно понятие «противодействие» наиболее всесторонне включает в себя все стадии (этапы) предупреждения преступности.

Так, в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» [191, ст. 1] противодействие терроризму и террористическим преступлениям определяется как «деятельность органов государственной власти и местного самоуправления»: а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и

расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); г) минимизации последствий терроризма.

Таким образом, в нашем исследовании под противодействием захвату заложников следует понимать комплексную, многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению указанного преступления, а также предотвращение, пресечение и раскрытие захвата, и удержания заложников.

В юридической литературе можно выделить различные классификации видов, форм и уровней предупреждения преступности (предупредительных мер). Предупреждение преступности традиционно подразделяются на две большие группы мер: общесоциальные и специальные (криминологические).

Общесоциальное предупреждение осуществляется через всю совокупность крупномасштабных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие общества, отношений людей в экономической, политической, духовной, семейно-бытовой и других сферах жизнедеятельности общества.

Данные мероприятия преследуют более широкие цели, чем борьба с преступностью. Иными словами, прогрессивное развитие экономики, политической системы, духовного и культурного уровня, традиций уважения прав и интересов других людей, требований законности и правопорядка – это и есть реализация антикриминогенного потенциала общества. Общие меры охватывают предупреждение преступлений в обществе в целом, и хотя их осуществление специально не связано с преступностью, но они опосредованно влияют на криминогенные детерминанты, которые вызывают преступность как свое закономерное следствие.

К данному комплексу относятся меры, влияющие на предупреждение преступности в целом:

а) политические – стабилизация политической обстановки в государстве (в данное время весьма актуально) (примечание мое – М.А.) укрепление и повышение авторитета власти и доверия к ней со стороны населения;

б) правовые – совершенствование законодательства, борьба с правовым нигилизмом, реформирование всей правоохранительной системы государства, противодействие коррупции;

в) экономические – стабилизация экономики, сокращение инфляции, подъем производственной деятельности, повышение материального и жизненного уровня населения, сокращение бедности и безработицы;

г) социальные – эффективная социальная защита малообеспеченных слоев населения, пенсионеров, студентов, малоимущих, сотрудников медицинских и образовательных учреждений.

д) культурно-воспитательные – повышение уровня культуры граждан, улучшение их образования, воспитания, формирование у населения высоконравственных устоев и морали.

Реализация вышеуказанных мер будет способствовать предупреждению преступности и, что особенно важно, противодействовать захвату заложников. Из всего перечисленного комплекса мер позитивное действие на снижение уровня преступлений против общественной безопасности могут оказать именно политические меры, направленные на стабилизацию ситуации в Кыргызстане. Именно они сегодня требуют действенных, последовательных и системных мер, в сфере укрепления государственной власти, единой политической воли, возврата доверия населения к власти, единение всего общества. Нам представляется, что комплексное проведение общесоциальных мер, в масштабах всего государства может положительным образом повлиять на преступность и другие, связанные с ней социальные явления и процессы.

Под системой специально-профилактических мер нужно понимать деятельность, (комплекс упреждающих мер), непосредственно направленную на устранение, либо нейтрализацию конкретных причин и условий, способствующих совершению захвата заложников.

Считаем, что в нашем исследовании наиболее правильной будет разработка специально-профилактических мер противодействия захвату заложников, которые будут осуществляться в трех этапах:

а) профилактика захвата заложников – это меры, направленные на устранение и ослабление причин и условий, способствующих совершению захвата заложников;

б) предотвращение захвата заложников – это меры, направленные на недопущение замысливаемых или подготавливаемых действий для совершения захвата заложников;

в) пресечение захвата заложников – это меры, направленные на освобождение заложников и задержание лиц, совершивших захват и удержание.

Для осуществления эффективной специально-профилактической деятельности захвата заложников необходимо выполнение следующих мер:

1) необходима информационно-аналитическая работа, направленная на изучение и обобщение всех данных о захватах заложников и выработка на основе этой деятельности практических рекомендаций;

2) усиление контроля над незаконным оборотом оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Мы убеждены, что данная мера является одним из эффективных методов противодействия не только захвату заложников, но и других преступлений, так как содержит в себе так называемые нормы «двойной превенции».

Применение норм с двойной превенцией осуществляется путем уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за деяния, совершение которых ведет к другим более опасным и тяжким преступлениям. К ним в частности относятся нормы особенной части УК КР ст.241 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст.242 «Незаконное изготовление или ремонт оружия» и ст.245 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ».

Эти меры наиболее актуальны в свете июньских событий на юге республики в 2010 году. В эти драматические дни, по данным МВД КР, было похищено и утеряно 1177 [192] единиц огнестрельного оружия, 63 780 боеприпасов и взрывчатых веществ;

3) своевременное реагирование органов государственной власти на возникновение политических, межнациональных и религиозных конфликтов в стране и регионах;

4) повышения контроля над деятельностью различных политических и религиозных организаций, а также общественных объединений и движений;

5) выявление и ликвидация источников финансирования экстремистской и террористической деятельности;

6) единая координация и взаимодействие специальных служб, правоохранительных и государственных органов в противодействии захвату заложников;

7) использование рекомендаций и положительного опыта зарубежных правоохранительных органов по противодействию захвату заложников;

8) международное сотрудничество между правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств по обеспечению противодействия захвату заложников;

9) проведение специальной подготовки (психологической) сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих освобождение заложников;

10) проведение научно-практических конференций по проблемам экстремизма, терроризма и захвата заложников для выработки практических рекомендаций и совершенствования уголовного законодательства.

По нашему мнению, данные рекомендации по оптимизации профилактических мер с положительной динамикой повлияют на противодействие не только захвату заложников, но и других преступлений террористического характера. В рамках профилактических мероприятий необходимо рассмотреть организационные рекомендации, направленные на совершенствование профилактической деятельности и предупреждение захвату заложников.

Анализ правоохранительной деятельности в сфере противодействия захвату заложников свидетельствует о необходимости проведения ряда организационных мероприятий, к которым относятся:

1) в целях эффективного противодействия и предупреждения захвата заложников, похищения человека и незаконного лишения свободы в системе органов внутренних дел необходимо создать специальное подразделение, в основную функцию которого будет входить противодействие данным видам преступлений;

2) специальная подготовка данной структуры должна быть ориентирована на профилактику, предотвращение и пресечение захвата заложников, а подготовка сотрудников специального подразделения должна включать анализ не только оперативной, но и политической, криминологической и иной информации;

3) обеспечение и оснащение правоохранительных органов новейшими специальными техническими средствами и необходимым вооружением для эффективного предотвращения и пресечения захвата заложников;

4) совершенствование технических и специальных средств с целью усиления контроля при проверке лиц на объектах гражданской авиации;

5) использование средств массовой информации для осуществления профилактики, в частности пропаганда уголовного законодательства и информации о применении рекомендаций специалистов по поведению граждан в случае их захвата в качестве заложников;

6) создание соответствующих стандартов и норм социально-бытовых условий осужденных в исправительных учреждениях и лиц, заключенных в следственных изоляторах;

7) своевременное реагирование администрации мест лишения свободы на жалобы и заявления осужденных и заключенных под стражу на порядок и условия их содержания;

8) увеличения численности и повышения профессионального уровня штата сотрудников, осуществляющих исправление осужденных в местах лишения свободы и заключения под стражу;

9) использование новейших специальных технических средств видео и аудио прослушивания в местах лишения свободы и заключения под стражу;

10) усиление контроля над лицами, страдающими психическими расстройствами;

Необходимо отметить, что основная роль в предотвращении захвата заложников отводится оперативно-розыскной деятельности. К тому же на данной стадии захват заложников характеризуется ограниченными возможностями органов, ведущих борьбу с данным видом преступлений, так как реальная практика предотвращения захвата заложников показывает о недостаточной результативности такой деятельности.

Это объективное обстоятельство объясняется, прежде всего, тем, что подготовка к захвату заложников носит больше конспиративный характер. Таким образом, противодействие захвату заложников на данном этапе весьма затруднено, а захват заложников с внезапно возникшим умыслом предотвратить практически невозможно. На данной стадии основная функция по предотвращению данного преступного деяния ложится на плечи сотрудников, ведущих оперативно-розыскную деятельность. В этой связи трудно дать оценку роли конфидентов в предотвращении замышляемых и подготавливаемых преступлений, так как эффективное противодействие преступлениям не представляется возможным без соответствующей оперативной информации.

Отсюда мы делаем соответствующие выводы. В целях повышения эффективности борьбы с преступлениями, в частности, с захватом заложников необходимо поддержать предложение Т.И. Сайфутдинова, который считает, что «противоправные деяния, совершенные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий при условии обоснованного риска и что причиненный вред менее значителен, чем вред, предотвращенный, и если иным

способом предотвратить вред было невозможно, в законодательном порядке следует признать как обстоятельства, исключаящие преступность деяния» [193, с. 8].

При предотвращении захвата заложников предлагаем рассмотреть меры противодействия, которые, как мы предполагаем, могут быть эффективны для недопущения замышляемых и подготавливаемых данных видов преступлений;

1) осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор и анализ информации о готовящихся захватах заложников, в рамках данных мер в соответствии с Законом КР «Об оперативно-розыскной деятельности» [194, ст. 2] возможно, провести путем: наведения справок, оперативное наблюдение, оперативное внедрение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров;

2) Значительный предупредительный потенциал в борьбе с преступностью, на наш взгляд, имеют нормы с «двойной» превенцией. Как справедливо отмечает Э.А. Саркисова: «Уголовно-правовые нормы с «двойной» превенцией могут осуществлять предупредительную функцию права... посредством установления санкции за общественно опасные деяния, которые могут привести к совершению деяний, более значимых по степени и характеру опасности, по тяжести наступивших последствий» [195, с. 144].

К таким мерам можно отнести разобшение и разложение преступных групп, готовящихся совершить захват заложников, с помощью лиц, сотрудничающих на конфиденциальной основе с работниками, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также своевременное привлечение к уголовной ответственности лиц за участие в создании банд и их задержание до начала запланированных преступлений. Также, к нормам «двойной» превенции следует отнести привлечение лиц к уголовной ответственности за приобретение, ношение и изготовление оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. На сегодня данные меры являются весьма

актуальными. Незаконное приобретение или изготовление оружия представляет в современных условиях повышенную общественную опасность совершенных любого преступления и в особенности, когда имеет место захват заложников. Оружие на руках у преступника существенно повышает вероятность достижения им поставленной преступной цели, путем подавления как психологического, так и физического сопротивления со стороны захваченных лиц. Однако наши правоохранители не уделяют на практике должного внимания применению норм с «двойной» превенцией. Отсюда следует вывод о том, что успешное и эффективное предотвращение захвата заложников зависит, прежде всего, от осведомленности, подготовленности и профессионализма при проведении оперативно-розыскных мероприятий специальными службами в отношении лиц, планирующих совершить захват заложников.

На стадии пресечения захвата заложников необходимо проведение комплексного подхода организационных, правовых, силовых, психологических и технических мероприятий. В специальной литературе [196, с. 35-36], связанной с ситуацией захвата и освобождения заложников, приводятся два основных подхода для пресечения данного вида преступления:

- 1) отказ от переговоров и предоставление каких-либо уступок преступникам;

- 2) ведение переговоров и нахождение компромисса с преступниками.

Из практического анализа, а также исследований борьбы с захватом заложников установлено, что примерно в 73,6% [197, с. 48] случаев переговоры достигли положительной динамики, итогом этих переговоров может быть добровольное освобождение заложников либо создание благоприятных условий для непосредственного проведения специальной операции по силовому освобождению заложников.

В соответствии с ч.1 ст.33 Закона КР «О противодействии терроризму» при проведении антитеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористического акта, допускается ведение переговоров с

террористами. К ведению переговоров допускаются только лица, специально уполномоченные на то руководителями оперативного штаба.

Приоритетность ведения переговоров, обоснована рядом факторов:

- во-первых, возможностью добиться освобождения заложников без применения силового воздействия;
- во-вторых, созданием благоприятных условий для непосредственного проведения специальной операции по освобождению заложников;
- в-третьих, возможностью минимизации количества заложников, находящихся у преступников, а также последствий при проведении специальной операции по освобождению заложников.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что одной из эффективных мер противодействия захвату заложников на стадии пресечения являются законодательно закрепленные «правовые стимулы», стимулирующие и поощряющие деятельное раскаяние. Необходимо попытаться убедить преступника добровольно освободить заложников, ссылаясь на примечание к ст.227 УК КР в которой закреплена норма, освобождающая от уголовной ответственности в случае добровольного освобождения заложников, при условии, что в действиях преступника не содержится иного состава преступления.

Будет целесообразно в настоящем исследовании выделить некоторые рекомендации по ведению переговоров с преступниками:

1) на первоначальном этапе переговоров необходимо собрать как можно больше сведений и информации о преступниках и захваченных ими лицах (их личностные характеристики и общее состояние) для анализа ситуации и подготовки к силовому освобождению заложников;

2) при проведении переговоров нужно четко установить содержание и характер требований преступника;

3) необходимо затягивать переговоры как можно дольше для получения времени на подготовку к силовому воздействию, если это потребуется;

4) ведение переговоров необходимо осуществлять в соответствии и с согласованием выбранной линии поведения оперативного штаба, осуществляющих специальную операцию;

5) тактика и манера ведения переговоров не должны каким-либо образом спровоцировать преступников на насильственные действия в отношении заложников;

6) для ведения переговоров необходимо использовать специалиста (медиатора) профессионального переговорщика;

7) специально уполномоченные лица при проведении переговоров с преступниками не должны выражать в категоричной форме отказ от выполнения каких-либо требований, необходимо сохранять преступнику надежду на достижение его целей, для получения времени и анализа ситуации;

8) при выполнении допустимых и возможных требований со стороны преступников необходимо убедить террористов отпустить, добровольно (ссылаясь на нормы уголовного закона, поощряющих деятельное раскаяние) заложников или хотя бы их часть, например, женщин и детей;

9) при проведении переговоров с террористами, в качестве условия прекращения ими террористического акта не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопросы о выполнении политических требований террористов (ч.2 ст.33 Закона КР «О противодействии терроризму»);

10) если в ходе переговоров с террористом (террористами) цель переговоров не достигнута по причинам его (их) несогласия прекратить террористический акт, и возникла реальная угроза жизни и здоровью людей, руководитель оперативного штаба вправе принять решение о ликвидации террориста (ч.5 ст.33 Закона КР «О противодействии терроризму»).

Только профессиональные действия специально уполномоченных органов по проведению специальных операций, могут обеспечить положительный результат при освобождении заложников и задержании преступников. Исходя

из вышеизложенного, основной ролью на стадии пресечения захвата заложников является укрепление в гражданах уверенности в том, что заложников освободят, а виновные понесут заслуженное наказание.

Пресечение конкретных фактов захвата заложников способствует выявлению причин и условий, способствующих их совершению, следовательно, есть необходимость в выработке практического опыта для разработки мер по нейтрализации криминогенных факторов, способствующих захвату заложников. По нашему мнению, значительная роль в противодействии захвату заложников заключается своевременному информированию населения об успешной проведенной специальной операции по освобождению заложников и профилактической работы по недопущению совершения данного преступления.

Однако пропаганда позитивных результатов и эффективной деятельности правоохранительных органов в противодействии захвату заложников должна основываться на фактических и достоверных результатах с указанием не только успехов, но и допущенных просчетов и проблем, имевших место во время проведения специальной операции. Таким образом, на основе исследования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия данному преступлению, мы пришли к выводу, что эффективное противодействие не может быть осуществлено без кардинальных изменений в политической, экономической, социальной, культурной, а также идеологической и духовных сферах общества. Эти жизненно важные реформы являются своеобразным фундаментом для осуществления специально-профилактических мер противодействия не только захвату заложников, но и преступности в целом. Только при комплексном подходе к проведению общесоциальных и специально-профилактических мер, можно ждать от предпринимаемых усилий значительного эффекта в борьбе с преступностью и в частности с захватом заложников. Хотелось бы отметить, что особое место в противодействии захвату заложников принадлежит международным соглашениям к которым, в первую очередь, относится Конвенция о борьбе с захватом заложников, а также

другие соглашения, связанные с незаконным захватом воздушных судов и объектов гражданской авиации, резолюция «Захват заложников» принятой на 61 - ой пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 году.

В трудной борьбе с захватом Международное сотрудничество государств осуществляется путем разработки теоретических и практических вопросов квалификации международных преступлений, координации мер предотвращения и пресечения данных деяний, обеспечение неотвратимости наказания, передачи преступников другому государству или международному органу для уголовного преследования. Стоит отметить, что высоких результатов в противодействии терроризму, а также захвату заложников добились специалисты США, Италии, Канады и других развитых стран. К примеру, в США совместно с другими странами пытаются изолировать страны, поддерживающие терроризм, от сообщества цивилизованных наций, применяя против них экономические, политические, дипломатические, а в исключительных случаях и военные меры [198,с.18]. Серьезная роль в США также отводится и координации усилий Федерального бюро расследований и других федеральных агентств, в установлении связи с иностранными правоприменительными и разведывательными органами, борющимися с международным терроризмом, обмену информацией, проведения совместных акций [38, с.110].

Так, специалисты специальной службы при ФБР США разработали рекомендации, как нужно вести себя лицам, оказавшимся в заложниках, приведем некоторые из них:

- по возможности скорее возьмите себя в руки, успокойтесь и не паникуйте, если вас связали и закрыли глаза, попытайтесь расслабиться, дышите глубже;

- подготовьтесь физически, морально и эмоционально к возможному трудному испытанию. Но будьте уверены, что многие службы делают все возможное для вашего спасения;

- не пытайтесь бежать, если нет полной уверенности в успехе побега;

- по различным признакам постарайтесь определить место своего заточения:

- во взаимоотношениях с похитителями не оказывайте последним агрессивного сопротивления, не делайте резких и угрожающих движений. Не провоцируйте террористов на необдуманные действия;

- по возможности расположитесь подальше от окон и от самих террористов на случай, если снайперы спецподразделений откроют прицельный огонь по похитителям;

- в случае штурма рекомендуется лечь на пол лицом вниз, сложив руки на затылке;

- не возмущайтесь, если при штурме с вами обойдутся жестко, причинив вам моральную или даже физическую травму. Действия штурмующих в данной ситуации оправданы;

- с самого начала (особенно первые полчаса) выполняйте все приказы и распоряжения похитителей;

- займите позицию пассивного сотрудничества. Говорите спокойным голосом. Избегайте явного выражения презрения, вызывающего, враждебного тона;

- если к вам применяют допросы, то постарайтесь отвечать кратко, но будьте осторожны, когда затрагиваются важные государственные или ваши личные вопросы;

- после освобождения не допускайте скоропалительных заявлений. Придите в себя, пусть восстановятся ваши мысли, ознакомьтесь с информацией официальных источников [179, с.9]. Так, в Италии для противодействия организованной преступности и мафиозным структурам, осуществлявшим свою деятельность, с помощью террористических преступлений в 80-х годах были разработаны специальные законы, которые впоследствии дали позитивный результат.

Э. Джемисон в своей работе подмечает, что этими законами нужно в первую очередь заинтересовать террористов, предоставив им возможность

получить более мягкое наказание взамен полного признания в совершении всех преступлений и активное содействие в предотвращении планируемых террористических актов[199, с. 305-306]. К слову, данные меры оказались очень эффективными, поскольку позволили правоохранительным органам выявить террористическую систему и ее внутреннюю структуру, а также способы и мотивацию террористов. Мы поддерживаем позицию вышеуказанного автора в том, что правовое стимулирование и склонение к сотрудничеству членов преступных групп и сообществ путем смягчения или даже полного освобождения от уголовного преследования и наказания в случае незначительности совершенного правонарушения или преступления является эффективной мерой в предотвращении террористических преступлений.

Кстати, во многих странах работают специальные организации, которые специализируются на профилактике захвата заложников и похищений людей, например международная компания «Риск-Контроль» [38, с.113]. Филиалы этой компании имеются в Мексике, Колумбии и Перу там, где риск похищения или захвата заложника является наиболее высоким. Указанная организация оказывает услуги по обеспечению личной безопасности, ведению переговоров и освобождению заложников и похищенных, а также дает необходимые рекомендации поведения в случае захвата или похищения человека.

Подводя итоги по рассмотрению специально-профилактических мер противодействия захвату заложников, мы пришли к выводу, что международные и национальные законодательства выработали в достаточной мере оптимальную нормативную базу, однако практика их применения показывает, что данные деяния не снижаются как в мировом сообществе, так и в отдельных регионах мира. В дальнейшем существует необходимость разработки теоретических и практических рекомендаций для повышения путей эффективного противодействия захвату заложников в современных социально-правовых условиях.

ВЫВОДЫ

Итогом проведенного исследования проблем совершенствования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия захвату заложников являются следующие выводы:

1. На основе проведенного анализа теоретических источников международного и национального законодательства, мы пришли к выводу, что захват заложников, как особое социально-правовое явление, существовал в тех или иных формах еще с древних времен. Также приходится констатировать, что с развитием цивилизаций и прогрессом, данное явление не исчезло, а приобрело новые, более изощренные и жесткие формы, став одним из тяжких преступлений современности.

2. Принятые многочисленные международные соглашения в области сотрудничества стран в борьбе с захватом заложников создали единую правовую базу в целях его противодействия. Однако мы вынуждены констатировать, что усилий государств, которые они предпринимают для решения этих проблем, явно недостаточно. На сегодняшний день требуется дальнейшая научная разработка эффективных мер предотвращения и пресечения захвата заложников;

3. Качественной спецификой совершения захвата заложников в Кыргызской Республике является то, что он сопряжен с другими тяжкими преступлениями как: терроризм, бандитизм, участие или создание незаконных бандформирований, незаконный оборот оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, массовые беспорядки, сопровождающиеся проявлением религиозного экстремизма и сепаратизма, что соответственно, повышает общественную опасность этого преступления и представляет угрозу для общественной безопасности Кыргызской Республики.

4. Основным непосредственным объектом посягательства при захвате заложников является общественная безопасность, понимаемая в широком смысле как система общественных отношений по поводу создания и поддержания безопасных условий жизнедеятельности общества, функционирования и развития всех государственных и общественных

институтов, а также состояние защищенности личности. Дополнительными непосредственными объектами захвата заложников являются общественные отношения, обеспечивающие физическую свободу личности, а при особо квалифицирующих признаках жизнь, здоровье и собственность человека.

5. Объективная сторона захвата заложников выражена в форме двух активных действий: захвате и удержании заложника, где под захватом подразумевается незаконное, насильственное завладение человеком с последующим ограничением его свободы, а под удержанием – незаконное, насильственное воспрепятствование оставления им определенного места нахождения.

6. Захват заложников является формальным составом преступления, и моментом окончания рассматриваемого преступления является фактический захват и удержание лица в качестве заложника независимо от того, были ли предъявлены требования или нет.

7. Примечание к ст. 227 УК КР является законодательно закрепленной «поощрительной нормой» стимулирующее деятельное раскаяние в случае позитивного постпреступного поведения виновного и является эффективной мерой при освобождении заложника.

8. Субъективная сторона захвата заложников характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием специальной цели – воздействия на третью сторону (государство, организацию или физическое лицо). При этом сам захват заложников следует рассматривать не как цель, а как средство достижения основной цели.

9. Субъектом захвата заложников может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В соответствии ч. 2 ст.18 УК КР лицо, совершившее захват заложников привлекается к уголовной ответственности с 14 лет. Установленная законодателем планка пониженного возраста привлечения к ответственности за захват заложников обоснованна и оправданна, объясняется это тем, что уже при достижении указного возраста лицо в силу своего физиологического и

умственного развития способно осознавать характер и общественную опасность данного деяния.

10. Криминогенные детерминанты захвата заложников носят сложный и многоуровневый характер. К числу факторов способствующих и обуславливающих совершение захвата заложников следует рассматривать: системный кризис власти, политическую нестабильность, межэтнические противоречия, религиозный экстремизм и сепаратизм, нерешенность вопросов делимитации и демаркации государственной границы (в особенности на юге страны), высокий уровень незаконного оборота оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

11. Лица, совершающие захват заложников, характеризуются следующими социальными признаками: как правило, это мужчины в возрасте от 20 до 45 лет, без определенного рода занятий, не имеющие постоянного источника дохода, ранее судимые в основной части за насильственные преступления, имеющие психическую патологию, не исключающую вменяемость.

12. Эффективное противодействие захвату заложников должно проводиться с использованием широкого комплекса мероприятий, включающих в себя решения наиболее важных политических, межэтнических, религиозных и идеологических проблем в Кыргызской Республике, в совокупности и в неразрывной взаимосвязи с уголовно-правовыми и криминологическими мерами воздействия. Непосредственно к наиболее эффективным мерам предотвращения и пресечения захвата заложников, на наш взгляд, следует отнести реализацию всего потенциала норм с «двойной» превенцией, стимулирование граждан к активной борьбе с захватом заложников, путем пропаганды использования институтов необходимой обороны, крайней необходимости, и причинения вреда при задержании лица совершившего преступление, а также применение поощрительной нормы, установленной в примечании ст. 227 УК КР освобождающей от уголовной ответственности в случае позитивного постпреступного поведения виновного.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Основные положения и результаты диссертационного исследования были внедрены в учебный процесс Кыргызской государственной юридической академии при чтении курсов лекций по уголовному праву и криминологии. Рекомендации и предложения, содержащиеся в диссертационном исследовании, направленные на повышения эффективности противодействия захвату заложников и других преступлений против общественной безопасности, были приняты к рассмотрению «Главным управлением по борьбе с терроризмом» Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. В дальнейшем, результаты и выводы исследования, могут быть применены в законотворческом процессе для совершенствования уголовно-правовых норм за захват заложников и оптимизации работы следствия и суда по практическому применению соответствующих норм уголовного права, а также в научных целях при подготовке учебников и учебно-методических пособий по данной тематике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] Информационно-справочные материалы по итогам оперативно-служебной деятельности МВД КР за 2011 год. – Бишкек: Информационно-аналитический центр Главного штаба МВД КР – 35 с.
- [2] [http: Спецслужбы Кыргызстана ликвидировали террориста, захватившего маршрутку с пассажирами. 9 октября 2011, 11:40. Информагентство – 24.kg](http://www.informagentstvo.kg)
- [3] [http: На юге Кыргызстана задержаны экстремисты, готовящие теракты к выборам. 10 октября 2011, 14:07. K-News.kg](http://www.k-news.kg)
- [4] **Гущин, М.Ю.** Захват заложника: криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Ю. Гущин. – СПб., 2005. - 178 с.
- [5] **Беляева, Н.В.** Уголовная ответственность за захват заложников [Текст] // Насильственные преступления: Сборник статей / Н.В. Беляева, Т.Ю. Орешкина – М., 1994. – 67 с.
- [6] **Моджорян, Л.А.** Терроризм на море [Текст] / Л.А. Моджорян. – М., 1991. – 254 с.
- [7] **Уилсон, К.** Мир криминалистики [Текст] / К. Уилсон. В 2-х т. / Пер. с англ. – Смоленск, 1997. – Т. 1. – 278 с.
- [8] История древнего мира [под ред. Дьяконова И.М., Неровной В.Д., Свеницкой И.С.]. – М., 1982. – 345 с.
- [9] **Дьяконов, И.М.** Записки Аристотеля [Текст] / И.М. Дьяконова. - М., 1985. – 234 с.
- [10] **Дуров, В.С.** Юлий Цезарь: человек и писатель [Текст] / В.С. Дуров. – Л., 1991. – 378 с.
- [11] **Утченко, С.Л.** Юлий Цезарь [Текст] / С.Л. Утченко. – М., 1976. – С. 293 с.
- [12] Записки Юлия Цезаря и его продолжателей [Перевод и комментарий Покровского М.М.]. – М., 1952. – 265 с.

- [13] **Геродот.** История [Текст] / Геродот. – Кн. 7. – М., 2000. – 359 с.
- [14] **Нойкирхен Х.** Пираты. Морской разбой на всех морях [Текст] / Х. Нойкирхен. – М.: Прогресс, 1980. – 288 с.
- [15] Парижская коммуна в документах и материалах: [Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран]. – М., 1996. – 478 с.
- [16] **Филюшкин, А.И.** Андрей Михайлович Курбский // Вопросы истории [Текст] / А.И. Филюшкин. – 1999. – №1.- М. – 376 с.
- [17] Слово «аманат» имеет арабские корни и переводится на русский язык как «заложник». Советский энциклопедический словарь. – М., 1986. – 798 с.
«Аманат (ар.) – заложник, даваемый в обеспечение договора (в Древней Руси и некоторых восточных странах). Словарь иностранных слов. – М., 1987. – 734 с.
- [18] **Бирюков, А.В.** Российско-чеченские отношения в 18 середине 19 века // Вопросы истории [Текст] / А.В. Бирюков. – 1998. – №2. – М. – 296 с.
- [19] Записки Ермолова А.П. 1798-1826 гг. [сост. В.А. Федоров]. – М., 1991. – 385 с.
- [20] Слово «барымта» переводится с кыргызского языка как – «залог». Русско-кыргызский толковый словарь юридических терминов и понятий. – Бишкек, 2006. – 806 с.
- [21] **Валиханов, Ч.** Собр. соч. [Текст] / Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1962. – Т.1. – 623 с.
- [22] **Семенов-Тянь-Шанский, П.П.** Путешествие в Тянь-Шань. 1856-1857 гг. [Текст] / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М., 1958. – 383 с.
- [23] **Нурбеков, Н.** История государства и права Киргизской ССР [Текст] / Н. Нурбеков. – Бишкек, 1999. – 127 с.
- [24] **Кожоналиев, С.К.** Обычное право кыргызов [Текст] / С.К. Кожоналиев. – Бишкек. 2000. – 434 с.
- [25] **Мельгунов, С.П.** Красный террор в России [Текст] / С.П. Мельгунов. – СПб., 1999. – 146 с.

- [26] **Козлова, Н.Н.** Уголовная ответственность за захват заложников [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Н. Козлова. – М., 1992. – 186 с.
- [27] **Анциферов, К.П.** Ответственность за захват заложника (уголовно-правовой и криминологический аспекты) [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.П. Анциферов. – М., 2003. – 191 с.
- [28] **Горбунов, Ю.С.** Международно-правовое регулирование борьбы с захватом заложников // Московский журнал международного права [Текст] / Ю.С. Горбунов. – 1993. – №3. – 73 с.
- [29] **Найер, А.** Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие [Текст] / А. Найер. – М., 2000. – 394 с.
- [30] **Жаринов, К.В.** Терроризм и террористы. Справочник [Текст] / К.В. Жаринов. – Минск, 1999. – 407 с.
- [31] **Журавлев, И.А.** Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложника [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Журавлев. – М., 2002. – 188 с.
- [32] Сомалийские пираты: Захвачен танкер «Московский университет». 23.04.2010. / Интернет ресурс: [http:// www.vesti.ru](http://www.vesti.ru)
- [33] Захват в заложники моряков теплохода "Норт-спирит" (North Spirit) 16.05.2010. / Интернет ресурс: [http:// www.marinetraffic.com](http://www.marinetraffic.com)
- [34] Доклад международного морского бюро при ООН. Нью-Йорк. 2010.
- [35] **Хоменко, А.Н.** Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Н. Хоменко. – Омск, 2008. – 25 с.
- [36] **Миддендорф, В.** Виктимология взятия заложников. Перевод ВНИИ МВД СССР [Текст] / В. Миддендорф // Криминалистика. – Гамбург, 1974. – № 4. – 168 с.
- [37] **Монтрей, Ж.** Взятие заложников [Текст] / Ж. Монтрей // Национальная полиция. – Париж, 1974. – № 95. – 56 с.
- [38] **Овчинникова, Г.В.** Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические криминалистические проблемы [Текст] / Г.В.

- Овчинникова, М.Ю. Павлик, О.Н. Коршунова. Юридический центр Пресс. СПб, 2001. – 257 с.
- [39] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН 34 сессия. Документы 34/A/34/ 39/. Раздел № 4.
- [40] **Лоскутов, А.Г.** Пресечение захвата заложников [Текст] / А.Г. Лоскутов // Соц. законность. – 1991. – № 12. – 43 с.
- [41] Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 28
- [42] Резолюция «Захват заложников» от 11 ноября 2006 г., за № 1981-11 принятая 61-ой пленарной сессии Генеральной Ассамблее ООН, Нью-Йорк.
- [43] Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г., а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), главами государств была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, от 15 июня 2001 г. г. Шанхай
- [44] Курс советского уголовного права. Часть общая. – М., 1970 – Т.2.- 359 с.
- [45] **Никифоров, Б.С.** Объект преступления [Текст] / Б.С. Никифоров. – М., 1960 – 124 с.; Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве [Текст] / Я.М. Брайнин. – М., 1963 – 157 с.; Фролов, Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления [Текст] / Е.А. Фролов: Сборник научных трудов. – Свердловск: Юрид. ин-т, 1969. – Вып. №10 – 48 с.; Каиржанов, Е.И. Объект преступления в СССР [Текст]: дисс. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / Е.И. Каиржанов. Киев, 1975- 248 с.; Ляпунов, Ю.И. Основные теоретические проблемы уголовно-правовой охраны природы в СССР [Текст]: дисс. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.И. Ляпунов. – М., 1976 - 223 с.; Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны [Текст] / Н.И. Коржанский. – М., 1980 – 243 с.
- [46] **Пионтковский, Л.Л.** Уголовное право РСФСР [Текст] / Л.Л. Пионтковский. Часть общая. – М., 1925. – 486 с.; Загородников, П.И.

- Труды военно-юридической академии [Текст] / П.И. Загородников. – М., 1949. – Т. 10. – 348 с.
- [47] **Кудрявцев, В.Н.** Общая теория квалификации преступлений [Текст] / В.Н. Кудрявцев. Изд. 2-е., перераб. и дополн. – М.: Юристъ, 2001. – 304 с.
- [48] **Бодобаев, К.А.** Уголовное право КР [Текст] / К.А. Бодобаев. – Б.: 2005-487 с.
- [49] Российское уголовное право / [под общей ред. Рарога И.А.] – М.: Профобразование, 2001. – 597 с.
- [50] **Фролов, Е.А.** Спорные вопросы общего учения об объекте преступления [Текст] / Е.А. Фролов // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Свердловск, 1969. – 48 с.
- [51] **Таций, В.Я.** Объект и предмет преступления в советском уголовном праве [Текст] / В.Я. Таций. – Харьков, 1988. - 265 с.
- [52] Уголовное право России. Практический курс / [под общей ред. Р.А. Адельханана, А.В. Наумова]. – М.: Изд-во. Волтерс-Клувер, 2004.- 713 с.
- [53] **Коржанский, Н.И.** Предмет преступления [Текст] / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1988. – 267 с.
- [54] **Комиссаров, В.С.** Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования [Текст] / В.С. Комиссаров // Законность. – 1995. – №3. – 68 с.;
Беляева, Н., Квалификация захвата заложников [Текст] / Н. Беляева, Т. Орешкина, Э. Мурадов // Законность. – 1994. – № 7. – 78 с.;
Тихий, В.П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства) [Текст]: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / В.П. Тихий. – Харьков, 1989. – 38 с.
- [55] Уголовное право. Особенная часть / [под ред. Козаченко И.Я., Незнамовой З.А., Новоселова Г.Н.]. – М., 1998. – 348 с.
- [56] **Кудрявцев, В.Н.** Объективная сторона преступления [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – 289 с.

- [57] **Таганцев, Н.С.** Русское уголовное право [Текст] / Н.С. Таганцев. Лекции. Часть общая – Т. 2. – СПб., 1902. – 595 с.
- [58] Советское уголовное право: Часть Общая. Учебник / [под ред. Гаухмана Л.Д., Колодкина Л.М.]. – М.: МИ МВД России, 1997. – 432с.
- [59] **Куринов, Б.А.** Научные основы квалификации преступлений [Текст] / Б.А. Куринов. – М.: МГУ, 1984. – 320 с.
- [60] **Здравомыслов, Б.В.,** Уголовное право. Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев. Учебник. – М.: Юрид. лит., 1982. – 476 с.
- [61] **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М., 1986. – 676 с.
- [62] **Павлик, М.Ю.** Актуальные проблемы захвата заложника [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Ю. Павлик. – СПб., 1998. – 168 с.
- [63] Словарь по уголовному праву / [под ред. А.В. Наумова]. – М., 1997. – 439 с.
- [64] **Комиссаров, В.С.** Преступления, нарушающие общие правила безопасности. (Понятие, система, общая характеристика) [Текст]: дисс. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – М., 1997. – 258 с.
- [65] **Комиссаров, В.С.** Ответственность за захват заложников по УК РСФСР [Текст] / В.С. Комиссаров // Вестник Московского университета. – 1995. – №5. – 72 с.
- [66] **Осипов, В.А.** Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспект [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: / В.А. Осипов. – М., 1999. – 192 с.
- [67] **Левертова, Р.А.** Ответственность за психическое насилие по светскому уголовному праву [Текст] / Р.А. Левертова: Учебное пособие. – Омск, 1978. – 143 с.
- [68] **Фойницкий, И.Я.** Уголовное право. Часть особенная [Текст] / И.Я. Фойницкий. – СПб. 1890. – 389 с.
- [69] **Симонов, В.С.,** Квалификация насильственных посягательств на собственность. В.С. Симонов, В.Г. Шумихин. – М., 1988. – 258 с.

- [70] **Рахимов, Р.Р.** Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия захвату заложника [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.Р. Рахимов. – СПб., 2004. – 25 с.
- [71] **Мартыненко, Н.Э.** Похищения человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Э. Мартыненко. – М., 1994. – 187 с.
- [72] Военный гарнизонный суд, г. Балыкчи Уголовное дело - № 03-1314.
- [73] Советское уголовное право: Часть общая. Учебник / Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, И.И. Гришаев и др. – М.: Юрид. лит., 1984. – 386 с.; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / [отв. ред. Б.В. Здравомыслов]. – М.: Юристъ, 1996. – 296 с.
- [74] **Викторов, Б.А.** Цель и мотив в тяжких преступлениях [Текст] / Б.А. Викторов. – М.: Госюриздат, 1963. – 159 с.
- [75] **Гаухман, Л.Д.** Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект) [Текст] / Л.Д. Гаухман. Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 22 с.
- [76] **Назаров, В.** Захват заложников – закон и практика // Социалистическая законность В. Назаров, В. Прошляков. – 1991. – № 3. – 75 с.; Уголовное право. Особенная часть. Учебник / [под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова]. – М.: Юрид. лит., 1988. – 408 с.
- [77] Архив Московского районного суда, Чуйской области Уголовное дело № 02-1372.
- [78] Уголовное право. Общая часть. Вып. 2. Учебное пособие [Л.Д. Гаухман, М.И. Журавлев, С.В. Максимов и др.]. – М.: МИ МВД России, 1995. – 458 с.
- [79] Уголовное право. Общая часть: Учебник / [под ред. Рарога И.А.] – М.: 1998. – 495 с.
- [80] **Ветров, Н.И.** Уголовное право. Общая часть [Текст] / Н.И. Ветров. – М., 1999. – 527 с.

- [81] **Злобин, Г.А.** Умысел и его формы Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972. – 225 с.
- [82] Уголовное право. Особенная часть / [под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова]. – М., 2002. - 473 с.
- [83] Московский комсомолец. 15 ноября 2010.
- [84] Терроризм: борьба и проблемы противодействия: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов / [под ред. проф. Кикотя И.Я., проф. Эриашвили Н.Д.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 590 с.
- [85] Природа этнорелигиозного терроризма [под ред. проф. Антояна Ю.М., Белокуров Г.И., Боковиков А.К.] – М.: Аспект Пресс, 2008. – 365 с.
- [86] Террористы на пороге страны в заложниках генерал // Дело №. – 28 августа 1999.
- [87] **Брайнин, Я.М.** Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве [Текст] / Я.М. Брайнин. – М., 1963. – 245 с.
- [88] **Курманов, К.Ш.** Уголовное право КР. Учебник для юридических вузов. Издание 6-е с изменениями и дополнениями. (Общая часть) [Текст] / К.Ш. Курманов. КГЮА. – Б.: «Просвещение», 2005. – 264 с.
- [89] **Наумов, А.В.** Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике [Текст] / А.В. Наумов. – СПб., 1991. – № 2. – 75 с.; Никифоров, А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц [Текст] / А.С. Никифоров // Уголовное право: новые идеи / [под ред. Келиной С.Г., Наумова А.В.]. – М., 1994. – 125 с.
- [90] **Сербский, В.П.** Судебная психопатия. Вып. 1. [Текст] / В.П. Сербский. – М., 1895. 65 с.
- [91] **Гаджименов, Б.А.** Уголовно-правовые и криминологические проблемы похищения человека [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.А. Гаджименов. – М., 2000. – 25 с.
- [92] Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987. – 126 с.
- [93] Юридический энциклопедический словарь / [глав. ред. Сухарев А.Я.].

- М.: Советская энциклопедия, 1987. – 756 с.
- [94] **Бурчак, Ф.Г.** Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы [Текст] / Ф.Г. Бурчак. – Киев, 1986. – 287 с.
- [95] Уголовное право России (ч. Общая и Особенная). Учебник / [под ред. Рарога И.А., Журавлев М.П., Наумов А.В.] 4-е издание, переработанное и дополненное. – М.: ТК Велби. Изд-во. Проспект, 2003. – 586 с.
- [96] **Курманов, К.Ш.** Уголовное право. Часть особенная. Институт переподготовки и повышения кадров при КНУ им. Ж. Баласагына. [Текст] / К.Ш. Курманов.- Б.: 2000. 398 с.
- [97] **Токой уулу Канатбек** Уголовная ответственность за соучастие. (По уголовному законодательству Кыргызской Республики) [Текст] / Канатбек Токой уулу. – Б.: 2005. – 233 с.
- [98] Уголовное право. Общая часть: Учебник / [под ред. Гаухмана Л.Д., Колодкина Л.М.]. – М.: МИ МВД России, 1997. – С. 446.
- [99] Государственные преступления / [А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, А.Л. Ошерович, А.А. Пионтковский]. – М., 1937. – 245 с.; Лаптев, А. Соучастие по советскому уголовному праву // Советская юстиция [Текст] / А. Лаптев. – 1938. – №№23-24. – 45 с.
- [100] **Устинова, Т.Д.** Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ) [Текст] / Т.Д. Устинова. – М., 1997. – 78 с.
- [101] **Гаухман, Л.Д.** Ответственность преступления против собственности [Текст] / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. – 176 с.
- [102] **Комиссаров, В.С.** Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ [Текст] / В.С. Комиссаров. – М.: Кросна - Лекс, 1997. – 45 с.
- [103] **Сайфутдинов, Т.И.** Противодействие терроризму. [Текст] / Т.И. Сайфутдинов, Монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. – 90 с.
- [104] **Быков, В.** Конструкция квалифицирующего признака совершения преступления группой [Текст] / В. Быков // Уголовное право. – 2000.

– №3. – 48 с.

- [105] **Трайнин, А.Н.** Учение о соучастии [Текст] / А.Н. Трайнин. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 80 с.
- [106] Комментарий к УК КР / [под общей ред. проф. Курманова К.Ш.]. – Б.: 2003. – 744 с.
- [107] Приложение № 17 к приказу №5 Минздрава КР от 17 января 2000 г. «Правил судебно-медицинского определения тяжести вреда здоровью».
- [108] **Георгиевский, Э.В.** Краткий словарь-справочник по уголовному праву России [Текст] / Э.В. Георгиевский. – Иркутск: ИВШ МВД России, 1997. – 248 с.
- [109] Уголовное право. Общая часть. Особенная часть / [под ред. Ветрова И.И., Ляпунова Ю.И.] – М., 2001. – 497 с.
- [110] **Бушуев, Г.В.** Способ совершения преступления и его влияния на общественную опасность содеянного. Лекция [Текст] / Г.В. Бушуев. – Омск: ВШМ МВД СССР, 1998. – 20 с.
- [111] Советское уголовное право: Часть общая. – М.: Юрид. лит., 1977. – 369 с.
- [112] **Гаухман, Л.Д.** Насилие как средство совершения преступления [Текст] / Л.Д. Гаухман. – М.: Юрид. лит., 1974. – 46 с.
- [113] **Рарог, А.И.** Роль науки в развитии уголовного права // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке [Текст] / А.И. Рарог. – М., 2005. – С. 6.; Иногамова-Хегай, Л.В. Совокупность преступлений: проблемы квалификации // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке [Текст] / Л.В. Иногамова-Хегай. – М., 2005. – С. 113-114; Коренева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений [Текст] / А.В. Коренева. – М., 2008. – С. 131 и др.
- [114] **Курманов, К.Ш.** Квалификация преступлений: теория и практика [Текст] / К.Ш. Курманов. – Б., 2001. – 128 с.
- [115] **Каплунов, А.И.** Применение и использование огнестрельного оружия по законодательству РФ [Текст] / А.И. Каплунов, С.Ф. Милюков. – СПб., 1998. – 186 с.

- [116] Закон КР «Об оружии» от 9 июня 1999 г. №49, – Ст.1.
- [117] Комментарий к УК КР / [под ред. Асаналиева Т.А., Каримбекова А.Ж., Осмоналиева К.М.]. – Б., 2002. – 615 с.
- [118] Уголовное право. Особенная часть: Учебник / [под ред. Рарога А.И.]. – М.: «Триада, Лтд», 1997 – 329 с.
- [119] **Бородин, С.В.** Квалификация преступлений против жизни [Текст] / С.В. Бородин. – М.: Юрид. лит., 1977. – 156 с.
- [120] **Волков, Б.С.** Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование) [Текст] / Б.С. Волков. – Казань: Казанский университет, 1982. – 166 с.
- [121] **Миненок, М.Г.** Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы [Текст] / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. – СПб., 2001. – 487 с.
- [122] Комментарий к УК РФ [под ред. Ю.И.Скуратова и В.М. Лебедева] М., 1999.
- [123] **Козлов, А.П.** Соучастие: уголовно-правовые проблемы [Текст]: автореф. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / А.П. Козлов. – СПб., 2003. – 39 с.
- [124] **Тельнов, П.Ф.** Ответственность за соучастие в преступлении [Текст] / П.Ф. Тельнов. – М.: Юрид. лит, 1974. – 198 с.
- [125] **Гаухман, Л.Д.** Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий [Текст] / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. – 45 с.
- [126] **Афиногенов, С.В.** Соучастие в преступлении [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Афиногенов. – М., 1991. – 25 с.
- [127] **Стручков, Н.А.** Назначение наказания при совокупности преступлений [Текст] / Н.А. Стручков. – М., 1957. – 65 с.
- [128] **Загородников, Н.И.** О квалификации преступлений против жизни [Текст] / Н.И. Загородников // Советское государство и право. – 1976. – №2. – 76 с.

- [129] Уголовное право / [под ред. Козаченко И.Я., Незнамовой З.А., Новоселова Г.]. – М., 1998. – 487 с.
- [130] **Овчинникова, Г.В.** Терроризм: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» [Текст] / Г.В. Овчинникова / Науч. ред. проф. Волженкин Б.В. – СПб., 1998. – 287 с.
- [131] Комментарий к Уголовному кодексу РФ / [отв. ред. Радченко В.И.]. – М., 1996. – 687 с.
- [132] **Казарьянц, А.А.** Борьба с захватом заложника (уголовно-правовой и криминологический аспект) [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Казарьянц. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.
- [133] **Скобликов, П.** Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника в новом уголовном законодательстве [Текст] / П. Скобликов // Законность. – 1997. – 78 с.
- [134] **Комиссаров, В.** Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности [Текст] / В. Комиссаров // Законность. – 1999. – №3. – С. 74 с.
- [135] **Гаухман, Л.Д.** Об ответственности за захват заложников и похищение человека [Текст] / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов, С. Сауляк // Законность. – 1994. – №10. – С. 43-46; Мартыненко, Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Э. Мартыненко. – М., 1994. – С. 107.
- [136] Комментарий к УК КР. [под ред. Т.А. Асаналиев, А.Ж. Каримбеков, К.М. Осмоналиев]. – Б.:2004. – 615 с.
- [137] **Борчашвили, И.Ш.** Уголовное право Республики Казахстан [Текст] / И.Ш. Борчашвили. Особенная часть: Курс лекций. Кн. 1 /. Алматы: Жети - жаргы, 2006. – 656 с.
- [138] **Ляхов, Е.Г.**, Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом [Текст] / Е.Г. Ляхов. – М. 1979. – 453 с.
- [139] **Емельянов, В.П.** Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование [Текст] / В.П.

- Емельянов. – СПб., 2002. – 291 с.; Коршунова, О.Н. Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных стадиях [Текст] / О.Н. Коршунова. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 296 с.
- [140] **Трайнин, А.Н.** Общее учение о составе преступления [Текст] / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1957. – 454 с.
- [141] В Оше задержан некий «Аваз – каратист» обвиняемый в захвате заложников. АКИpress – Фергана (Ош), июня 30. 2010 г.
- [142] Информационно-справочные материалы ГКНБ КР.
- [143] Архив Аламединого районного суда, Чуйской области, Уголовное дело №58-10-618.
- [144] Архив Жалаллабадского городского суда. Уголовное дело № 82-02-0908.
- [145] Архив Бишкекского городского суда. Уголовное дело № 082-03-0033, №3-03-2157, №55-02-1904.
- [146] Терроризм в Центральной Азии. Интернет ресурс: [http:// www.antiteror.ru. /exrabroad/](http://www.antiteror.ru/exrabroad/).
- [147] Архив Первомайского районного суда г. Бишкек. Уголовное дело, №82-90702, №82-01-0072.
- [148] Архив Военного гарнизонного суда г. Ош. Уголовное дело № 81-28567
- [149] Архив Акталинского районного суда, Нарынской области Уголовное дело №21-00-0212.
- [150] **Джаянбаев, К.И.** Криминология. Курс лекций [Текст] / К.И. Джаянбаев. – Бишкек: ИД. «Просвещение», 2003. – 381 с.
- [151] **Гилинский, Я.И.** Криминология. Курс лекций. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль [Текст] / Я.И. Гилинский. – СПб.: Изд. дом. «Питер», 2002. – 377 с.
- [152] **Кудрявцев, В.Н.** Криминология. Учебник [Текст] Кудрявцев В.Н. и Эминова В.Е.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. – 576 с.

- [153] **Каиржанов, Е.И.** Учебник. Криминология. (Общая часть). 2-е издание, переработанное и дополненное [Текст] / Е.И. Каиржанов. – Алматы, 2000. – 287 с.
- [154] **Курманов, А.К.** Криминология. Учебно-методическое пособие [Текст] / А.К. Курманова, Р.А. Окенова. – Бишкек, 2006. – 87 с.
- [155] **Кузнецова, Н.Ф.** Учебник. Криминология [Текст] / Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. – М.: Бек, 1998. – 486 с.
- [156] **Аванесов, Г.А.** Криминология. Прогностика. Управление. Учебное пособие [Текст] / Г.А. Аванесов. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. – 188 с.
- [157] **Аванесов, Г.А.** Криминология [Текст] / Г.А. Аванесов. – М. Академия МВД СССР, 1984. – 463 с.
- [158] Криминология и профилактика преступлений. Учебник. / [под ред. Алексеева А.И.]. – М.: МВШМ МВД СССР, 1989. – 568 с.
- [159] **Аванесов, Г.А.** Криминология и социальная профилактика [Текст] / Г.А. Аванесов. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 483 с.
- [160] **Аванесов, Г.А.** Теория методология криминологического прогнозирования [Текст] / Г.А. Аванесов. – М.: Юрид. лит., 1972. – 389 с.
- [161] **Алексеев, А.И.** Криминология. Курс лекций [Текст] / А.И. Алексеев. – М.: Щит-М, 1998. – 476 с.
- [162] **Назаркин, М.В.** Криминологическая характеристика и предупреждения терроризма [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Назаркин. – М., 2003. – 243 с.
- [163] **Устинов, В.В.** Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика [Текст] / В.В. Устинов. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 557 с.
- [164] **Lodge, Juliet.** Introduction // Terrorism: A Challenge the State. Edited by Juliet Lodge. St. Martin's Press [Text] / Juliet Lodge. – New York, 1981. – 231 p.

- [165] **Антонян, Ю.М.** Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
- [166] Рывок к господству: третья стадия // Дело №... – 6 сентября 2006.
- [167] Кто устроил Баткен-3 // Дело №... – 21 июля 2006.
- [168] **Алексеев, А.И.** Причины преступлений и их устранений органами внутренних дел. Лекция [Текст] / А.И. Алексеев, А.Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1992. – 18 с.
- [169] **Лекарь, А.Г.** Профилактика преступлений [Текст] / А.Г. Лекарь. – М.: Юрид. лит., 1972. – 81 с.
- [170] Криминология: Учебник / [под общ. ред. Долговой А.И.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М., 2010. – 643 с.
- [171] **Сахаров, А.Б.** Учение о личности преступника и его значении в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция [Текст] / А.Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 16 с.
- [172] Личность преступника / [под ред. Волокова Б.С.]. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. – 166 с.
- [173] **Курганов, С.И.** Основы криминологии: Учебное пособие для вузов [Текст] / С.И. Курганов. – М., 1998. – 153 с.
- [174] **Антонян, Ю.М.** Преступник как предмет криминологического изучения [Текст] / Ю.М. Антонян // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 34. – М., 1981. – 75 с.
- [175] **Четвериков, В.С.** Криминология: Учебное пособие [Текст] / В.С. Четвериков. – М.: ИНФРА. – М, 1996. – 136 с.
- [176] **Окенова, Р.А.,** Криминология: Курс лекций [Текст] / Р.А. Окенова, А.Ш. Усенбаева. – Б., 2007. – 174 с.
- [177] **Лоскутов, А.Г.** Захват заложников в местах лишения свободы // [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Лоскутов. – М.: ВЮЗШ МВД РСФСР, 1991. – 220 с.
- [178] Обзорная информация. Зарубежный опыт. – Вып. 5. – М.: ГИЦ МВД России, 1992. – 47 с.

- [179] Похищение людей в Италии // Борьба с преступностью за рубежом.
– 1991. – № 3. – 75 с.
- [180] **Кондрашов, А.** Выкупать или не выкупать заложника? [Текст] /
А. Кондрашов, Д. Макаров // Аргументы и Факты. – 1998. – №14. – С. 4.
- [181] Архив суда г. Ош. Уголовное дело № 41-01-0617.
- [182] **Корецкий, Д.А.** Личность вооруженного преступника и предупреждение
вооруженных преступлений [Текст] / Д.А. Корецкий, Л.М. Землянухина.
СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 232 с.
- [183] **Горшенков, А.Г.** Преступность как объект управленческого воздействия
А.Г. Горшенков, Г.Г. Горшенков, Г.Н. Горшенков. – Сыктывкар, 1999.
– 257 с.
- [184] **Аванесов, Г.А.** Криминология и профилактика преступлений [Текст] /
Г.А. Аванесов. – М., 1989. – С. 221; Криминология и организация
предупреждения преступлений. – М., 1995. – С. 125-126.
- [185] **Гельфанд, И.А.** Предупреждение преступлений – основа борьбы за
искоренение преступности [Текст] / И.А. Гельфанд, П.П. Михайленко.
– Киев, 1964. – 467 с.
- [186] **Зеленский, А.Ф.** Значение нормы уголовного права для предупреждения
преступлений [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ф.
Зеленский. – М., 1966. – 26 с.
- [187] **Кобец, Н.Г.** Предупреждение правонарушений в производственном
коллективе: Вопросы теории и практики [Текст] / Н.Г. Кобец. – М.:
Юрид. лит., 1982. – 128 с.
- [188] Учебник. Криминология / [под ред. Кузнецовой Н.Ф., Миньковского
Г.М.]. – М.: Издательство БЕК, 1998. – С. 177; Окенова, Р.А. Учебное
пособие. Профилактика преступлений Р.А. Окенова, В.В. Хаустов.
– Бишкек, 2005. – С. 13-14.
- [189] Криминология. Учебное пособие / [под общ. ред. Эминова В.М.]. – М.:
Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 194 с.

- [190] **Миндагулов, А.Х.** Профилактика преступлений: Учебник [Текст] / А.Х. Миндагулов. – Алматы: ХАС, 2005. – С. 32-53.; Абдрахманов С.Т. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в Республики Казахстан. Учебное пособие. [Текст] / С.Т. Абдрахманов – Алматы: МВД РК, 2004. – 75 с.
- [191] Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006. за №178. Ст. 1.
- [192] Информационно-справочные материалы по итогам оперативно-служебной деятельности МВД КР за 2010 год. – Бишкек: Информационно-аналитический центр Главного штаба МВД КР – 42 с.
- [193] **Сайфутдинов, Т.И.** Уголовно-правовая борьба с терроризмом и пути повышения ее эффективности [Текст]: автореф. дисс... канд. юр. наук: 12.00.08 / Т.И. Сайфутдинов. Бишкек. 2005. – 28 с.
- [194] Закон КР «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 октября 1998. Ст. 2.
- [195] **Саркисова, Э.А.** Предупредительная роль уголовного закона [Текст] / Э.А. Саркисова. – Минск: Наука и техника, 1979. – 156 с.
- [196] **Баев, А.А.,** Организация и тактика первоначальных действий следственных групп при проведении специальной операции по освобождении заложников из летательного аппарата. Учебно-практическое пособие [Текст] / А.А. Баев, В.Н. Григорьев. – М.: МИ МВД России, 1995. – С. 35-36; Александров, М. Заложники и похитители // Частный сыск. Охрана. Безопасность [Текст] / М. Александров, 1996. – №10. – С. 59-61; Хоменко, А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников [Текст]: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Н. Хоменко. – Омск, 2008. – С. 21.
- [197] **Гафурова, Э.Р.** Применение крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, при освобождении заложников [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Э.Р. Гафурова. – М., 2006. – 199 с.

[198] **Орешкина, Т.Ю.** Современный терроризм и борьба с ним: Специальная информация. [Текст] / Т.Ю. Орешкина М., 1993. - 53 с.

[199] **Jamison, A.** The heart attacked. Terrorism and conflict in the Italian state.- Forego by Clutterbuck R. [Текст] / A. Jamison - L.:Y.:Boyars. 1989.P.305-306.

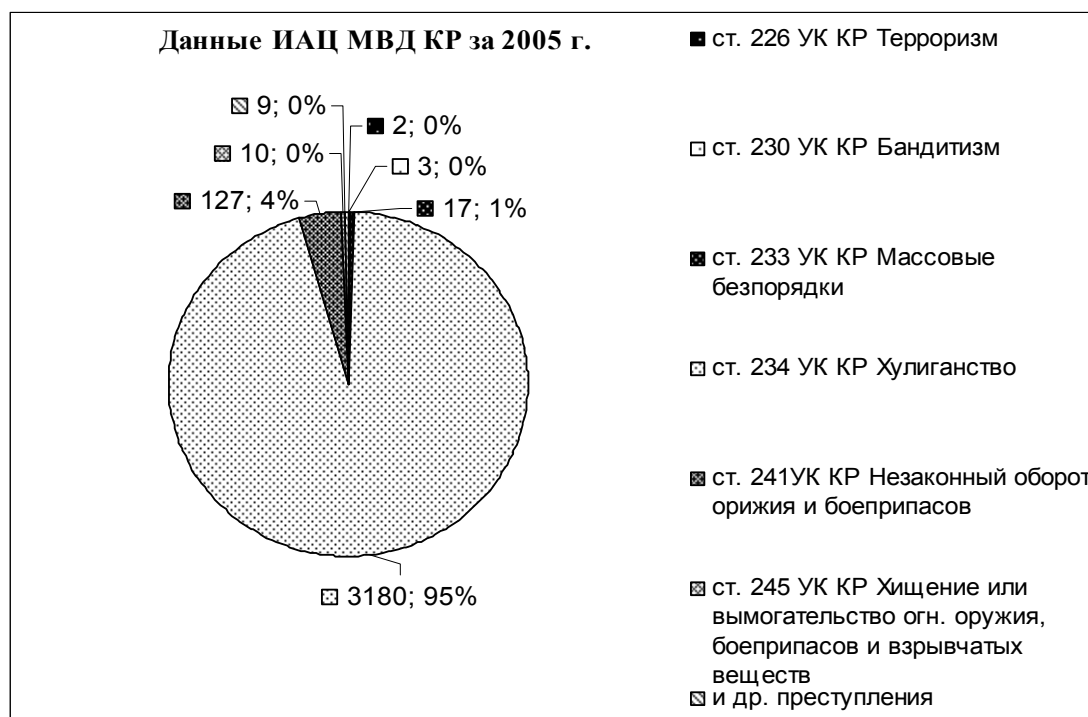
Таблица №1.1

Общий уровень преступности в Кыргызской Республике
(2005-2010 гг.)

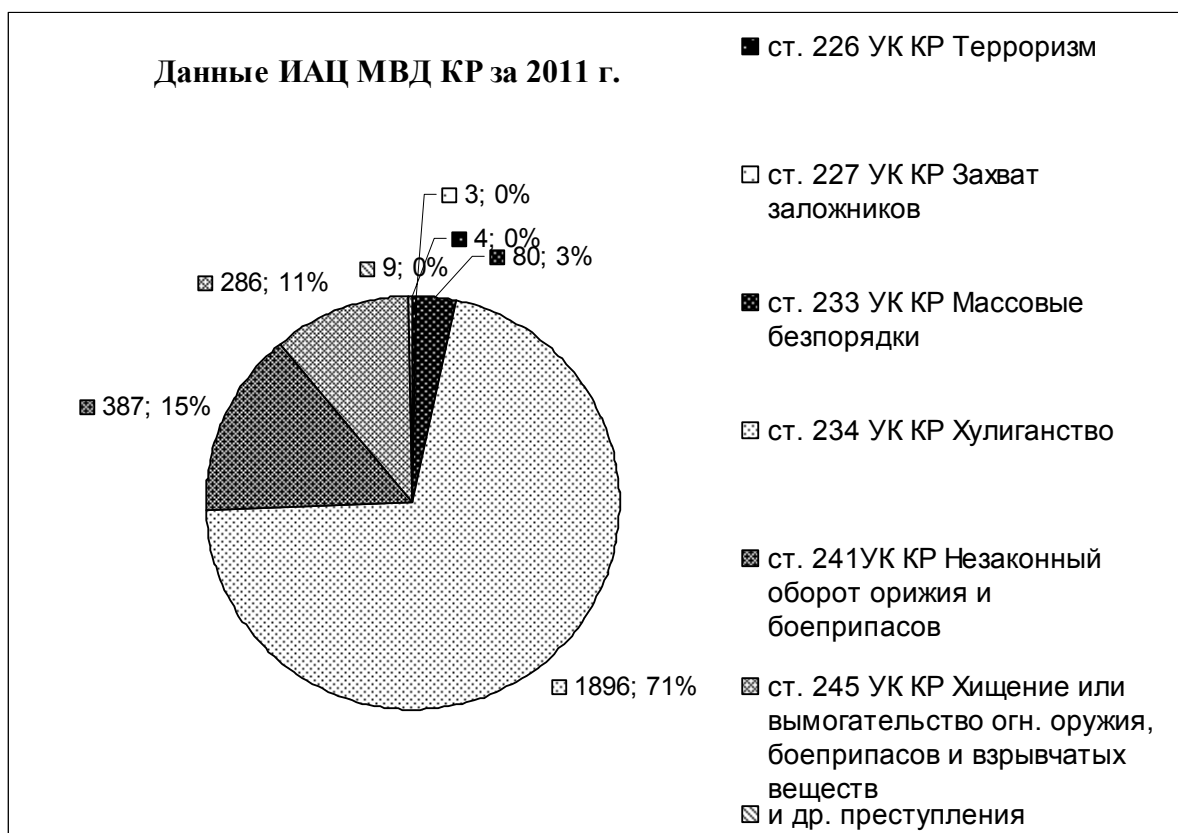
Годы	Общее количество преступлений (все виды)			
	Абс. показатель	Динамика	Коэффициент на 100 тыс. населения	Население в КР (в тыс. чел.)
2005	33277	2,0%	653,4	5092,8
2006	31392	- 5,6%	610,9	5138,6
2007	29151	- 2,1%	561,7	5189,8
2008	29519	1,2%	567,1	5205,1
2009	29715	0,6%	570,1	5212,2
2010	35528	19,5%	681,2	5215,4
2010 г. в % к 2005	106,8%	6,8%		

Диаграмма №1.1

Структура преступлений против общественной безопасности

Структура преступлений против общественной безопасности

Динамика зарегистрированных случаев терроризма в КР

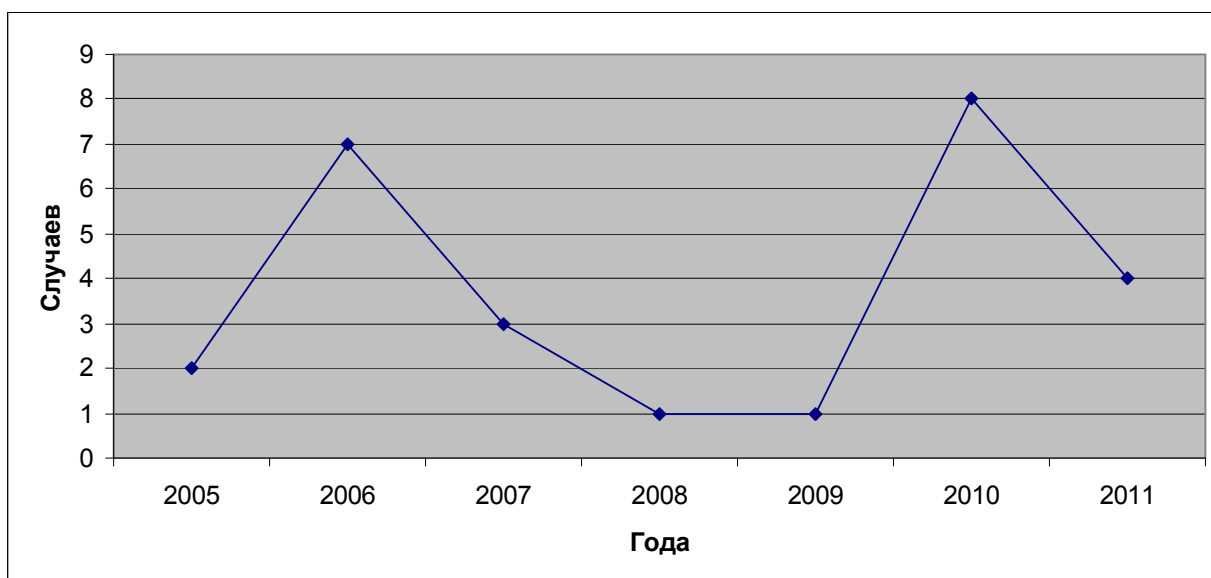

Диаграмма №1.4

Динамика зарегистрированных случаев
захвата заложников в КР

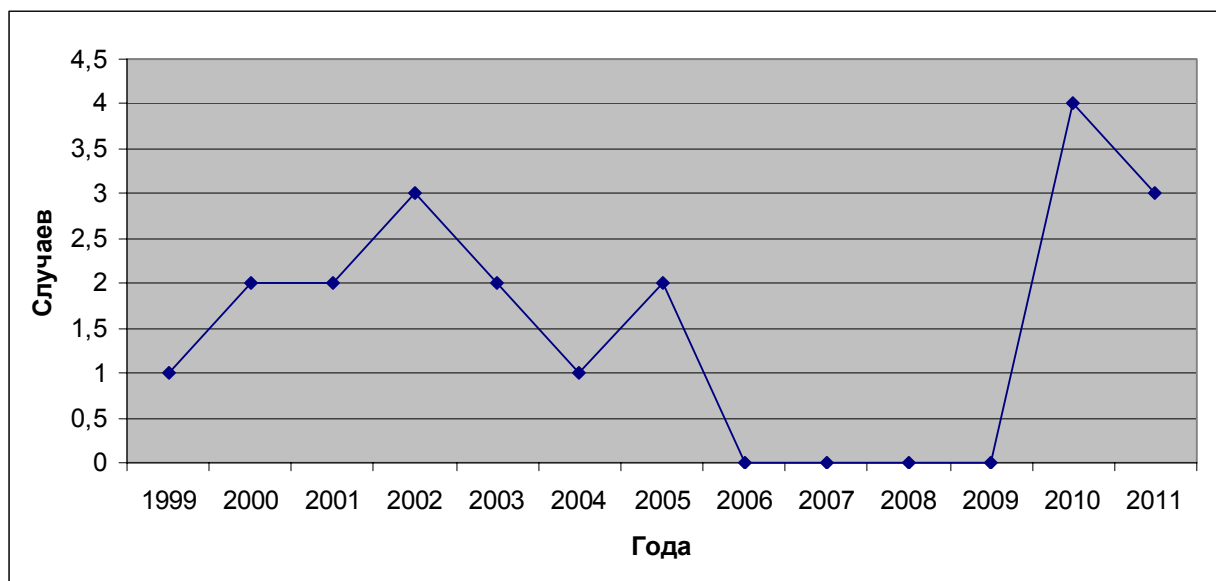
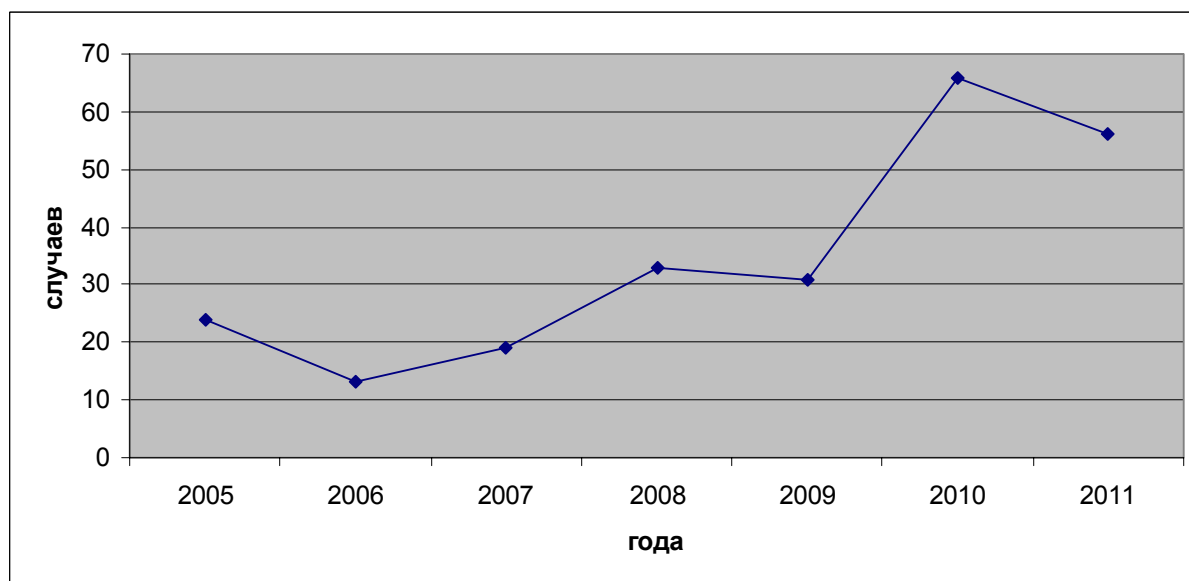

Диаграмма №1.5

Динамика зарегистрированных случаев
похищения человека в КР

**Динамика зарегистрированных случаев
незаконного лишения свободы в КР**

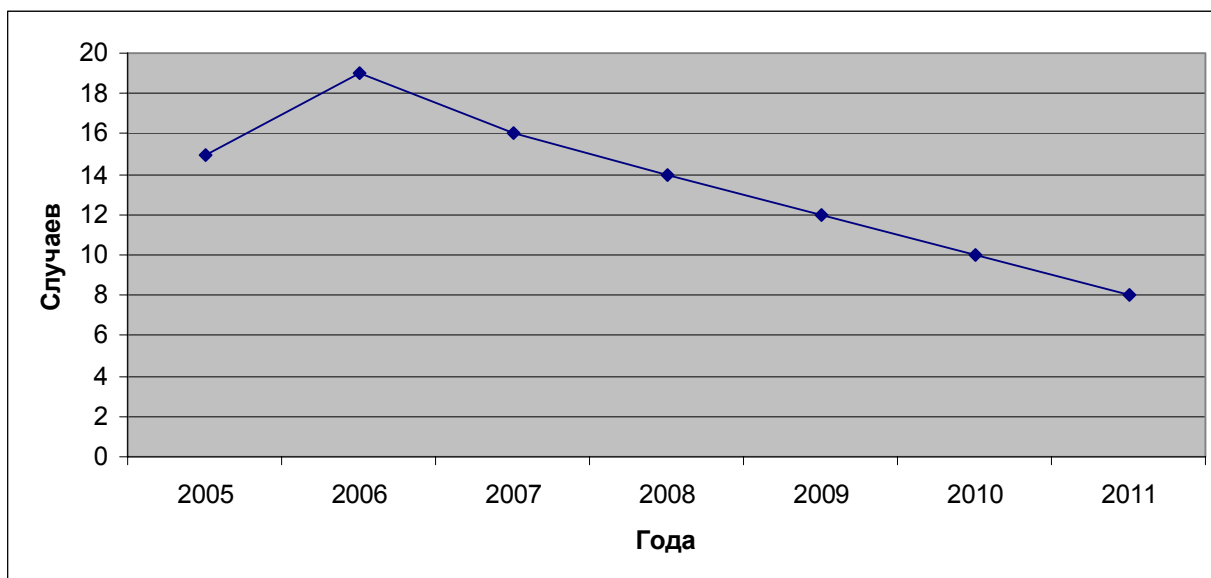

Таблица №1.2

**Сводные статистические данные по захвату заложников
и смежных составов преступлений**

Годы	Виды преступлений	Остаток преступлений прошлых лет	Зарегистрировано в отчетном году	Дела, находящиеся в производстве	Привлечено к уголовной ответственности лиц	Направленно в суд	Приостановлено по ст. 221 УПК КР
2005	ст. 226 УК КР	3	2	5	–	–	1
	ст. 227 УК КР	2	2	4	–	–	–
	ст. 123 УК КР	6	24	20	12	8	2
	ст. 125 УК КР	8	15	12	7	10	3
2006	ст. 226 УК КР	4	7	11	4	3	1
	ст. 227 УК КР	2	–	2	–	–	–
	ст. 123 УК КР	4	13	10	6	5	2
	ст. 125 УК КР	1	19	10	13	5	1
2007	ст. 226 УК КР	7	3	10	1	2	1
	ст. 227 УК КР	2	–	2	–	–	–
	ст. 123 УК КР	5	19	15	12	6	2
	ст. 125 УК КР	1	16	12	8	5	1

2008	ст. 226 УК КР	5	1	6	–	–	1
	ст. 227 УК КР	2	–	2	–	–	–
	ст. 123 УК КР	5	33	28	17	3	2
	ст. 125 УК КР	1	14	13	8	7	1
2009	ст. 226 УК КР	5	1	6	5	1	–
	ст. 227 УК КР	2	–	2	–	–	–
	ст. 123 УК КР	5	31	26	21	4	–
	ст. 125 УК КР	1	12	8	5	2	–
2010	ст. 226 УК КР	5	8	13	–	–	–
	ст. 227 УК КР	2	3	4	2	1	-
	ст. 123 УК КР	5	66	38	28	26	3
	ст. 125 УК КР	1	10	7	13	2	–

Анкета

Опросный лист для сотрудников правоохранительных органов,
о преступлении, предусмотренного ст.227 (захват заложников) УК КР

1. Сколько лет Вы служите в правоохранительных органах?

---

2. Приходилось ли Вам за период Вашей практической деятельности принимать участие в раскрытии или расследования общественно-опасных деяниях, связанных с захватом заложников или похищением человека? Если да, то в чем именно выражалось ваше участие, где и когда это было?

---

3. Какие трудности возникают при применении ст. ст.227, 123 УК КР в вашей практической деятельности?

---

4. Возникают ли у Вас проблемы при квалификации и отграничении захвата заложников, от похищения человека и незаконного лишения свободы? Если да, то в чем они выражаются и, что необходимо, на Ваш взгляд, предпринять, чтобы их устранить?
